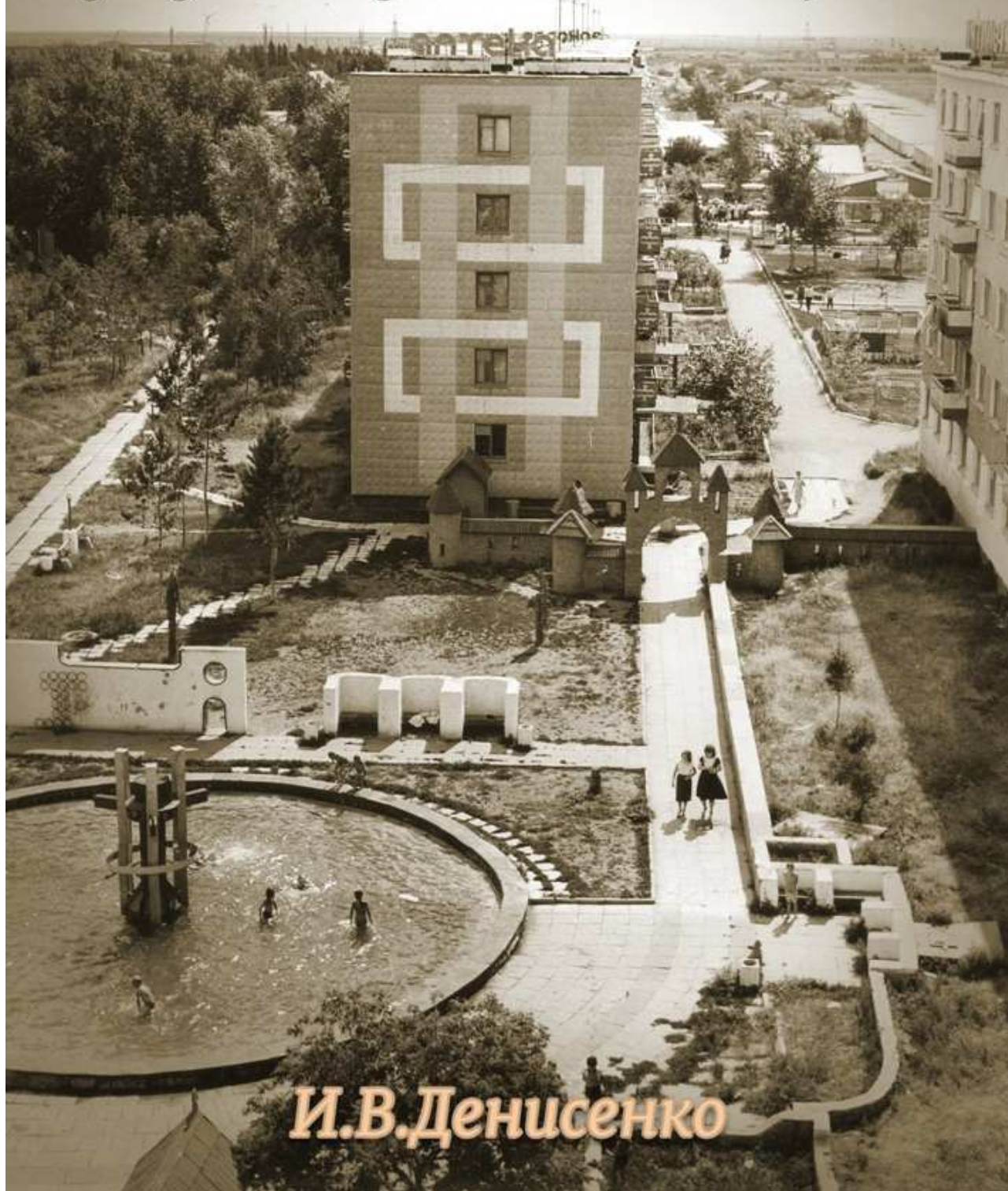

Сказка

для детей младшего пенсионного возраста

И.В.Денисенко

Сказка для детей младшего пенсионного возраста

Глава 1. Сергеевка

- Это не деревня, а ПГТ, поселок городского типа - Сергеевка, Алексеевского района , - уточнил на всякий случай дежурный ОВД и пристально посмотрел на выпавшего в его дежурство субъекта. - Тебе это название ни о чем не говорит?

Субъект отрицательно замахал головой. Он сидел на стуле и с любопытством рассматривал помещение, словно никогда ничего подобного не видел, и не в чем противозаконном никогда замешан не был. Но, не смотря на ясный и открытый взгляд серых глаз, и отсутствие перегара, доверия он не внушал. А вы бы поверили парню лет двадцати, который приперся на рассвете и заявил, что потерялся? Не малое дитя чай. А вот не помнит он ничего, ни как его звать, ни где жил до того, ни родных, ни близких, ни знакомых, т.е совершенно ничего.

- Точно ничего не помнишь? - в который раз спросил старший лейтенант Алексей Кулагин подавив позыв зевоты. Спать хотелось невероятно.

- Точно, - кивнул парень, рассматривая дыру в линолеуме на полу. Сквозь дыру были видны выдавшие виды доски, которые красили, красили, а потом плюнули и поверх истертой краски бросили линолеум. Дыра размером с фруктовое блюдо имела неровные и обугленные края, словно кто-то пытался разжечь на полу костер, а потом опомнился и передумал. Дежурный проследил за взглядом и вздохнул. История возникновения этой дыры ему была доподлинно известна. Это Михалыч сигарету на дежурстве уронил, и проснулся, когда от дыма уже дышать было нечем.

- А если подумать? Может что помнишь?

Парень промолчал. Он конечно кое-что помнил. Но то, что ему помнилось, никоим образом его появление здесь не могло объяснить. А помнил он, ворону на обочине, страдающую запором. Причем он точно знал, что эта птица ворона. Помнил, что птицы вроде как запором не страдают, но ворона замершая на месте и напряженно уставившаяся перед собой так выглядела. Знал, что между ним и вороной полоса асфальтированной дороги, а он стоит по другую сторону дороги, на противоположенной стороне, на обочине. Помнил, что всегда дороги ведут от одного населенного пункта к другому. Что там за дорогой вон то дерево - береза, а то - сосна, а там тополь. А на нем джинсы, футболка, толстовка, кроссовки. А вот кто он, никаких мыслей вообще. Он знал, что он сам как сущность относится к роду человеческому. Что размножаются люди не почкованием, и родители быть обязаны. Что дети растут, учатся в школах, работают, попутно обзаводятся друзьями и врагами. Но не помнил он ни родителей, ни друзей, ни врагов. И себя в предыдущей жизни не помнил. Ни кто он, ни чем занимался, ни имени, НИЧЕГО. И это ничего его напугало. Ему стало не то, что страшно, а как-то очень неуютно. Холодно было на рассвете. Проезжающих по дороге машин ни в ту, ни в другую сторону не было совсем, поэтому он накинуд на голову капюшон толстовки и двинул по обочине налево, в сторону, где за деревьями серел рассвет. И алое зарево восходящего солнца намекало, на начало дня. Дорога привела его до белой таблички с названием Сергеевка, а дальше мимо покосившихся черных от времени изб, до

двухэтажного кирпичного здания с синей табличкой с надписью Сергеевский ОВД.. Парень точно знал, что милиция должна помочь, это вроде как в их компетенции, поэтому бодро и без раздумий потянул тяжелую металлическую дверь за большую деревянную ручку. Дверь открылась и тут он познакомился с дежурным Алексеем Кулагиным. Тот в первую очередь поинтересовался, когда он принимал алкоголь, или какие либо таблетки? Потом, не было ли к нему причинено какое-либо физическое воздействие? В частности по голове тяжелым тупым предметом? Получив на это отрицательный ответ, старший лейтенант исследовал голову потеряшки с особой тщательностью, на наличие шишек, гематом, и педикулеза, но ничего не обнаружив, приуныл.

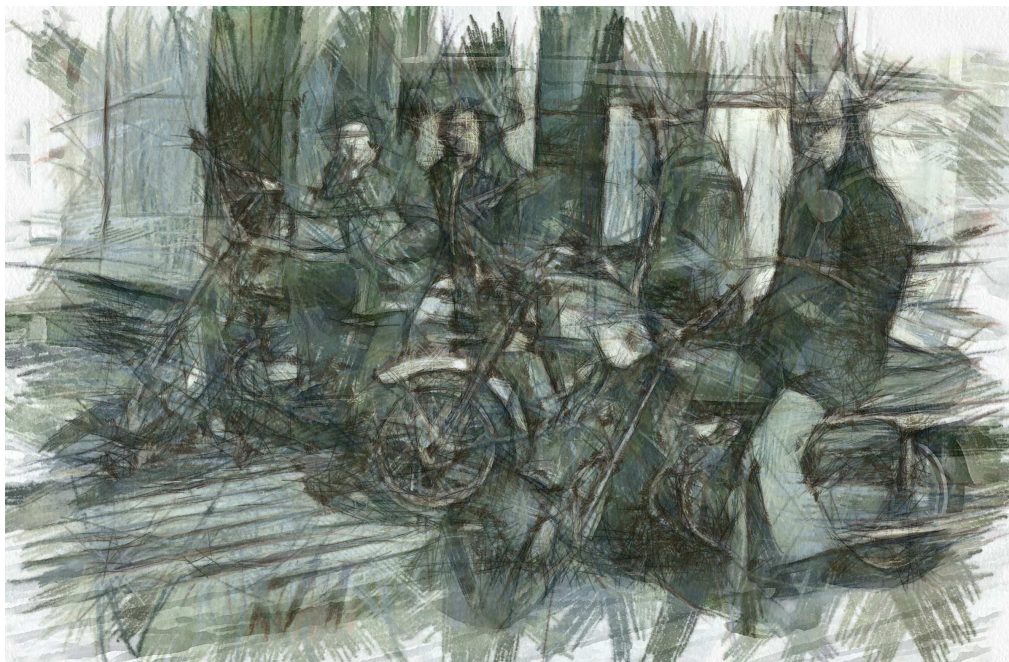
- Тебя точно не били?

- Не помню.

Синяков дежурный не обнаружил, и кроме дырок на джинсах, через которые тот мог простыть в холодное время года, другого ущерба у парня не было.

- А может ты вчера с рокерами приехал? - с надеждой спросил Алексей.- Они тебя тут и забыли?

- Какими рокерами? - с недоумением спросил потеряшка. В его голове возникли само собой названия Рейнбоу, Скорпионс, Назарет, Эйси\Диси. Дип Перпл, И всё. Дальше ничего кроме названий музыкальных групп. Включи ему сейчас что-то из перечисленного и он точно не смог бы опознать, кто это и что играет. В этом он был уверен. А вот откуда он эти названия знает, он опять таки не помнил. На вопрос какие рокеры, лейтенант ответить сразу не смог. Затруднялся описать мотоциклетную шпану, которая без прав и документов, отцепив люльки от папиных мотоциклов сбивается в стаю, и гоняют где непопадая под звуки орущей музыки, доносящейся из магнитофонов, прикрученных проволокой к багажникам.

Но вкратце, в трех нецензурных словах лейтенант таки изложил, кто такие рокеры.

Парень выслушал, и опять отрицательно замахал головой. Не помнил он.

- А дырки у тебя на коленях на штанах откуда? - не поверил ему лейтенант, уж больно ему эта версия с рокерами понравилась, да и одежда на парне сплошь заграничная её подкрепляла, - Когда на моцике падают, да на асфальте крутятся, дырки то и появляются!

- Не помню, - честно ответил потеряшка. И правдивость его слов подтверждали относительно чистые коленки, без ссадин и кровавой корки. Не подходит, подумал лейтенант, и почесал макушку. И видимо он это делал часто - чесал макушку, поскольку в его неполные тридцать лет на макушке царило редколесье. Но чесание видимо помогло, и в голове возникла идея.

- В общем, вот что..., у меня через полчаса пересменка, можешь моему сменщику все рассказать, может он чем поможет...Хотя ты знаешь, - Алексей поднял глаза в потолок, - Я бы тебе посоветовал сходить в продуктовый магазин, до Маринки...Она всех местных знает, глаз наметанный. Может и тебя опознает?

После этих слов, старший лейтенант вроде как забыл о посетителе и занялся чтением каких-то журналов, толстой стопкой украшающих стол.

- Так я могу идти? - спросил парень.

- Можешь, - кивнул старлей, увлеченно читающий журнал, словно это новое произведение Агаты Кристи. А когда посетитель вышел, Алексей с облегчением вздохнул и быстренько записал в журнал, что в его смену происшествий не было. Но громко хлопнувшая секунду назад дверь со скрипом открылась и в проеме возникла соломенная голова потеряшки. Такие у него были волосы, не блондин, не рыжий а скорее светло-русый, соломенный цвет волос.

- А магазин как называется, где Маринка работает?

- Продуктовый, - с удивлением ответил Кулагин.

- Спасибо, - ответил парень, и дверь закрылась на этот раз не громко хлопнув, а тихо скрипнув.

Потерянный парень еще некоторое время шел по поселку, с интересом разглядывая окружающие дома. Дома все были сплошь одноэтажными, огороженные заборами из штакетника. Во дворах перед дома росли яблони, с мелкими зелеными яблочками. Иногда вместо яблонь встречалась черемуха, или вишня. Названия деревьев в его голове, как и штакетника на заборах всплывали сами собой, словно он всегда их знал. Так же как и запах березовых дров доносящийся из растопленной бани, опознал тут же. И чем больше он определял из увиденного вокруг, тем больше росла уверенность в душе, что вот сейчас, ещё чуть-чуть, и он внезапно вспомнит, кто он и как здесь оказался. Но озарения не было. Он уже дошел до двухэтажного здания Дом Культуры, в котором видимо был еще и кинотеатра, судя по цилиндрической тумбе с афишей перед зданием - "Пираты XX века". Напротив Дома Культуры располагалось скромное одноэтажное здание администрации. Опять таки судя по красному флагу на крыше, и почти сразу потеряшка увидел вывеску, на стоящем чуть поодаль от администрации здания - "Продуктовый магазин".

Проходя свой недолгий путь до центра поселка, как было понятно из стоящих тут зданий - администрация - значит центр, парень пережил некоторые приключения. Он неоднократно был облян собаками из окруженных заборами домов, окинут недобрыми взглядами старушек, которые кто пропалывал грядки у дома в "позишен намбер ту", кто вешал белье на веревки, кто-то просто поглазел на него из окна, а вот проезжающий мимо мотороллер муравей с усаым и злым водителем за рулем, так запросто обрызгал его водой из грязной лужи. Лужи на асфальте встречались повсеместно, гораздо чаще старушек, и собак. Они были мутные, небольшие, но глубокие. Словно перед недавно прошедшим дождем дорогу кто-то тщательно утюжил с аэроплана. Были такие на заре

авиации - аэропланы, когда пилот соответственно рулил, а бомбометчик скидывал вниз мелкие бомбы, по размеру чуть меньше минометных. Как выглядели аэропланы, бомбы и минометы, потеряшка точно знал, словно он это всё когда-то видел. Но вот когда и где? И как? Как всегда - не помнил.

Продуктовый магазин ещё оказался закрыт. На дверях вывеска вещала, что работает магазин с 9:00 до 20:00. Обед с 14:00- 16:00. Но не смотря на закрытые двери, у магазина уже была очередь. Одна бабка, один робкий мужик неопределенного возраста, страдающий запоем, и один дед. Парень пристроился на краю лавочки у магазина, и под строгим взглядом бабули у дверей, всем своим видом давал понять, что на первое место не претендует. Но она ему не верила, и жалась к дверям попутно отгоняя алкаша, " пошел отседа Степашка! Пошел!" Степашка собственно и не рвался, просто маячил неопределенно у дверей показывая как ему хреново. Но артистический свой талант он оттачивал не для пенсионерки у входа, а видимо репетировал для хозяйки магазина. Поскольку из той же вывеске на магазине было понятно, что если спиртное отпускается с 11:00 до 18:00, то в 9 утра опохмелиться было проблематично.

А вскоре магазин открылся и народ хлынул внутрь. Первой была бабулька, следом Степашка, а дед поднялся по ступенькам степенно, подобающе возрасту. Последним зашел парень, и тут же уставился на витрины. затейливо расставленные витыми пирамидками из консервов кильки в томатном соусе, сельди иваси, завтрака туриста из перловки, и сгущенного молока. Но больше привлекли внимание парня, шоколадки "Аленка". Пирамидки из них смотрелись фундаментально, как пачки банкнот в хранилище Швейцарского банка. Красиво, затейливо. Даже геометрически правильно, если разобраться, конечно.

Бабулька, вопреки ожиданию, не скупилась половину содержимого магазина, а купила две булки хлеба, пачку соли, и десять коробков спичек. Сначала решила, что это всё, а потом опомнилась, и взяла десять килограмм сахара по 78 копеек за кило. Степашка безрезультатно помаялся перед ледяными глазами продавщицы, и пропал. А сурьезный дед, почему-то уступил очередь парню. Парень сразу в лоб спросил худую и какую-то озлобленную на жизнь продавщицу - не знает ли она его? На что продавщица фыркнула, как лошадь отгоняющая овода. И грубо заявила:

- Отвали! Должна я что ли помнить всяких!

И тут же утратив интерес к парню, уставилась на деда, как потенциального следующего покупателя.

- Чего тебе Агдамыч? Как всегда?

Дед крикнул, а потом покосившись на парня сказал:

- Света, чего ты? Помоги человеку, не видишь не в себе он...

- Чего я ему должна помогать? Он мне сват? Брат? - вспылила продавщица, - Если он меня не помнит как звать, с этой путает... Это мне тут все по жизни должны! Вот ты Агдамыч, уже пятнадцать рублей должен! А знаешь сколько вас таких?!

- Светик, да брось ты... - начал говорить умиротворяюще Агдамыч, - Ты что ли не знаешь? С пенсии до копейки отдам!

- Да не в тебе вопрос! А в этом! - фыркнула Света. - Приперся! Не знаю ли я его? Я что последняя прошмандовка в Сергеевке, что всяких бичей знать должна?!

- Ладно, ладно...уймись, - тихо заговорил дед потупив взгляд. - Сделай как всегда...

Продавщица окатила старика огненным всепожирающим взглядом, от которого толловая шашка бы всенепременно бы задымилась и тут же жажнула, даже без детонатора. А потом

шлепнула по прилавку плавленым сырком "Дружба" и тут же стукнула извлеченной из ящика бутылкой зеленого стекла с надписью "портвейн Агдам". А следом достав из под прилавка толстую общую тетрадь в клеточку, сделала в ней авторучкой запись.

- Спасибо, - тихо произнес старик, опуская в тряпичную самошитую сумку сырок, и бутылку. В пустой на взгляд сумке, что-то звякнуло. Дед внезапно как-то поник и скукожился. Даже кажется стал сантиметров на десять ниже чем был.

- Долг платежом красен, - грозно напомнила раскрасневшаяся продавщица, провожая старика взглядом.

А дед внезапно, вместо того, чтобы тихо уйти, вдруг ухватил за локоть незнакомого парня:

- Пойдем со мной, сынок. Я тебе помогу...

-Ну как сынок? Полегчало? - спросил дед, когда парень опрокинул в себя полный граненый стакан портвейна.

- Еще не понял, - честно ответил парень, отдавая стакан старику.

- Это где же тебя так угораздило, - покачав головой, произнес Агдамыч, наливая себе в опорожненный стакан заветного напитка.

- Не знаю я, - ответил парень, чувствуя как тяжелый сладкий напиток распространяется по телу вязкой хмельной истомой.

- А что ты знаешь то? Что ты знаешь? - спросил дед, мелко хлебнув из стакана, словно это не вино было, а горячий чай, и протягивая парню кусочек отрезанного перочинным ножом плавленого сырка, чтобы закусил. Тот жевал похожий на пластилин сырок и ответил:

- Знаю, что это азербайджанский портвейн Агдам, восемнадцать градусов, ценой в два рубля шестьдесят копеек...

- Не густо....., - прошамкал беззубым ртом Агдамыч, - А кто ты? Откуда? Правда не помнишь?

- Правда, - кивнул парень потяжелевшей головой.

- Это что ты такое вчера пил?
- Не знаю. Мне кажется не пил...
- А братьев Сироткиных не знаешь?
- Не знаю. А кто они такие ?
- Да халявщики, эти Сироткины...Где чего умыкнуть, да пропить, - с неприязнью отмахнулся Агдамыч.- Они видишь ли, недели две назад летающую тарелку нашли, и сдали городским дурачкам, как люминий...Вся слободка две недели пьет! Шутка ли! Две тонны люминия!
- Парню стало неуютно, он никак не думал о себе в таком контексте, что он даже как-то не придавал внимание на едкую зависть, которая сочилась из каждого слова старика про братьев Сироткиных.
- Вы думаете я с неё? С летающей тарелки? - настороженно спросил парень.
- Но дед не ответил, прихлебнул вина из стакана, а потом выдержав паузу, сказал..
- Нет конечно, если бы ты был с тарелки, сейчас бы у Сироткиных валялся.. - хмыкнул Агдамыч, прихлебывая из стакана, и опровергая собственную версию появления потеряшки.
- А откуда я по вашему?
- А может ты из Сорокино? - с сомнением, произнес дед, допивая стакан, и заедая его кусочком сыра.
- Это где?
- Да недалеко отсюда, - уклончиво ответил старик, пряча глаза, - Только одно паря....Некоторые туда уходят, но ещё никто и никогда оттуда не возвращался...
- Почему?
- Болеют там..., сумрачно произнес Агдамыч, наливая в порожний стакан грамм сто и протягивая незнакомому парню. Старик почему-то оглянулся, перед тем, как продолжить разговор, хотя в сквере на лавочке, где они сидели не было ни единого прохожего. Люди ходили, и даже автомобили проезжали, по центральной улице Ленина, где стоял памятник с кепкой в руках, а вот в сквере за памятником никого кроме них не было.
- Чем болеют? Эпидемия что ли? - спросил парень, принимая стакан с портвейном от деда.
- Можно сказать, эпидемия... , - задумчиво ответил старик, пожевав губами. - Они там понимаешь, сначала заикаться начинают, когда говорят...А потом, когда заикание проходит, говорить начинаю не своими голосами...И живут не так, и думают не так... Словно это уже не они, а другие...
- Какие другие?
- Люди другие, а может и не люди уже..., - с осуждением ответил дед, словно парень виноват, что не понял, не догадался сразу. - Вот потому и смысла возвращаться нет, что это не они...
- Не они, а кто?
- А я почем знаю! - огрызнулся старик, - Ты пей давай! Вчера уже одного у гаражей убили!
- За что убили?
- Да как ты, стакан семафорил, задерживал! - зло ответил дед, неприязненно смотря на собутельника.
- Хорошо, не буду..., - отозвался потеряшка и опрокинул стакан залпом.

- Эх! Молодёжь! Вино хлебашь, как водяру! Куда торопишься? Это же вкус понять не успеешь? Смысл понять не успеешь! Лишь бы нажраться! - с осуждением вымолвил Агдамыч, глядя на опустившийся при глоте кадык парня.
- А откуда вы все это про Сорокино знаете, если оттуда никто не возвращался? - с сомнением произнес потеряшка, уставившись на Агдамыча, словно уличая его во вранье.
- Люди говорят...
- Они откуда знают?
- Оттуда, - рявкнул дед, забирая из рук парня пустой стакан, - Цветик-семицветик слышал?
- Сказка вроде такая, - икнув, ответил потеряшка.
- Кому сказка, а кому жисть, - отвечивал старик, наливая свою порцию, и опрокидывая бутылку вертикально, чтобы вытекло все, без остатка. В итоге порция оказалась несколько больше, чем было налито собутыльнику.
- Когда Машка его нашла, она душа чистая, неразумная, пожелала, чтобы всем нам в Сергеевке жилось хорошо, все мы были довольны. Мы так, благодаря ей и живем. Всем всего хватает. Грех жаловаться! Но вот потом она дурочка, отдала цветочек Семену, а тот Надьке своей. А Надька дура, пожелала, чтобы мы жили у моря. А река Сережка, возьми и разлейся до самого горизонта! Чем сука не море! Ни тебе связи с большой землей, ни продуктов, ни почты. После Надьку цветок получил Андрюха, брат ейный, он денег пожелал...Ну, там завертелось... Только бабка Аксиныя, что ворожкой промышляет, да сводничает, про Сорокино узнать захотела. Вот ей ответ и был дан. На том лепестки и кончились.... Жалко конечно, - произнес Агдамыч, мелкими глотками допивая стакан и думая о чем-то своем, о потаенном, словно он один точно знал, как распорядится последним лепестком и желанием.
- Так что же мне делать? Как узнать кто я? - спросил парень, уставившись на Агдамыча, как на пророка.
- Ну..., - протянул Агдамыч, - Если ты до сих пор не оклемался, то даже не знаю, как память вернешь. Цветик-семицветик ты вряд ли найдешь, а дорогу в Сорокино показать могу...

Глава 2. Сорокино.

Путь в деревню Сорокино, который указал парню Агдамович, (по его утверждению он же Иван Адамович), оказался прост до безобразия, но извилист, как поросычий хвост. Он пролегал по рыбацкой тропинке вдоль берега реки Сергеевки. Существовал и обычная автомобильная грунтовая дорога, но она шла между болот, и потому изрядно петляла ещё больше, накручивая семьдесят верст с гаком. А вдоль реки по тропе два часа, не более. Это опять-таки по уверению Адамовича.

Тропинка вдоль неширокой, но полноводной речки поросшей густым камышом и вплотную подступающей к воде ивой, была помечена то там, то сям пустыми консервными банками из под кильки в томате и зеленого горошка. Банки были не все пустые, как отметил про себя шагающий по тропинке потеряшка, а кое-какие с землей, где видимо содержались черви, приглашенные на рыбалку. И опять таки парень это знал, знал, что на зеленый горошек хорошо клюет язь, и на кузнечика хорошо клюет, а на ракушку может и карп взять, и окунь не откажется. Но вот воспоминаний откуда он это знает, не было никаких, словно ему, его чистому от памяти разуму, просто кто-то зачитал, записал знания без привязки к его жизни, его личному опыту. Можно, точнее наверное

надо было бы огорчиться по этому поводу, но эмоции отсутствовали. Он просто внутренне констатировал факты, как некая безликая ЭВМ. И всё...Словно зарубку на дереве поставил, или там отдельный факт в ящичек положил, с надеждой авось пригодится. Но всё же некие физиологические потребности начинали о себе напоминать. Как-то пустой желудок...Потеряшка вдруг вспомнил вкус кильки в томате и завтрак туриста, где был неопознанный рыбный фарш и перловка. Впрочем, он не отказался бы сейчас и от кабачковой икры с горбушкой хлеба. Зажаренной такой, хрустящей горбушкой натертой чесноком с солью. Блин.....От блинов горячих пышущих жаром, истекающими сливочным маслом, он бы наверняка тоже не отказался....И чем дальше он шел, тем больше его терзал голод, и начинали одолевать сомнения. А правильно ли он идет? И зачем ему это Сорокино? А вдруг он не оттуда? Надо ли ему туда? И сколько ещё идти точно? Ведь два часа это не расстояние, а время. ... Попутно брренное тело начали одолевать насекомые. Было такое ощущение, что комары голодали лет сто, и парень первая и единственная их надежда. Потеряшка сорвал веточку ивы, отгоняя от лица ненасытных насекомых, и размышлял...

А перед глазами периодически возникали видения макарон по-флотски, гуляша с гречкой, котлеты с картошкой пюре. Так ностальгируя по пище, он прошел наверное пару километров по тропе мимо редких рыбаков, пока не наткнулся на последнего рыбака. Последнего, он так для себя решил скорее всего потому, что дальше тропа становилась почти не видна, и людей с удочками далее не наблюдалось. Рыбак сидел на маленькой кособокой табуретке в растянутых на коленях трико, и землистого цвета майке. На прохожего рыбак не обратил ни малейшего внимания, комары его почему-то не тревожили. А рыбак как замороженный смотрел на большой красный поплавок, неподвижно замерший на водной глади.

- Извините, вы не скажете - до Сорокино далеко? - приспичило узнать о расстоянии парню. Уклончивые ответы Агдамыча его не устраивали, и он решил таки уточнить, пользуясь случаем.

- Далеко, - отозвался рыбак, не поворачивая головы.

- А как далеко? - попытался уточнить парень.

- Нормально, - скрипнув зубами отозвался рыбак. Седая щетина на небритых щеках нервно дернулась.

- А сколько приметно ещё километров идти?

- Херня, - однозначно отозвался рыбак.

И тут поплавок внезапно ожил и дернулся, круги от него мигом разошлись по воде.

- До ночи дойти успею? - спросил парень.

Рыбак вопрос игнорировал. Вопрос завис над рекой. Камыш промолчал. Ивы не ответили. Поплавок же подумал, подумал, и вдруг, безоглядно нырнул, пропав в толще зеленой и мутной воды. Рыбак отчаянно ухватил удилище и потянул вверх, сам поднимаясь с табуретки. Бамбуковое трехсоставное удилище крякнуло, и попыталось согнуться. Леска, уходящая в воду, натянулась как тетива на луке.

- И! ИИИ! - издал короткие звуки рыбак пятясь и поднимая двумя руками согнутое в дугу удилище.

И старания его увенчались успехом. Из воды на воздух у самого берега появилась большая рыба голова, размером с среднюю собачью. Голова открыла рот, показывая крючок зацепленный за нижнюю губу, глотнула воздух, и рывком ушла в глубину, перетягивая удилище, поборов рыбака. Из воды на миг показался хвост, размером с

ладошку взрослого человека. Хвост ударил по воде, подняв редкие но крупные брызги. Леска тихо, с грустным звуком лопнула. Удилище с хрустом распрямилось, а рыбак от неожиданности сел попой на зеленую траву.

- Так вы говорите недалеко до Сорокино идти? - попытался уточнить парень. Остро выступающий из худой шеи кадык рыбака дернулся, словно он проглотил незримый кляп, мешающий речи, и на парня обрушился поток информации. Парень узнал о сексуальной связи рыбака с ним и его близкими родственниками, как далеко ему идти, и кто он по ориентации. Далее последовали обещания нанести ему тяжкие телесные повреждения, и душевные травмы Разговор явно не клеился.

- Ладно. Пойду я, - сказал потеряшка, и поспешил уйти по едва угадываемой тропинке, опасаясь, что поток слов, извергаемых изнутри рыбака его похоронит. Пройдя уже приличное расстояние парень всё ещё слышал громкие но невнятные угрозы

Пройдя ещё примерно пару километров, парень наткнулся на груды мусора, словно какой-то невидимый мусоровоз на антигравитационной тяге, устал летать, и высыпал мусор на берегу, что было крайне неожиданно. Неожиданным был не мусор, а то каким образом он сюда попал. Учитывая, что никаких подъездных путей и дорог для транспорта не существовало. А самым неожиданным в груды мусора, был предмет венчающий её вершину. Это была толстая книга в красном переплете. Разбухший от влаги русско-еврейский словарь.

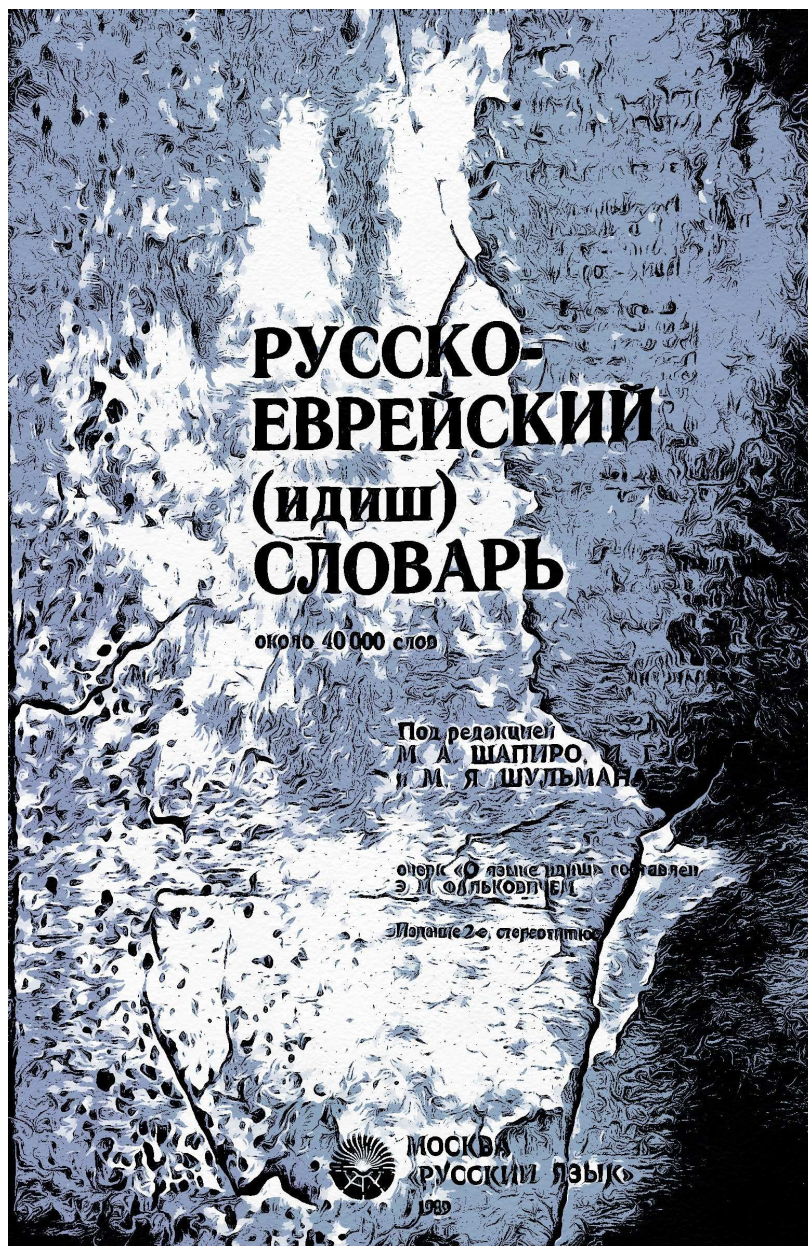

Он лежал поверх пивной бутылки, а большей частью покоился на старых предметах верхней одежды, смешанных с синтетическими обрезками материалов и строительным мусором, обрезками ДСП, пластиковой окантовки, и лентами жалюзи..

Парень нагнулся к ярко красной обложке и откинул её, чтобы лицезреть титульную страницу. Титульная страница была с пятнами черной плесени, молниями рваных трещин, желтыми разводами от воды, и пометками домашних мух. Страница была полупрозрачна из-за намокшей половины, так, что часть текста обратной стороны на ней проступала, но главное видно было следующее:

Русско-Еврейский (идиш) словарь содержал около сорока тысяч слов, был по редакции бла-бла-бла. Словарь содержал очерк об идиш, был вторым стереотипном изданием, и пожалуй самое для потеряшки главное - был издан в Москве. Хотя, хрен с ней с

Москвой. Был издан в 1989 году! Вот, что пожалуй, был самое главное. Парень находился если не в оном году, то где-то рядом.

По крайней мере если не место нахождения парня, то его время нахождения становилось примерно известно. Смущал один момент, словарь был пухлый и следовательно не дешевый. Если энциклопедический словарь издания 1985 года стоил более двадцати рублей, то этот стоил если даже половину предыдущего, то всё равно было непонятно. Что за тип потратил энную сумму, а потом вдруг выбросил эту книгу? В существование такого человеческого экземпляра верилось с трудом. Хм, - только и мог промолвить про себя парень, и продолжил свой путь.

Путь вскоре закончился. Прошло около часа, когда впереди стал виден мост. Бревенчатый мост, нависший над узкой рекой, с железным ржавым основанием и густо вбитыми в речное дно рельсами. У моста на трубе виднелась какая-то жестяная продолговатая табличка. Содержание её было парню неведомо, поскольку табличка была

надписью обращена к водителю, едущему по грунтовой дороге со стороны Сергеевки и пересекающему мост.

Потеряшка поднялся по крутой насыпи перед мостом и ознакомился с надписью на некогда белой, а ныне ржавой табличке, с облупившейся краской, где всё ещё угадывалась надпись - д.Сорокино. Слава богу! Вышел! - обрадовался парень, поскольку уже там совсем рядом, на том берегу, в сотне метров, были видны черные от времени, покосившиеся срубы домов.

Судя по ассортименту растительности, произрастающей на огороде у первого появившегося на горизонте дома, в деревне особым спросом пользовались либо лопухи, с широкими, просто таки гигантскими листьями, либо крапива. Густые заросли крапивы, изрядно превышали средний человеческий рост. Метра три навскидку - определил парень. В целом, первый попавшийся заросший участок, производил впечатление не жилого, и бревенчатый покосившийся дом за ним наверняка давно был заброшен. Да и с деревней что-то не так, с беспокойством подумал парень. Не кудахтали куры, даже вдалеке, собаки не лаяли. Никто не горланил песни, не заводил трактор, не ворчал на проклятых алкашей, не скрипел дверями и калитками. Одним словом не было никаких звуков человеческой деятельности. Над Сорокино тишина висела как незримое проклятие. Тишины в деревне не могло быть по определению. Ладно там куры. Ладно там трактора, бензопилы, мотоциклы, и ворчливые жены. Но деревня без собак, что брачная ночь без невесты. Что-то здесь было явно не в порядке, это нервировало, или по крайней мере настораживало. Хоть вот, подойдя до первого участка, а вернее плетня огорода перед домом, парень увидел повисшего на плетне старче, опершегося на верхний хлыст локтями, в старом рваном ватнике с самокруткой "козья ножка" во рту. Самосадный табак тлеющий в закрученной "козьей ножке" источал за версту непередаваемый аромат. Помятое лицо деда при приближении, а особенно красный с прожилками нос, должны были дополнить запах табака запахом перегара, но не дополнили.

- Здравствуйте, - поздоровался парень, подойдя поближе.

- И тебе не хворать, - отозвался дед, выпустив изо рта клубы дыма.

- Это деревня Сорокино? - попытался начать разговор потеряшка, обдумывая, как бы всё изложить правильно.

- Ну, - однозначно отозвался дед, и вынув из рта ножку сплюнул через левое плечо .

- А я потерялся, ...,- выпалил парень, разом решив изложить всё как есть, - был в Сергеевке, но не помню откуда я, мне посоветовали к вам сходить, может я из Сорокина...Вы меня случайно не знаете?

- Тю! - возмутился дед. - Шо я,сказився? Каждого шарамыгу знать?!

- Почему шарамыгу?

- А чего в драных штанах шлындаешь? Заштопать нет ни девки, ни мамки, ни бабки?

Однозначно шарамыга, - сурово констатировал дед, и затушив "козью ножку" о продольный хлыст плетня, бросил окурок в сторону парня. Судя по наличью окурков на земле по эту сторону изгороди, старик стоял тут регулярно, курил регулярно, и делал это последние лет сто как минимум.

- А что же мне теперь делать? - растерянно спросил парень, не столько у деда, сколько у самого себя.

- Спроси у бабок, они каждую прошмандовку в деревне знают, - брезгливо отозвался дед, и развернувшись от изгороди заковылял к дому, сильно хромя на левую ногу. Отчего потерявший кирзовый сапог на ноге чавкал, словно чего-то со вкусом жевал.

В животе у парня заурчало. Желудок кажется сжался до размеров детского кулачка и настойчиво требовал пищи издавая непотребные звуки. "Спросить бы у деда кусок хлеба, - с тоской подумал юноша, но как-то было неудобно, тот и так его шарамыгой обозвал. А вопрос о хлебе насущном, старика бы в этом мнении полностью утвердил.

- А у каких бабок нужно спросить? - запоздало крикнул потеряшка, когда дед уже достиг входной двери дома. Старик неопределенно махнул рукой в сторону поселка, и толкнув дверь, которая беззвучно открылась, нырнул в дом.

В полной, гнетущей тишине потеряшка, под аккомпанемент урчания живота и чавкающие звуки собственных кроссовок, дошел до соседнего дома. Сердце замирало в предчувствии недоброго. Он никак не мог понять, что именно, помимо тишины, его беспокоит, пока не обернулся, и не увидел, что на грунтовой, раскисшей от дождей дороге единственные следы - следы его кроссовок. Никто по дороге не ходил, и возможно не ходил давно. Поэтому соседний дом с зарослями крапивы в палисаднике неумолимо должен был оказаться заброшен, так же как и последующие. Он уже не очень верил себе, и начинал сомневаться, а был ли дед у забора, или ему померещилось? Как вдруг к своему облегчению заметил сохнувшее на веревке белье у последующего, третье по счету дома, и уже бодрее зачавкал ногами в его сторону..

Над развешенным на веревке бельем виднелась голова в черном платке с аляпистыми ярко-красными розами. Из-за большой серой простыни самого тела было не видно, но оно что-то привычно бубнило себе под нос, а над веревкой периодически появлялись кисти рук, расправляющие простынь... Подойдя ближе парень даже расслышал, что говорило тело.

- Мама Чоли...мама Чоли...Дура! Дура эта Изаура! Слушать старших надо! Ан нет! Кобениться! Вся нынче молодежь такая, - с укоризной вздохнула хозяйка голоса, - ничего не знают, а туда же..

- Здравствуйте! - успел открыть рот потеряшка, и не успел опомниться как оказался за столом, а перед его носом возникла эмалированная миска с кашей. Так уверила его бабушка. Каша была на кашу, как знал её парень была не похожа, а скорее на отходы жизнедеятельности крупного рогатого скота. Что-то зеленое, из которого явно топорщились стебли лопуха, и листья крапивы. Разум возражал, против принятия, но желудок победил. Варено вышло безвкусное, не соленое, ни сладкое, но съедобное. И парень употребив добрую половину миски, вдруг обнаружил, что на другой стороне стола, напротив сидит не бабушка Агафья, а уже две бабушки. Чем-то неуловимо похожие друг на друга и в то же время совершенно разные. Обе смотрят на него и разговаривают друг с другом:

- Он пустой. Ты разве не заметила?

- И что? Это не помеха...

- Может сфотканный?

- Вряд ли...

- Вы это о чем? - с интересом спросил парень, пытаясь вникнуть в чужой разговор.

- Да я вот сестре говорю, - ответила вновь появившаяся бабушка, - Что перец горький.

- Горький левомецетин, - возразила Агафья, - А перец острый!

- Острый нож у булочника! - парировала сестра Агафьи.

- А ты как думаешь молодой человек? Может рассудишь нас?

У парня внезапно в голове появилась гениальная на его взгляд идея, и он тут же попытался её озвучить:

- П-п-п-ри, - с трудом выжал он из себя. Язык почему-то отказывался ему повиноваться, - у-у-у-пот-пот-пот- потреблении п-п-перца, мы о-о-ощ-щу-щу-щаем, не горечь, а ж-ж-ж-ж-же-ние. П-п-п-по-э-э-этому его лучше н-н-называть его жгучим.

- А ты говорила не подействует! - торжествующе сказала бабушка Агафья, посмотрев на сестру. Та пожала плечами и растаяла в воздухе, словно и не было её.

Когда парень пришел в себя, он всё понял. Он понял почему земля круглая, а вода мокрая, почему так устроен мир, и почему люди несчастны. Но он уже не был человеком, он был познавшим. Познавшим, что не стоит заботиться о завтрашнем дне, достаточно на каждый день своей заботы. Не надо желать большего, чем ты можешь съесть. Не надо трудиться больше, чем нужно для твоего пропитания. Надо быть как птицы небесные, которые не сеют, не жнут. Бог увидит твою нужду и даст тебе, что тебе действительно нужно. И жизнь дана тебе с единственной целью, чтобы ты любил этот мир, восторгался его красотой и совершенством каждый день. И каждый день радовался новому дню и возможности ему радоваться. И в этом смысл жизни. Жизни которая вдруг стала неимоверно длинной, осмысленной, и полной радости бытия. И все в этом новом существовании ХОРОШО. ВСЁ! Кроме одного ... он так и не знал кто он и откуда. Но это было мелочи. Зачем они сущности, познавшей замысел Бога?

Глава 3. Фотограф.

Узкий зеленый листик житняка согнулся от прозрачной тяжелой капли росы, скатившейся на самый край, но никак не падающей вниз. Капля сверкала как драгоценный бриллиант в лучах восходящего солнца, и переливалась всеми цветами радуги. И судьба капли была неясна. То ли сорвется она вниз, под действием сил гравитации, то ли высохнет, испарится под лучами горячего восходящего солнца. Меж тем маленький серый паучок, времени зря не терял. Он залез по согнувшемуся в дугу листку, спустился, выпустив из брюшка паутину. Раскачавшись как на качелях долетел до острого края листа, там где сверкала капля, закрепил паутину на листе, и прыгнул к основанию, соединяя дугу крепкой нитью. Плел он сеть неспешно, но расчетливо, без единого лишнего движения, поэтому получалось довольно быстро. Поскольку на обед и перекуры паучок не уходил.

Парень, лежал на боку на земле и смотрел за работой паучка. Ему было интересно. Ему все было интересно. Вот пришли они с бабкой Агафьей, и возможно её сестрой, которая то появлялась, то пропадала, собирать землянику на поляну в лес. А тут столько всего...И мухи летают, и бабочки, и комаров-певцов целый оркестр, и мошки мелкой темные тучи кружат. А птички в траве и небе пою на разные голоса, заслушаешься. И так хорошо....Так все правильно, все гармонично, целесообразно устроен этот мир, что не хотелось ничего делать. Просто лежать и смотреть на него...На мир, на поляну, на красные крапинки земляники, усеявшие изумрудную поляну в лесу. И все было понятно, и

правильно. Всё, кроме него...Он сам для себя был непонятен и неправилен. Кто он? Зачем он? Приставая с расспросами, к приютившей его Агафье, он смог выяснить только некоторые моменты. Одним из первых вопросов был: Что значит сфотканный? Агафья вопросу удивилась, словно не обсуждала его при парне с сестрой, словно он не слышал, или не должен был слышать. И ответила весьма туманно и неопределенно. Конечно, она могла бы сказать правду, если бы знала её, но правда, как девка на сносках - скучна и никому не интересна. Поэтому любое мало-мальски интересное событие обрастает невероятными подробностями и превращается в байку. Вот Агафья и поведала парнишке ту сплетню, что стала мифом. Ведь именно то, что он попал на камеру Мишке-фотографа, самым логичным образом объясняло, его полную потерю памяти.

А миф гласил, что появился однажды в городе Алексеевка Миша-фотограф. Откуда он взялся, и где жил до этого было совершенно неизвестно, но как фотограф он зарекомендовал себя сразу. Красиво получались люди на карточках, четко. И люди стали ходить делать фото на паспорт не к криворукому Петьке в Дом пионеров, а к Мише в ателье Динамо, что рядом с городским парком. И на свадьбы Мишу стали звать, и на похороны, и в местную газету Вечёрку, пригласили работать.

Городок Алексеевка был небольшой, тысяч пятьдесят населения, поэтому практически каждый несчастный случай, или там происшествие, быстро становилось достоянием общественности. Кто-то под поезд попал, кого-то машина сбила, кто-то в тюрьму сел. Были и те, которые сгинули навсегда и безвозвратно. В принципе ничего удивительного, кругом леса и болота. Грибники, рыбаки и охотники изредка пропадали. И на Мишу-фотографа никто не грешил, до одного случая. Пока не объявился один из пропавших без вести. С головой у пропавшего было не ахти. Не помнил он ничего. Ни где был две недели, ни что делал все это время. Ни имени своего, ни фамилии не помнил. Где жил не помнил. Родных и близких не признавал. Лишь одно было доподлинно известно, что последнее место, где его видели, это на свадьбе в кафе Заречном. А там Миша-фотограф само собой был. Вот этот мужчина одним из гостей той свадьбы и оказался. И как выяснилось с головой у мужика было плохо не только по жизни, но и на Мишкином групповом фото гостей - лицо вышло мутное, не опознать. Хотя все остальные фейсы нормальные, в резкости. А там ещё пару подобных эпизодов с пропажей людей и мутными лицами на фото всплыли, и всё. Картинка сложилась. Жители города сразу заметили, что с кем случались неприятности - везде люди не в резкости. Причем фотографии были сделаны до того, как эти неприятности с людьми произошли. Слух про дурной глаз Мишки-фотографа, райцентр обошел за два дня.

Потом говорили, что к Мишке перестали ходить люди в ателье, и звать его перестали. Уволили его из ателье, и из газеты попросили. Следом прошел слух, что Мишка от безнадёги спился и уехал. А другие же утверждали, что он сначала уехал из города, и уже там спился. Непонятно, где там, но там.... Но это уже совсем другая история. Впрочем, все это было мифом. Правда была другой.

Правда по имени "Михаил", никуда не уехала, так же как ниоткуда не приезжала, а была исконно рождена в городе Алексеевка, в железнодорожной больнице. Мальчик был хилый, и слабого здоровья. Учился мальчик Миша в местной же школе номер пять, но поскольку чаще болел, чем учился, то и закончил школу без особых успехов. Рост была среднего, вида невзрачного. Ничем особым не выделялся и не отличался, и не занимался ничем примечательным. Пока в его жизни не произошло одно

событие. Ему было лет десять, когда муж его тетки - Эрих Евгеньевич подарил ему фотоаппарат "Смена". Вот тут всё и закрутилось. И хоть практически все первые фото были крайне низкого качества, Миша оказался парнем упертым и целеустремленным. Его захватила сама магия процесса. Когда в ванночке с проявителем, на листке бумаги, как бы из небытия вдруг появляется сюжет, который он запечатлел. Удачные фото он хранил дома, а плохие выкидывал. И никому из одноклассников своими редкими успехами и не хвастался. Не было у него среди одноклассников друзей, как и друзей вообще. Да и врагов он не нашёл. А по окончании восьмого класса, он уехал в область учиться в ПТУ, где и отучился на фотографа.

Остальное да, почти соответствовало истине. Вернулся. Стал работать в ателье, и в газету пригласили. Только вот после инцидента с пропавшими он никуда не уезжал. Устроился сторожем в Леспромхозе, где работал посменно, в свободное время бродил по лесам с камерой, в поисках красивых мест, и видов, а по выходным дням ездил в областной центр, и там на центральной площади сидел на лавочке в ожидании клиентов. Бегать по учреждениям не то чтобы возраст не позволял, хотя было на тот момент Мишке-фотографу уже за пятьдесят, а во избежание групповых снимков. ...Фотографию он, в противовес слухам, не забросил, поскольку в свой "дурной-глаз" Михаил Дмитриевич Шахов не верил. А верил он в хорошо поставленный свет, правильно выбранную экспозицию, и качественную японскую оптику. Фотошоп считал от лукавого, для бездарей, которые изначально не понимают, как снимать, а потом пытаются это исправить.

И хоть он в свой "дурной глаз" не верил, но все же было нечто, некие сомнения терзали его, но он боялся признаться в них даже самому себе. А в то раннее утро, когда безымянный парень лежал на поляне земляники, Михаил Дмитриевич восседал на унитазе и задумчиво рассматривал прорехи в семейных трусах, спущенных до колен.

"- Надо бы новых пару штук купить, а эти выкинуть," - с тоской подумал Михаил. Представляя, что в таких вот трусах будет как-то стыдно перед патологоанатомом оказаться. Не то, чтобы Михаил Дмитриевич предчувствовал скорое свое появление на столе патанатома, но он уже два раза катался на буханке "скорой помощи", и не факт, что третий раз, не окажется последней поездкой. И опять таки он, как большинство обывателей, имел весьма смутное, мифическое представление о работниках морга. И ни сном, ни духом, не ведал, что патанатом своих клиентов не раздевает, и иногда даже не он раздевает. На самом деле это делают санитары, а санитарам глубоко наплевать не только на нижнее белье пациентов, да и на сами тела. И не потому, что они такие бездушные скоты, а просто работа такая с мертвыми. На всех сочувствия не напасешься.

После мыслей о смене трусов, Михаил Дмитриевич вспомнил о том первом случае, когдасловом, когда некую странность он сам обнаружил на своем фото. Снимал он тогда выпускной 10А класс во второй школе. Было это в мае месяца 1983 года. Всего в классе был сорок один ученик. Фотографируя каждого персонально, он делал пометку в блокноте, где записывал фамилию и инициалы, чтобы при распечатке общего фото класса, каждого подписать на виньетке. А потом сделал одно общее фото класса на ступеньках перед входом в школу. Девочки нарядные. С бантами и в белых фартуках. Парни все в костюмах. Кое-кто даже при галстуке. Хорошее вышло фото. Только вот на общем этом фото у входа, оказалось вдруг сорок два человека, а не сорок один. Он сначала не придал этому значения. Ну, мало ли? Может из параллельного класса кто-то вышел на перемене и рядом встал. Причем этот кто-то был смазан, видимо двигался, и на фото не получился.

Хотя Миша сделал три или четыре контрольных кадра. На всех было размытый девичий силуэт. Впрочем, денег с этого размытого силуэта Миша брать не планировал, поэтому особо и не парился. Вышло, так вышло. Тем более, что общее фото с подписанными фамилиями учеников и преподавателей школы, удалось на славу. Комар носа не подточит! Миша был доволен своей работой, и даже слегка горд. С победоносным видом он предъявил стопку фотографий классному руководителю. Она была довольна.

- Ой! Андрей Мельченко какой улыбчивый получился! Леночка, просто прелесть! Как Мальвина! А Игорь Сабанин просто вылитый молодой Александр Блок! Вы Михаил помните фото молодого Блока? Недавно же школу закончили? - спросила Галина Сергеевна у прыщавого фотографа. - Помните?

- Да, - кивнул Миша и зарделся от смущения. Дело в том, что он только закончил ПТУ и снятые им нынче десятиклассники были его одноклассниками. Он ещё немного постоял, послушал восторженные отзывы, которые длились не долго. Хотя в монологе учительницы о своих любимых учениках, столько было наигранности и фальши, что его тянуло обернуться и посмотреть, не на сцене ли он театра? И нет ли там сзади ещё зрителей?

Затем Галина Сергеевна увидела общее фото у входа в школу и изменилась в лице. Как писал Федор Михайлович Достоевский, лицо у неё стало "опрокинутое". Причем опрокинулось лицо не сразу, а когда учительница русского языка и литературы всмотрелась в размытый силуэт слева, с края, в последнем ряду.

- Быть этого не может! - громко прошептала она.

На фото была Галя Малышкина. Она училась именно в этом классе. Но зимой 1982 года Галина сломала ногу и в школу какое-то время не ходила. И так случилось, что на ногу в гипсе, кроме распоротого по голенищу валенка ничего не налезало. Вот она в теплых, но скользких валенках, собралась в поликлинику ехать на рентген, чтобы уже значит гипс снять. В тот несчастливый день на остановке у музыкальной школы собралось уже довольно много народа. И когда пыльный, густо пахнувший выхлопными газами, горчичного цвета автобус марки ЛиАЗ-677 с шумом, словно горбатый кит рассекающий океан подплыл к остановке, народ хлынул к нему навстречу. Все торопились оказаться поближе дверям. Ведь всегда был шанс не влезть, и остаться ждать следующий, который приедет бог знает когда. Вот эта толпа и увлекла Галю вперед, а тут перед самым автобусом накатанная колея грязного льда. Галина поскользнулась, упала, и заехала прямо под грязное брюхо автобуса. Автобус подпрыгнул как на кочке. Широкое заднее колесо прошло по голове и груди девочки.

На похороны пришли всем классом, тогда ещё девятым "А" классом. Галя лежала в красном гробу в белом свадебном платье, и в фате. Такой её и запомнили....А теперь вот она на фото. И то, что Миша-фотограф принял на размытом изображении, за развязавшиеся на голове банты, это была фата...Та самая белая фата.

Эту историю классная руководительница всё в той же театральной манере поведала молодому парнишке, фотографу. Тот промолчал. Потом скомкано извинился непонятно за что, и ушел. Но осадок на душе остался. Да, и потом он ещё иногда замечал размытые лица на групповых фото, но старался о причинах их возникновения не думать. Ведь по отдельности, когда делал портреты, всё фото удавались без исключения, не было ни одного дефектного.

Закончив, с оправлениями естественных потребностей, Михаил Дмитриевич поднялся с унитаза, в полной решимости прямо сегодня же пойти в магазин и приобрести не пару, а штук пять шесть новых труселей.

Еще журчала вода в бачке унитаза, когда Михаил уже сполоснув руки, зажег конфорку на плите, и водрузил на неё латунную индийскую кофеварку. Кофе он предпочитал исключительно варить, считая растворимые аналоги жалкой подделкой. Дождавшись пока пенка над горловиной поднялась, три раза. Он вдруг вспомнил, что не скинул на компьютер позавчерашние фото. Вечером пришел уставший, и оставил кофр в прихожей. А вчера был сутки на смене. теперь было, интересно, что получилось. Не то, чтобы он не просматривал кадры на камере, опосля. Но полный размер лучше было смотреть на мониторе, чем на маленьком окошке аппарата. С чашечкой кофе в руке, громко хлопая шлепанцами по полу, Михаил проследовал до прихожей, подхватил кофр и зашел с ним в комнату. Надо сказать, что жил последнее время Миша-фотограф один. Вот не удосужился он завести семью, как и авторитета не нажил. Под сраку лет, а всё Миша. Так бывает, когда человек в сфере услуг. И дело не том, что его не уважали как специалиста, отнюдь. Хороших отзывах о его профессионализме было хоть отбавляй. Но с одной стороны он никому из людей не начальник, а с другой стороны - для каждого заказчика вроде услуги. Поэтому максимум, как его называло подрастающее поколение - дядя Миша. С женщинами было все сложнее... Пока были деньги, а зарабатывал он иногда очень неплохо, то женщины были. Но связать свою судьбу, пусть с денежным, но сереньким невидным мужичком, проживающим в однокомнатной хрущевке никто не спешил. Так и не сложилось все по настоящему...Хотя красотки были...И они остались в его памяти, и на его фото, хранящиеся в альбомах в шкафу. Фото, где передан нежный бархат молодой кожи, изгиб тонкого стана, тяжелые полновесные окружности груди, и бедер, и буквально осязаем аромат женского тела. Снимки эти Михаил Дмитриевич никому и никогда не показывал. Во-первых, дело это было слишком личное. А во-вторых, за них и загреметь по статье за порнографию можно было, в те далекие времена молодости...

- " Вот может потому, что красотки, ничего и не вышло " - сокрушенно подумал Михаил Дмитриевич, который в глубине души понимал, что выбери он себе пусть не красавицу, но приятную, миловидную девушку с хорошим характером, всё бы и сложилось. Ведь он не пьющий, работающий, то что в основном таким простым девушкам и надо... Но душа требовала красоты. Красоты постоянно. Он выкадровывал её из окружающего мира, оставляя за рамками грязь, мусор, жестокость и злобу. Следя за тем, чтобы в кадр не вошло ничего лишнего. Создавая на фото свой мир. Сказочный, где-то по детски наивный. Но совершенный мир красоты. Размывая длиннофокусным объективом неприятный, ничего не значащий фон. Вот и позавчера снимая на камеру яблоко в саду, он максимально размыл фон, чтобы не было видно, что сзади висит и сохнет белье на веревке, а солнышко искрилось в бриллиантовой капле росы на румяной щеке яблока.

Михаил подключил камеру к компьютеру, и скидывая фото на жесткий диск, вспомнил как делал в молодости. Вот помнится снимал молодую мамашу на тогда ещё черно-белое фото. Не было софитов, не было отражателей, даже вспышки у него не было. Он просто подвел её к окну, с облупившейся некогда белой краской на раме. Сзади на стене облезлые отваливающиеся обои. Но её лицо светилось от любви и счастья, собственным внутренним светом, ведь она смотрела на своё дитя. И на фото только её

лицо и получилось, а не убогий интерьер. Так и должно было быть. Только так....

Рассматривая последние трофеи после вылазки на природу, Михаил Дмитриевич, практически сразу, без раздумий, большую часть фото отправлял в корзину, поскольку ничего примечательного или выдающегося не находил. Снимки были неплохие, но и только. Не было в них изюминки. То, ради чего этот кадр можно было сохранить. Что хотелось бы рассматривать, что притягивало бы взгляд. Исключительности в них не было. Настроения, в них не было. Хотя, если честно. Настроения не было у само автора снимков. Не отпускающие почечные колики, могли испортить настроение кому угодно. Дмитрич знал, что в его случае помогает только горячая ванна, ношпа тут бессильна. Но лезть в ванну не спешил. Это он предпочитал делать вечером, перед сном, чтобы получить максимальное расслабление и полноценно выспаться. А тут он наконец добрался до удачного на его взгляд снимка, который можно было оставить.

- А это ещё что? - спросил Михаил сам у себя, и отхлебнув кофе из кружки, поставил её на блюдце. На комичном фото, где на площадке зеленого листа черной смородины две гусеницы поднялись на дыбы друг перед другом в верхнем углу кадра оказалось белое пятно. Откуда оно взялось? Когда снимал, его не видел. И правда. На втором кадре его уже нет. И на третьем нет. Но положение у гусениц сменилось, одна из них уже опустилась на лист, и нет той напряженной ситуации, словно гусеницы собрались выяснять отношения. Дмитрич вернулся к первому фото назад. Если бы он пользовался фотошопом, всего то делов было залить мешающее пятно нейтральным зеленым фоном. Но тут дело принципа. Кадр должен быть идеален без всякого мухляжа. Михаил прихлебнул остывшее кофе из кружки и увеличил кадр.

- Твою мать!

Невольно воскликнул он, рассмотрев что это. Это белое размытое пятно в кадре явно было чьим-то лицом.

Глава 4. Красный маяк.

Был такой колхоз - "Красный маяк". В между прочим, первый колхоз в районе, но о нем мало кто помнил. А в пору восемнадцатого года, там много было сознательных товарищей, которые приняли революцию всей душой, помещика Матвея Васянина раскулачили, и на стропилах амбара подвесили. И первый колхоз организовали вначале тридцатых. Но вот мужское население ушло на фронт в сорок первом, и колхоз захирел. Не вернулся с войны в Красный маяк, практически никто из мужского населения. Окромя пожалуй одноногого парня, который ввиду отсутствия конкуренции, и стал последним председателем колхоза "Красный маяк". То ли Макар звали одноногого, то ли Степан, председательствовал не долго. Что-то там случилось... Не сложилось у него с семейной жизнью. И он то ли по пьянке в болоте утонул, то ли волки в лесу загрызли. Пропал он. Новые, назначенные сверху, руководители не приживались. Вдовы потихоньку померли, детишки какие были, выросли и разъехались кто куда, и к началу семидесятых годов, колхоз, да и сам поселок перестали существовать. Поля заросли. Дома сгнили и обрушились. Кое-где еще среди зарослей лопуха и крапивы еще можно было усмотреть фундаменты домов. Да о бывшем поселке можно было догадаться по растительности. Яблони росли, рябина, кусты черной смородины, крыжовника, а меж ними земляника. Через деревню протекала небольшая речка Карасу, которая в жаркое лето почти полностью пересыхала и превращалась в ручей. Кругом болота. Лес, в основном ели, березы, кривой, жидкий, на разработку не годный. И дороги до поселка нормальной никогда не было, ямы да ухабы. Одним словом, гиблое, бесперспективное место. И вполне возможно, совсем бы про Красный маяк забыли, ка бы не одна достопримечательность.

Километрах в пятнадцати от поселка речка Карасу при впадении в реку Сергеевку образовывала небольшой водопад. Хотя на настоящий водопад он не тянул, но скальные породы выступавшие из дна, образовывали пороги. И живописный вид падающей бурлящей воды, существовал лишь по весне, и да чуть-чуть в начале лето, пока река была полноводной. И в середине девяностых годов завелась мода, фотографироваться молодоженам на фоне водопада. И поскольку в Алексеевке особых достопримечательностей кроме памятника Ленина и вечного огня не было, место для семейного фото стало настолько популярным, что дорогу до водопада не только накатали, но и насыпали грейдер. И уже позже, в начале двухтысячных, положили асфальт. И Мише-фотографу место было знакомо до зубной боли. Он можно сказать мозоль на пальце заработал, сколько раз приходилось затвор нажимать. Потом он заинтересовался истоками реки Карасу, куда было сложнее добраться, но можно было сделать живописные снимки. И заинтересовался живописными местами, не он один. Заинтересовались рыбаки, черпавшие бреднем карася по ямам вдоль реки на разливе. Заинтересовались охотники, выяснив, что в заброшенном поселке поселились зайцы и косули. Потом рыбаками и охотниками заинтересовались егеря. Которые отлавливали рыбаков и охотников. Потом егерями заинтересовались полицейские. А полицией прокуратура. Одним словом, в девяностые годы заброшенный и полузабытый Красный маяк, опять стал известен и почти популярен. Жизнь кипела. Но кончилось это тем, что

рыба в Карасу совсем вывелась, а оставшиеся в реке лягушки облегченно вздохнули. Охотиться же у Красного маяка могли только лица приближенные к власти. Правда живности, какую пострелять, там тоже почти не осталось. Потом пришло время кладоискателей, которые вместо фундаментов домов нарыли окопы. Ничего ценного не обнаружив кладоискатели, переквалифицировались в металлистов. Но не в тех, которые писают кипятком по Black Sabbath и AC/DC, а в тех, которые ржавые железки сдают в пункты приема на вес. Металлистам и кладоискателям изредка гоняли егеря. Скорее по привычке, чем по закону. В общем, через какое-то время про Красный маяк стали опять забывать. Ходили слухи, что туда для сильных мира сего завезли пятнистых оленей на развод. Но то ли олени не успели развестись, то ли не захотели, не понравился им климат, то ли постреляли их не дав время на раздумья. И охотничье угодье запустело, и закрылось. Зайцы перекрестились, и занялись размножением. Говорили, что у болот, за поселком в начале нулевых ещё можно было встретить диких кабанов, но это скорее из области мифологии.

К двадцатым годам двадцать первого века у Красного маяка можно было встретить лишь грибников по осени, но и тех редко. Вокруг Алексеевки грибы росли везде, и не было особого смысла переться черте знает куда, по заросшей, едва угадывающейся дороге к Красному маяку. И все же туда ездили....Непонятно кто, и непонятно зачем.

Фотограф Шахов и сам себе наверное не мог признаться, что ездит он туда на своей старенькой шохе, не за красивыми лесными пейзажами, а за одиночеством. Слово одиночества не хватало в его одинокой жизни. Хватало. Он иногда хотел напиться и выть на луну от одиночества, и он напивался, но не выл. Хотелось лезть на стенку от одиночества, но он не лез. Он понимал, что найти родную душу в родном городе ему не суждено. А вот сами люди, всё время - не те люди. Не те с которыми бы хотелось поговорить, не те которые бы его поняли, не те, которые бы думали и чувствовали, как он, не те, с которыми бы хотелось прожить жизнь вместе. И вот от присутствия в его жизни постоянно "не тех людей" он уставал. Уставал отвечать на бессмысленные вопросы, поддерживать бессмысленный разговор о политике, экономике и ценах на продукты. Бессмысленные сплетни о жизни знакомых и незнакомых, сотрудников, соседей, жителей города и звезд эстрады. Всё это бессмысленно и бесполезно. Вся эта жизнь проходила неправильно - утекала, как вода сквозь пальцы. И как ты не сжимай пальцы, не тужься. не стремишься сохранить драгоценные капли - все пройдет. А тратилась жизнь почти целиком на мелочь и шелуху повседневности. От осознания, что это невозможно исправить на Шахова часто накатывала тоска. Но вот останови его сейчас, ползущего на жигулях шестой модели по узкой ухабистой дороге и спроси в лоб, о чем бы он хотел поговорить? Какую тему для разговора он считает не бессмысленной? Он пожалуй бы растерялся, и не смог ответить. Однажды по молодости, актриса молодежного театра "Синтезис" Лариса Артюхова дала ему почитать книгу Германа Гесса "Степной волк". И когда он отдавал после прочтения, она спросила: Как тебе книга? Он ответил: Степной волк - это я. И серьезно, без улыбки, посмотрел ей в глаза. Она встретила его взгляд и кивнула: Я тебе верю.

Миша-фотограф ехал сейчас не за одиночеством, или как он внушал себе - удачным снимком. А ехал найти того парня, который случайно попал ему в кадр. Шахов почему-то был уверен, что это был парень, и что он до сих пор, уже третий день бродит где-то без памяти по перерытому кладоискателями Красному маяку. Он даже в уме примерно внутренним взглядом видел несчастное лицо парня, голодного, измученного продрогшего.

И внутренне содрогался от жалости к незнакомцу. Совершенно не представляя как ему вернуть память, он почему-то был уверен, что всё устроит. Не знает как, но устроит.

Он так увлеченно крутил руль, петляя по едва заметной дороге, что даже не обратил внимание на следы. Четкие следы протекторов автомобиля проехавшего незадолго до него по заброшенной дороге. Ночью прошел небольшой дождь, и следы и куски грязи вылетающие из под машины, сложно было не заметить, но Михаил Дмитриевич, обратил на них внимание, лишь когда выехал на большое поле, перед самым поселком. Глубокая лужа в яме на дороге было расплескана, и темные полосы от мокрых колес виднелись впереди, по ту сторону лужи. "Странно", - подумал Шахов, объезжая знакомую рытвину по полю, справа, - "Кто это сюда приперся? Опять металлисты что-то ищут?" Впрочем, размышлял он не долго. Проехал до зарослей бывшего колхозного сада, и оставив машину под тенью деревьев, поспешил к тем кустам смородины, где фотографировал гусениц. Нет конечно, он понимал, что ни гусениц, ни парня там не увидать, но был уверен, что поиски надо начинать от того места, откуда все началось. Как говорилось, танцевать надо от печки.

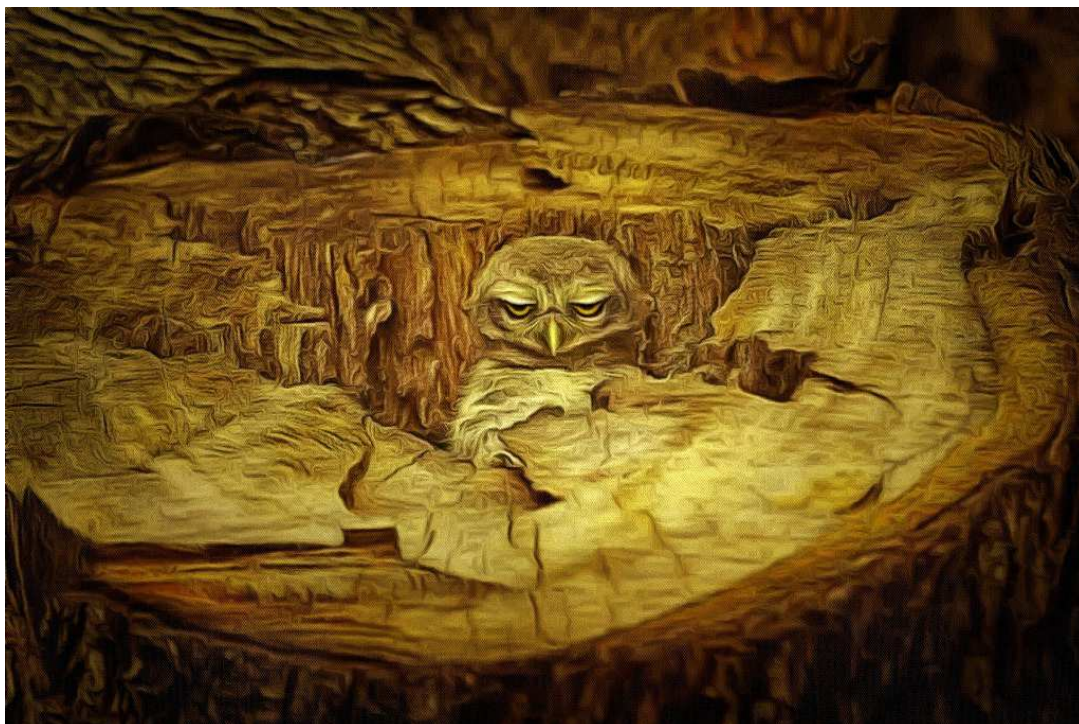
Кусты он нашел без проблем. А вот дальше ...Дальше он стал бродить вокруг зарослей нарезая круги. Все увеличивая зону поиска. Обошел руины колхозного амбара, где с груды черных трухлявых досок, с фырканием взлетела стая перепелок. О испуга и неожиданности сердце Шахова на секунду замерло. Прошел мимо обломанной старой березы с сакраментальной надписью на стволе "Макар сука". Фраза навела фотографа на раздумья. Какой именно Макар? В чем он провинился? Чем вызвал такое отношение к своей персоне? Вот нет давно уже на свете того Макара, да и того, кто это написал тоже. А злость осталась на ни в чем не повинной березе...

Потом Шахов стал методично прочесывать останки поселка, заглядывая в нарытые кладоискателями шурфы. Внутренне напрягаясь, поскольку боялся увидеть там тело парня упавшего в яму по неосторожности и свернувшего себе шею. Всё копают, подумал фотограф, рассматривая дно очередной ямы, всё что-то пытаются урвать, вырубить, вывезти, продать. Совсем уже не осталось того поколения, которые хотели посадить, вырастить, преумножить. Сейчас только любят садить печень, строить бизнес, и растить прибыль. Бездумно, безоглядно на будущее поколение. Лишь бы им хватило. Шахов вздохнул, и вышел к реке, где некогда была водяная мельница, а из берега всё ещё торчали рельсы её основания, которые так и не смогли вытащить металлисты. Рельсы были черные от ржавчины, превратившейся в патину. И на них всё еще читалась четкая, выбитая при прокате, надпись : "ЗАВОД ИМЕНИ И.В.СТАЛИНА 1939 г."

Михаил спустился к реке, сел на рельсу и стал смотреть на медленно текущую речку. На том берегу реки росли ивы. Над одной кроной ивы затеяли разборки воробьи, перепрыгивая с ветки на ветку и о чем-то оживленно чирикавая. Яркое солнце отражалось от реки. Лесной воздух напоенный влагой реки и запахом трав впивался Шаховым как хороший заваренный чай. И сам того не замечая фотограф потихоньку впал в транс. Когда наносные, поверхностные мысли отпускали, и не думалось ни о чем. Просто дышалось вместе с лесом. Да. Именно может быть ещё за этим ощущением он стремился на плэнер. Чувства единения с природой. Когда вокруг тебя не просто чирикают воробьи и стрекочут кузнечики, шуршат по траве мыши и ящерики, плюхает в реке рыба охотясь за мошкой. Когда весь этот мир перестает существовать отдельно от тебя, как фоновое сопровождение и окружение, а ты сам становишься частью этого мира. И тогда мир перестает тебя воспринимать как внешнюю угрозу, а принимает. И тогда возможно чудо.

Михаил поднялся с рельсы, чтобы продолжить свои поиски. Солнце перевалило за полдень. Он уже не был уверен, что пятно это лицо, что лицо обязательно попало в беду. Но дело, есть дело. Надо ещё для очистки совести обойти местность. Надо бы покричать, - подумал фотограф, может кто и отозвался бы. Но кричать в лесу без нужды было глупо. Не хотелось пугать местную живность. И вскоре он похвалил себя, что не стал кричать.

Шахов остановился в нескольких шагах от большого пня оставшегося от спиленного дерева. И автоматически вскинул фотоаппарат. Это чудо обязательно надо было запечатлеть.

Щелкнул затвор. И чудо записалось в память фотоаппарата. Совенок не смотрел на фотографа, то ли он не хотел видеть его, то ли яркое солнце. То ли задумался о чем-то своем, совином. А может просто ждал ночи, чтобы бесшумным призраком полетать над лесом.

Зачем Шахов взял фотоаппарат, спросите вы? Ведь Михаил Дмитриевич не собирался снимать, а лишь искать потерявшегося человека. Но брать с собой камеру было многолетней привычкой Миши-фотографа. Как полицейский не идет на операцию без табельного оружия, так Миша-фотограф практически не выходил из дома без фотоаппарата. Не брал камеру, лишь когда шел в магазин за покупками, и заступал на смену сторожем. И вот сегодня сорвавшись и уехав в лес к Красному маяку, он чисто по привычке подхватил свой табельный аппарат. Ощущение тяжести на груди и ремня на шее придавало ему уверенности. Это был щит, которым он прикрывал сердце от внешнего мира.

-Бах! Бах! Бах!

Тишину леса разорвали выстрелы. Совенок выпорхнул из пня и потерялся в кроне деревьев. Шахов вздрогнул всем телом, и от неожиданности присел, одновременно пытаясь втянуть голову в плечи. Сердце бешено забилося в груди.

- Стой! Сука! Стой! - раздались крики, совсем неподалеку от Михаила.

Шум. Треск сухих ветвей под ногами. Кто-то за кем-то гнался, раздвигая кусты.

- Блядь! Я его не вижу!

- Комар! Твою мать! Куда он побежал?

- Да вроде туда..., - прозвучал неуверенный ответ, - Я же шмальнул в него три раза. И кажись зацепил...Точно зацепил!

- И что сука теперь делать?

- Надо искать...Он не мог далеко уйти. Я же его ранил.

- А на фуя? А если он сдохнет? Шаман нам бошки оторвет.

Михаил занервничал. Разговор шел недалеко от него. И он понял, что если эти двое сейчас пойдут искать. Найдут ли они того, кто сбежал - неизвестно, а вот его найдут сразу. Свидетелем конечно быть почетно, но уж больно жизнь у свидетелей короткая. Особенно, если в деле замешан Шаман. Поэтому стараясь не шуметь, довольно быстрым шагом Миша-фотограф двинулся по направлению к своей машине, совершенно забыв, что приезжал сюда кого-то найти и спасти.

До автомобиля он добрался ни кем не замеченный, но вот у самой шестерки, его ждал сюрприз. С водительской стороны у машины сидел незнакомый мужчина в грязных джинсах и синей футболке. Он сидел на земле, прислонившись спиной к водительской дверце, и держался левой рукой за бок, по которому расползалось черное пятно.

- Помоги...., - прошептал незнакомец.

Миша едва сдержал рвотный позыв, и отвернулся. Он не боялся вида крови, как могло показаться со стороны. Ведь иногда в помощь милиции приходилось снимать место преступления, и трупы не первой свежести. Но очень неприятная внешность была у незнакомца. И это было необъяснимо. Его ни в коем случае не хотелось сфотографировать, а в лучшем случае пристрелить. И это желание не объясняло отсутствие растительности на лице. Отсутствие бровей, ресниц, волос. И ни на намека на щетину на щеках. Хотя черты лица грубые, как у тевтонского рыцаря, скорее мужские, чем женские. Но было нечто, нечто неуловимое, нечто вызывающее отвращение. Может быть белесые глаза, с едва очерченной бледной радужной оболочкой, словно выцветшие на солнце? И черные точки зрачков, как дырки на пуговице. Словом, какой-то нечеловеческий вид у него был, при общих человеческих чертах. Это Шахов уже вспомнил потом, после, пытаясь описать незнакомца. А тогда, он просто пытался на него не смотреть. Отвратителен он был. А совесть говорила, что надо помочь.

Поэтому он помог раненому сесть на заднее сиденье, завел авто, и рванул в районную больницу. И ему совсем было невдомек, что те, двое...увидели как его темно синяя шестерка уезжала от Красного маяка.

- Блядь! Терех! Давай быстрее за ним!

- Не суетись Комар. Знаю я чья это "шоха"...Мишки-фотографа. Найдем...

Глава 5. Три "Т".

Городом же Алексеевкой правили три "Т" - Токарев, Татевосян, и Толкалин. На трех толстяков они не тянули. Если директор пивзавода Р.Татевосян и глава города В.П.Толкалин звание толстяка получили бы заслуженно, то хозяин леспромхоза А.Токарев фигурой был похож на удава, проглотившего кролика. Лицо, руки, ноги худые, а выпирающий на их фоне животик, смотрелся чужеродным элементом. И язык не поворачивался Токарева назвать толстяком. Так...полнеющий с годами дистрофик. Не смотря на не геройскую внешность Токарев по молодости был жилист, нрава буйного, задиристого, и поскольку любил говорить, перед тем как начать драку: Настучу- ка я ему в

бубен... И стучал так часто, то автоматически получил кличку Шаман. Хотя ему лично это погоняло не нравилось, и Анатолий Алексеевич тайно мечтал, чтобы его звали как легендарный пистолет - ТТ, то есть Толик Токарев. Но, что случилось, то случилось.. Не всё в этой жизни можно изменить даже имея влияние и деньги. А уж кличку какую по жизни получишь, с той и будешь зону топтать. Впрочем, топтать зону и пребывать в местах не столь отдаленных Анатолию Алексеевичу не доводилось, хоть в судебных делах он фигурировал неоднократно. Но в итоге, оставался на свободе, то в связи с недостаточностью улик, а то и вообще, переходя в категорию свидетеля. Надо ли говорить, что Красный маяк, казавшийся некогда лакомым кусочком, был прихватизирован им целиком и полностью. И на счет пятнистых оленей, было дело. Завозил. На охоту нужных людей приглашал.

А вот Татевосян, был полная противоположность Токарева. Он с детских лет был добродушный толстяк. Его любили все пацаны во дворе, бродячие кошки и собаки, бабушки на лавке, одноклассники, учителя в школе, и даже женщины, в детстве воротившие от него нос, в последствии тоже любили. В интимном смысле Татевосян был если не гигант, то весьма долгоиграющим, что нравилось всем женщинам. И если Токареву не нравилось его кличка "Шаман", то Татевосняу его имя - Рауль. Блин! Он проклинал тот день, когда его отец, заядлый шахматист, решил его назвать именем кубинского шахматиста. Фамилию шахматиста (Капабланка) из знакомых никто не знал, но на испанское имя реагировали все. Что Рауль умеет играть в шахматы, он скрывал. Умел играть, (отец постарался), но афишировать не любил. А вот рассчитывать свои ходы наперед по жизни он умел. Именно поэтому, в конце восьмидесятых годов закончив сельхоз институт по специальности механизатор сельского хозяйства, и придя на завод простым механиком, очень быстро заменил "Злого чечена". Так в народе звали директора Газдиева Ахмеда, руководившего в то время производством. Пиво "Алексеевское" при "Злом чечене" славилось тогда на всю область. За производством он следил строго, не допуская ни малейших нарушений и отклонений. Но вот парадокс, если стандартное Жигулевское, произведенное по ГОСТУ, ничем особо не выделялось, то разливное было сказка. Не фильтрованное. Мутное. Темное. С золотистым перламутровым отливом. Когда трехлитровая банка доставалась из холодильника, и наливалось в потеющую на глазах кружку, тянулось пиво как густой кисель. Душистое, ароматное, бьющее в нос, и по голове, нравилось и помнилось старым жителям. Жёлтые бочки с пивом стояли по всему городу. И торговали им исключительно женщины кавказского типа с неизбежными косынками на головах. Бочки с пивом обычно появлялись в конце рабочего дня в местах массового скопления народа. Так например у проходной Комсомольского Ремонтно-механического завода, на котором в те времена производили компрессоры, и перематывали электродвигатели, бочка появлялась уже к четырем часам дня. И те страждущие, которым было не вмоготу отправляли тех, что помоложе, через забор за пивом. Гонцы летали через забор с трехлитровыми банками в авоськах. А к шести часам вечера выходя из проходной народ опустошал бочку полностью. Кто пил на месте, кто набирал с собой домой.

Но в начале девяностых Ахмет Газдиев вышел на пенсию и уехал на историческую родину в Грозный, его теплое кресло занял Рауль. Рауль Татевосян, помимо ГОСТа и технологии очень хорошо знал арифметику. Он понимал, что увеличить прибыль можно просто увеличив объем. Но при разбавлении пива водой, которая как известно губит людей, уменьшается пена. А это тоже прибыль. Добавление стирального порошка вопрос

с пеной решает, но ухудшает вкусовые качества. Вопрос с вкусом решался добавлением соды, а потерянный в результате добавок градус компенсировался техническим спиртом. Народ оставался доволен, а Татевосян радовался за народ. И поэтому пиво никогда не пил, чтобы народ не обделять, а предпочитал простонародную чачу, или на крайний случай коньяк Арарат. Помимо коньяка и чачи Рауль любил женщин, и вот на почве любви к певице ресторана "Жемчужина" Анжелике Мартыненко, он сделал ошибочный ход, и пересекся с Толиком Токаревым. Шаман тоже любил Анжелику, и несколько раньше Рауля, и по этому поводу необоснованно считал её своей. Но так случилось, что Татевосян вдохновленный пением певицы, пригласил её к себе в отдельный кабинет, и красноречиво убедил в своей любви.

Но тут в самый неподходящий момент в ресторан заявился Токарев, и беспардонно ворвался в кабинет с пистолетом ТТ в руке. И дальше дело пошло как в известной песне "Ромашки спрятались, поникли лютики..." При чем ромашка Анжела пыталась спрятаться под диваном, куда кот с трудом мог протиснуться. А лютик Рауля кажись поник навсегда. Так он по крайней мере думал, в тот момент... Но не смотря на опасения Рауля, шаман его не пристрелил, а занялся любимым делом, настучал ему в бубен. Татевосян этого так не оставил. Затаил обиду и поспешил настучать на обидчика своей крыше то есть мэру Василию Петровичу Толкалину. Толкалин пообещал разобраться. Но на самом деле Толкалин крышевал не только Татевосяна, но и Токарева. Не то, чтобы крышевал, но кормился с двух рук. Поэтому не считал разумным влезать в разборки. Он конечно гневно принял сторону Татевосяна, а когда тот ушел, позвонил Токареву и гневно принял сторону Шамана. И в этом был весь Толкалин.

Василий с детства был смышленным мальчиком. Он поддакивал тому, кому надо было поддакивать. Говорил только то, что от него хотели услышать. И закончив десятый класс второй общеобразовательной школы им. 50-летия Октября, из секретарей комсомола школы переместился в райком комсомола. Сделав корочку о заочном окончании института народного хозяйства, райком комсомола поменял на райком партии. И тут бы ему расти и расти, но вот беда Союз развалился и партия перестала быть карьерной лестницей. И тогда Василий Петрович на примере Бориса Николаевича стал резким противником проклятых комунок, разоривших страну. Он громче всех кричал о бесправии и беспорядках, а сам тем временем за ваучеры приватизировал КРМЗ(тот самый Комсомольский ремонтно-механический завод). Надо ли говорить, что завод ему достался по наследству от тестя, поскольку Василий по молодости правильно и с расчетом женился. Но в виду того, что в производстве Толкалин ничего не смыслил, то быстренько распродал оборудование, рабочих разогнал, а саму территорию завода, и цеха сдал всяким ИП и ТОО в аренду. За аренду платили не так много, как бы хотелось, но всегда можно было напрямч более удачливых бизнесменов, чтобы не жадничали, поделились. И они делились. Правда приходилось закрывать глаза на некоторые вещи. Как например шалости Татевосяна с технологией пива, и внезапными лесными пожарами, в случайно выгодных для Токарева местах. Да и в конечном итоге, не все же на бизнесменах держалось? Есть же ещё бюджет. И как бы на верху его не распиливали, ему все равно чуть-чуть оставалось. Поэтому жил мэр Толкалин бедненько. Трехэтажный дом и территория бывшего завода оформлены были на жену Людмилу. Квартира в Москве принадлежала сыну студенту, учившемуся там же, а у самого Василия ничего кроме служебного автомобиля не было.

Помимо основной деятельности, были у известных в городе три "Т" и свои причуды и забавы. Так Татевосян любил широкие застолья, вкусно и сытно поесть. С большим количеством гостей и соответственно подарков ему любимому. Широта души требовала размаха. А что могло быть лучше, народных гуляний? Очень ему импонировал немецкий Октоберфест. Поэтому с согласия и одобрения администрации, раз в год, а потом и чаще, разбивались палатки. Появлялось неимоверное количество шашлычников и шаурмистов, и центральная площадь буквально заливалась пивом. Ведь в эти дни оно шло по акции, покупаешь литр + литр в подарок. Правда после первой кружке того пива, начинал мучить сушняк, и срочно требовалась вторая кружка, а там и третья. А после четвертой, голова начинала гудеть как церковный колокол. Но для православного человека звон колокола, как призыв на подвиг.

В.П. Толкалин шумных народных гуляний не любил, хоть и вынужден был на них появляться. Поскольку, Татевосян после этих гуляний щедро с ним делился. Толкалин любил тишину. Любил теплое ласковое море, и страны, где его никто не знает. Поэтому Черноморским курортам предпочитал Средиземноморские. Отдыхал на них только летом, чтобы его загар не бросался в глаза и не выделялся на общем фоне. А вот в Таиланд съездил лишь однажды, на новый год. Откуда привез незабываемые впечатления и букет венерических заболеваний. От чего семейное положение треснуло и грозило оставить Василия без дома, завода, и средств к существованию. С трудом, но конфликт Толкалин уладил. И стал жить тихо, по прежнему. Периодически меняя секретаршу, на более молодую. Правда, в народе поговаривали, что как минимум трех из секретарш он осчастливил материнством. Но его никто не осуждал, ведь законная жена мэра и по молодости красотой не блистала, а с годами могла легко без грима сниматься в фильмах ужасов.

Но более всех из трех "Т", деньги, женщин и развлечения любил Токарев, он же Шаман. Шумных оргий и попоек Анатолий не устраивал, если не для нужных людей конечно. Развлечения у него были свои, как он говорил, настоящие, мужские. Любил он пострелять. Отсутствие цели его не напрягало благо, зайцы, лоси, кабаны, куропатки, водились в округе повсеместно. Поэтому еще в начале своей трудовой деятельности, подмял под себя он не только леспромхоз, разок пальнув в воздух для остротки перед носом директора, добровольно отписавшего ему право владения. Но и подмял под себя все лесные хозяйства. И если лесничие именовали вышестоящих начальством, то его называли Хозяином. "Хозяин приедет, надо собирать пацанов, дичь загонять"- говорили они, и всем было понятно кто приедет. Помимо пострелять, Шаман имел слабость к огнестрельному оружию, и хоть с первым своим ружьем Зауэр три кольца выпуска 1924 года, курковка, с понтовой гравировкой, он не расставался, но с той поры приобрел куда более дорогие и престижные ружья Бенелли и Беретта. Турок, как оружейных, так и живых он не жаловал. И к лицам кавказской наружности в целом был равнодушен. И если бы Рауль в свое время, чуя за Шаманом силу, не приглашал его на свои скромные посиделки, вряд ли бы он отделался лишь синяками на морде. Ходили слухи, что несколько приезжих кавказцев пропали без вести не без помощи Шамана. Хотя достоверной из слухов была лишь одна история.

В деревне Урюпинке, что недалеко от Алексеевки у хозяина сдохла корова. Дело было зимой. Хозяин коровы кое-как вытащил горемычную из сарая, и на улице в мороз, она быстро окоченела и превратилась в недвижимость. Дед видя такое дело, тормознул проезжающий леспромхозовский трактор, тащивший волоком лес, и попросил

тракториста оттащить тушу на скотомогильник, за деревней. Тракторист отказался, но за бутылку самогонки изменил своё решение. Отцепил бревна, зацепил тушку тросом и оттащил в указанном направлении. И все были довольны. .

А на утро тракторист вспомнил, что второй трос остался вместе с коровой на скотомогильнике. Ругая себя за забывчивость, помчался на седьмой скорости за тросом. А на свалке ни коровы, ни троса. Лишь видны следы волочения. Вот по этим следам на снегу он и выехал к придорожной кафешке. А там его ждала очередная неожиданность. Троса и коровы не видно. Зато стоял зеленый джип Чероки. Шаман объезжая своё хозяйство остановился там перекусить шашлыком. На глаза высокому начальству, особенно с перегаром, попадать не хотелось, но делать нечего. Тракторист Серега пошел к хозяину узнать за свой трос. Шашлычник пошел в несознанку. Но свидетелем разборок стал хозяин леспромхоза Токарев, который молча вернулся к своему джипу, вытащил случайно найденный им (как свидетельствовало из заявления о сдаче огнестрела в милицию) пистолет Макарова, и убедил шашлычника пройти внутрь и посмотреть не завалился ли где там трос? Внутри помещения, к великому удивлению шашлычника Алика, нашелся не только трос, но и частично разделанный труп коровы. В амнезию шашлычника Шаман не поверил, а под дулом пистолета заставил жрать Алика сырое мясо, срезая его с коровы, пока это мясо не полезло из шашлычника из всех отверстий.

Алик тем же днем написал на Шамана заявление в ментовку. Шаман сдал "найденный" им пистолет. На том дело и заглохло. Шашлычник пропал бесследно. То ли сам уехал, то ли Шаман помог, никто так и не знает. Тайга - закон, медведь - прокурор. И об этом деле бы никто ничего не знал, если бы не болтливый тракторист Серега.

Но так случилось, что давеча на охоте загонщики выгнали на Шамана не только лося, но и случайно попавшегося человека. Незнакомец всем не понравился, особенно тем, что был свидетелем несанкционированной охоты, а попросту браконьерства. Не местный. Документов нет. Значит и искать никто не будет. Логично? Его бы тут и закопали. Но незнакомец видимо просек, что дело пахнет керосином и попросил его не убивать. Как в той сказке, мол не стреляй меня Иван-царевич, сказала лягушка, я тебе ещё пригожусь. И взяла и тут же пригодилась. Незнакомец пригодился не в том смысле. Он в лоб сказал Шаману, что знает о его желании стать богатым и может ему в этом помочь. На вопрос Токарева: А не джин ли он случаем? Незнакомец ответил, что не джин, а просто видит некогда закопанные в земле клады. И тут же рассказал и показал где копать. Но каково же было удивление шестерок Токарева, когда они извлекли по указке незнакомца глиняный горшок полный серебряных монет царской чеканки. Богатство не бог весть какое, но сам факт поразил. Потом он указал кое-какие места в черте города. И опять таки не обманул ни разу. Шаман приставил к незнакомцу двух отморозков, недавно откинувшихся с зоны, и велел с него глаз не спускать. Так прошло несколько дней...Колдун, как прозвали про себя незнакомца братки, им порядком поднадоел. Они больше копали, чем ездили с ним по округе. Удивляясь тому, чего и сколько бедный народ умудрился заныкать. И вот на третий день Колдун сказал, что знает про остатки скифского кургана, где есть кое-какое золотишко, и они вывезли его к Красному маяку.

Холм, который им пришлось копать, был старый, оползший от времени, прокопав с полдня, они ничего кроме гнилых деревяшек не нашли. Чем были очень раздосадованы и злы. А тут ещё смирно стоящий колдун попытался сбежать. И сбежал ведь гад! Комар и Терех были парни битые. Но про тех, кто перед Шаманом провинился, они ничего не слышали. Вернее, не знали, что с такими случается. От догадок волосы на

голове шевелиться начинали. Поэтому рысью добежав до оставленного у кургана джипа, рванули вслед за синими жигулями. Ну, если честно, как рванули. Тут на колдобинах можно было всю подвеску разбить. Поэтому поехали по возможности быстро, надеясь лишь на то, что на трассе жигуль по любому догонят.

Глава 6. Наблюдатель.

-Времени почти не осталось, - негромко прозвучало с заднего сиденья автомобиля. Шахов, сидящий за рулем, вздрогнул, но голову не повернул, следя за дорогой. Голос незнакомца здорово контрастировал с его внешностью. Это был неожиданно глубокий густой баритон с бархатной, обволакивающей интонацией. Такой голос был бы находкой для радиопостановок. Он практически гипнотизировал слушателя, ему хотелось верить. Странно, что он не уболтал бандитов его отпустить, - мелькнула мысль.

- Жнецы готовы. Скоро будет жатва.

- Да, - согласно кивнул Михаил, подозревая, что раненый, не только раненый в бок, но ещё и в голову. Уж больно пафосно прозвучала последняя фраза.

- Это точно, скоро сентябрь, комбайны на боевом посту, - ответил фотограф

- Не хочешь мне верить? - с грустью отозвался незнакомец, уловив издевку в голосе Михаила - А у меня нет сил тебя переубеждать. .. Вы признаны очередной ошибкой. Эксперимент будет прекращен.

Точно с головой беда, обреченно подумал Михаил, но сказал другое:

- Ничего, переживем, ты главное не напрягайся....Скоро на трассу выскочим, до больницы быстро доедем.

- Не доедем...На дороге нас догонят те... двое. Поэтому ты не торопись. Сейчас выедем на дорогу, и на первом же повороте, свернешь опять в лес...Они будут стараться догнать нас на трассе.

- Но тебе же нужна врачебная помощь?

- Не нужна. Мы теряем время..., а я силы..

Незнакомец наклонился ближе к Михаилу и вдруг взял его за плечо правой рукой.

Михаил скосил глаза и успел заметить, что рука незнакомца испачкана в чем-то синего цвета. И ещё успел догадаться, что это кровь этого существа. Когда его словно током пронзило. Миша-фотограф потонул в море информации, обрушавшейся на него. Картинки в голове мелькали как в клипе, что мозг не успевал запоминать и осознать, что именно он видит. Он понимал, что это история. Это индусы, шумеры, египтяне, греки и римляне. Но суть была одна и та же...Нравственное падение, следом неизбежное падение империи. И хоть мозг лишь частично осознавал, запоминал увиденное. Объем информации был настолько огромен, что его было невозможно запомнить, поэтому контекстом стала эмоциональная оценка увиденного.

Михаилу стало невыразимо грустно. Грустно так, что слезы наворачивались на глаза. И все это от осознания, что человек по большому счету нужен лишь сам себе и Господу Богу. И то, что он Миша-фотограф прячется за своей нужностью людям. Что фото старается сделать как можно лучше, чтобы его оценили, чтобы быть нужным для других. Что за своей работой он прячется от осознания собственной ненужности и бессмысленности своего существования. Ведь любое существование бессмысленно. Человек приходит и уходит. Что было, то и будет. Время сотрет его имя и его деяния. А если он радуется бытию, в том ему и награда. А просить и молиться о богатстве, удаче, здоровье и т.д. бессмысленно, как просить у воды, чтобы она стала мокрее. Молиться можно лишь об одном, о прощении... Ведь вольно или невольно все грешны. И те законы вложенные в душу, переродились в пороки. Стремление к лучшему, в зависть к тому, кто живет лучше. Возможность сделать многое, в желание обладать многим не затрачивая усилий. Лень, пожалуй грех побольше, чем трусость. Ведь многие грехи проистекают именно из лени. Так же как и достижения. Лень ходить пешком, взобрался на лошадь, лень таскать на себе - сделал телегу, лень считать в уме - компьютер. А над тем кому лень думать, всегда держит вверх тот, кому лень что-то делать руками.

Но все это частности. Слезы на глазах были от того, что этот порочный круг невозможно разорвать. Какую только утопию человек не выдумает, она неизбежно разобьется о сволочное человеческое естество. И если к власти приходят бессребреники идеалисты, то на смену им неизменно придут прагматики и приспособленцы. Так уже было, когда идею превратили в фарс. Михаил это помнил. Помнил, как в девяностом году прошлого века он спалил на костре свой комсомольский билет, не потому, что больше не хотел быть комсомольцем, а потому, что сами комсомольцы предали идею и перестали существовать. Их по сути уже и не было. Была каста демагогов-болтунов, занимающихся профанацией Марксизма-Ленинизма. И конечно не они одни предали. Сам пидар меченный страну предал. Ему за это нобелевку дали. Гитлер не смог страну развалить за четыре года, а этот за пять лет запросто, и без единого выстрела. Уникум! Но всё же, всё же.. Шахов так или иначе воспринял информацию более личностно, он понимал, что человечество это заслужило...Заслужило, то, что он увидел напоследок.

Он вдруг оказался на своем балконе четвертого этажа, по улице Мира 47, увидел небо, закрытое свинцовыми, почти черными тучами. День, но стоят сумерки. Увидел, как какой-то мусор несет ветром по пустой улице. Как изредка пролетают с сумасшедшей скоростью по дороге машины. В панике пробегают прохожие. Как раз за разом небо разрезают вспышки молний. И почему-то пахнет горелым мясом... А потом понял, что это пахнет от него. Его уже убило молнией. Только он почему-то опять живой, и продолжает смотреть на происходящее на улице. На то, как в доме политпросвещения, которое было в советское время и размещалось напротив его дома. потрескались все стекла. Это наверное

от гула, подумал он ощутив наконец этот нечеловеческий всепоглощающий, звук исходящий кажется из недр земли. Или оттуда, слева по улице, туда, где улица Мира, на изгибе превращалась в улицу Монины, и доходила почти до железнодорожного вокзала. Он не мог себя заставить повернуть голову и посмотреть в ту сторону. Он знал, что скорее умрет с закрытыми глазами, чем посмотрит. Это было выше его сил. Потому, что именно оттуда, с той стороны идет то, что стирает всё и всех. Что полностью зачистит планету. И не спастись ни птице в небе, ни рыбе в море, ни кроту в норе, ни мухе в траве. Потому, что уже не будет ни травы, ни норы, ни моря, ни неба....Ничего этого не будет!

Только недоросли с попкорном во рту, смотрящие в кинотеатре пост-апокалипсис, думают, что это лохи погибнут, а они, не умеющие ни развести костра, ни построить убежище, ни просто вбить гвоздь в стену, будут лихо рубить мачете головы зомби. Совершенно не к месту промелькнула мысль, как синоптики любят говорить: "Местами пройдут дожди, и наступит кратковременный апокалипсис". Шахов хмыкнул. Теперь понял, понял о какой жатве говорил незнакомец, и поверил ему. И в голове сразу возникла куча вопросов: Как? За что? Почему? Зачем Он так решил? Ведь самое главное из всего им понятого - БОГ ЕСТЬ! И с этим Михаил Дмитриевич был совершенно согласен. Он всегда интуитивно чувствовал, что нельзя весь сложный, упорядоченный мир списать на простое и случайное стечение обстоятельств, и чудесное возникновение из первозданного хаоса. И не случайно первые физические законы описал Исаак Ньютон, глубоко верующий в Бога человек.

Но Бог не в церкви, не в мечети, и не в синагоге. Это не Бог сделал людей по своему подобию, а люди вылепили себе бога - мелочного, жадного, злого и тщеславного, требующего жертвоприношений. Бог же выше людей по развитию, как человек выше таракана. Он мыслит другими категориями, которые выходят за рамки человеческого понимания. И Он пытался поднять людей до своего уровня присылая на Землю Сиддхартху, Иисуса, и Мухаммеда. Но люди извратили сказанное пророками, приспособили и вывернули учения, под свои нужды. Построили религии, как еще один источник извлечения дохода, и успокоились. "Наверное, Он устал возиться с нами..." - с грустью подумал Шахов, и вдруг опять оказался сидящим за рулем своей шестерки, уже выезжающей на трассу. А незнакомец оказывается отпустил его плечо и в изнеможении откинулся на заднем сиденье.

- Теперь веришь, - почти прохрипел он.

Шахов, находясь под впечатлением увиденного, только и смог, что кивнуть головой.

- Ты кто? - внезапно охрипшим голосом спросил Михаил. Хотя внутренне уже понял, догадался кто его пассажир, и уже хотел было назвать, чтобы подтвердить свои догадки.

Но тут же услышал глухой бархатистый голос пассажира

- Скорее Наблюдатель. Вы уже почти достигли..., - произнес наблюдатель, и не договорив, закашлялся. И синие сгустки слюны окрасили его губы...- Сейчас будет поворот направо... не пропусти...

Михаил и сам увидел спуск в лес, который был за придорожным кирпичным туалетом, украшенным буквами "М" и "Ж". За туалетом спуск превращался в проселочную дорогу, ведущую видимо до полей совхоза Заречного. Шахов скинул газ, и нырнул по спуску. В десятке метров проселочная дорога резко уходила влево, и буквально метров через пятьдесят, никакой транспорт из-за деревьев с трассы был не виден. Михаил Дмитриевич проехал на всякий случай ещё метров сто, и остановился. Шахов посмотрел налево, на желтеющее поле ржи, и подумал: "Если поле твое заросло сорняком, проще перепахать

всё поле, чем выбрать годные колосья"... Пассажир на заднем сиденье молчал. Михаил оглянулся и увидел, что "наблюдатель" с закрытыми глазами обмяк и сполз на сиденье. Выскочив из машины, открыл дверцу и потянул неимоверно тяжелого незнакомца на себя. Под тем на сиденье натекла уже довольно большая лужа. Натекло и на коврик у ног. И пока Михаил его поднимал, сам испачкался, руки, рукава, обшлаг куртки.

- Эй! Ты живой? - обескураженный Михаил, похлопал наблюдателя по щекам, попытался пощупать пульс на шее, полез за аптечкой в бардачок. Там как положено лежал жгут и бинт, и какие-то таблетки. Лихорадочно бегали мысли. Бинтовать возможно уже поздно... Проклиная себя за недогадливость, что сразу не оказал пострадавшему помощь, из-за спешки, и чего греха таить - из-за внезапной, брезгливости к незнакомцу, Шахов всё-таки разорвал упаковку бинта, и попытался забинтовать рану. Рана оказалась сквозной. Пуля вошла слева под лопатку, и вышла снизу под ребром. Видимо сердце миновало, но однозначно зацепило легкое, раз кровь изо рта пошла. ...Бинта хватило только на четыре оборота вокруг туловища, и он тут же намок и пропитался. Осознав тщетность своих попыток Михаилу страшно захотелось курить. Курить он бросил лет десять назад. Но недавно подвозил клиента, и тот забыл начатую пачку в машине. Она так и валялась, там, под пассажирским сиденьем, справа. Шахов еще раз пощупал пульс, на шее, приложил ухо к груди незнакомца, попытавшись услышать биение сердца. Но тщетно.

Тогда он дрожащими и перепачканными в синей крови руками нашарил злополучную пачку, вытащил сигарету, и воспользовался автомобильным прикуривателем. От дыма ему стало нехорошо. Закружилась голова, словно после выпитых двести грамм. Но вот затяжка, ещё затяжка, и пальцы уже перестали дрожать, а мысли в голове носиться как тараканы напуганные дихлофосом. Потихоньку он успокаивался. Что случилось, то случилось. Поздно метаться. Надо везти горемычного в больничку. Конечно возникнет куча вопросов к фотографу и от врачей, и от ментов, и возможно от бандитов. Но тут главное не сболтнуть про бандитов полиции, и все обойдется. Противно стало. Противно трусить.

- Какая гадость! - Шахов бросил на землю недокуренную сигарету, и с ненавистью раздавил её ногой. - Хватит! Надо ехать!

Скомандовал он сам себе, и рванул в город.

- Терех, куда нахрен могла деться эта шоха? - спросил Комар нервно куря, и скидывая пепел прямо на коврик перед собой. - Ты уверен, что это Мишка-фотограф?

- Уверен, - произнес бритый наголо Терех, со шрамом на всю левую щеку. Шрам он получил в детстве, когда прыгал в сугроб с недостроенной пятиэтажки, и порвал щеку об какую-то жестянку, но об этом эпизоде никому не рассказывал, а уверял, что дрался на ножах с кавказцами, они и зацепили.

- А если это не Мишка? Может он поехал в другую сторону?

- Да не бзди Комар! Мишка эта.., найдем. Может не на трассе нагоним, так у дома застанем.

- Ты всё-таки притопи..., Газуй! Газуй! Шаман по головке не погладит, если упустим, - нервничал Комар, детина лет сорока, широкий в плечах, пухлый в талии, но с удивительно тонким, почти юношеским голосом, за что и получил на зоне погоняло Комар. Трусом он особо не был, но кое-что знал про пропавшего без вести родственника, работавшего на Шамана, и очень ему не хотелось повторить судьбу этого родственника. Спокойствие же Тереха объяснялось просто. Не он колдуна упустил, а Комар. Не он

стрелял и промазал, а Комар. Значит, и спрос с Комара будет, а ему хули зазря нервы портить? Но по настойчивой просьбе подельника, педаль газа он все таки придавил. И лихо обошел три-четыре легковушки. Но синей шестерки на горизонте не наблюдалось. Поэтому войдя в раж, скорость он уже не скидывал, и когда подъезжал к перекрестку с объездной дорогой, по которой ездили лишь грузовые, идущие в область, скинуть газ даже не подумал....

Водитель К-700 Иваныч плохо спал ночью, потому, что чувствовал себя как часы с кукушкой. С регулярностью раз в час, он просыпался, чтобы с громким звуком испортить воздух, и опять уснуть на час. А виною всему было выпитое вечером пиво. Казалось бы всего-то одну пятилитровку выдул? И такая неприятность на всю ночь. Правда, с пивом он употребил леща, и тот видимо вошел в конфронтацию с напитком. В пять утра Иваныч проснулся в очередной раз и пернул так громко, что стекла в окне задрожали, а проснувшаяся супруга ткнула его острым локтем в бок.

- Да спи ты уже!

- И чего моя мать в шестьдесят третьем году аборт не сделала?! - с обидой громогласно возвестил Иваныч, и отвернулся лицом к ковру на стене. Посопев немного для приличия, демонстрируя обиду, он стал собираться на работу. К работе он относился ответственно, два рейса за день надо было сделать. Поэтому ещё с вечера загрузил полный трал леса кругляка, чтобы рано по утру, в шесть часов, уже на всех парах стартовать в областной центр. К обеду вернуться и совершить второй рейс. Но в городе с разгрузкой не заладилось....И домой он возвращался уже поздно, и катастрофически не успевал сделать второй рейс. А значит премию можно было в этом месяце не ждать. А ему по зарез нужна была хорошая зарплата, чтобы получить нормальную пенсию. В общем настроение было у Иваныча ниже плинтуса, когда он по объездной дороге подъезжал к родной Алексеевке. Перекресток с трассой, к которому он подъезжал славился как проклятый. Мало того, что нерегулируемый, без светофора, так и ещё и знаков определяющих, где главная дорога, а где второстепенная на перекрестке не было. Точнее они были, но загадочным образом пропадали. Кому их понадобилось снимать, непонятно. А из-за густой растительности вдоль дороги, заранее перекресток не просматривался. Поэтому опытные водители, на перекрестке скидывали скорость. В предчувствии, мало ли какой придурак выскочит? Да и права нынче покупают все кому не лень...Но тут, на Иваныча нашло. Задумался он. Ехал домой мрачнее тучи. Только его желтенький К-700 вылез на перекресток, как в переднее левое колесо трактора уперся мордой старый темно-зеленый джип Чероки. И не просто уперся, а всем бампером обнял и радиатором поцеловал в ступицу.

- Бах!

Из джипа в облаке пыли на дороге вылезли два братка.

- Ты баран!

- Сука! Ты хоть знаешь чей это джип?!

- Двух лохов! Которые права купили и про помеху справа не слышали! - Ответствовал Иваныч вылезая из кабины с монтировкой в правой руке. Надо сказать, что правую руку Иваныч ломал по молодости, но в больничку не обращался. Бинтом забинтовал туго, и поскольку больничный не брал, а продолжал крутить баранку, то и сrolась кость криво, по округлости руля. И надо сказать фигура Иваныча с монтировкой произвела на братков впечатления. Во-первых, был он два десяти ростом, и около двух центнеров веса. А во-вторых, его фигуру часто видели в тельняшке в августе в окружении менее рослых, но не

менее грозных парней. И то, что два кирпича он ломал любой рукой, что правой поломанной, что левой, одинаково, как семечки щелкал, слышали. И как десяток ментов с дубинками его успокоить не могли не только слышали, но и видели. Комар видел. Терех был не здешний. Иваныч, же рассуждал просто - битиё определяет сознание. А иногда без сознания. Своего сына он потчевал в детстве ремнем. Любовь к учебе прививал. И тот как не упирался, но закончил не только музыкальную школу, но и консерваторию в Новосибирске. Музыкантом правда, не стал. Говорят бизнесом занялся. Но дела у него шли хорошо, поскольку с детства был приучен все делать основательно, как отец научил.

- Блядь! Блядь! Сука! - в бессильной злобе Терех пинал колесо трактора, - Комар! Завали его!

- А ты башкой по колесу постучи! Может полегчает! - усмехнулся Иваныч, и спрыгнул с трактора, оказавшись прямо напротив Комара. Тот попятился.

- Комар! Вальни его! - истерил Терех. За рулем был он, ему ответ за джип держать. Понятно, что джип уже своё отжил, но это первый джип Шамана.

- Терех, не гони... я его знаю, это Иваныч..., продолжал пятиться Комар, понимая, что застрелить Иваныча не проблема, проблема будет потом, когда поймут кто и за что. А поймут в такой ситуации сразу.

- Да и хрен с тобой! - обиделся Терех на подельника, имеющего ствол, и подпрыгнул к Иванычу, ударив его в челюсть справа. Голова Иваныча дернулась. А потом тракторист просто опустил кулак левой руки на голову Тереха сверху, и тот мигом потерял интерес к повреждениям джипа. Но перед тем как глаза его закрылись, и он погрузился во тьму, он успел увидеть медленно проезжающую мимо старенькую темно-синюю жигули шестой модели.

Хорошенько рассмотрев ситуацию на перекрестке. Джип морда в лепешку. К-700. Двое стоят, один уже лежит. Шахов по дуге объехал препятствие, и вздохнул. Кажется ему повезло. Не до него им сейчас. А через десять минут он уже был у приемного покоя районной больницы. И успел увидеть, поднимающуюся девушку в белом халате.

- Девушка! Девушка! У меня тяжелый! - успел крикнуть Шахов, в упорхнувшую в белом спину. То ои наушники у неё в ушах, то ли глухая? Не поймешь. Михаил Дмитриевич выскочил из машины, и сам побежал по лестнице к дверям. Открыв входную дверь, он попал в предбанник, где ему путь преградил смурной, не выспавшийся сторож в серой форме секьюрити.

- Куда! - рыком остановил он Михаила.

- Врачей позови! У меня человек в машине умирает! - соврал Шахов.

- Занят врач.

- Ну санитаров позови, пусть пока носилки вынесут..

Секьюрити оценивающе и с недоверием посмотрел на Шахова, словно размышляя, стоит ли звать санитаров, и не стрельнет ли ему тот в спину, пока он их будет звать.

- Санитаров говорю зови! Человек умирает!

Охранник помедлил, потом одним глазом продолжая смотреть на Шахова приоткрыл внутреннюю дверь и негромко крикнул: вдоль по коридору:

- Серега! Выйди.. Раскомандовался тут..., - обронил он уже Шахову, прикрыв зачем-то дверь. Прошло наверное минуты три, которые Мише показались вечностью, когда со скрипом наконец дверь открылась и возник тот самый Серега, с профессионально неприязненным взглядом на лице. Возник один. Без признаков носилок в руках.

- Пойдем поможем, - оценил ситуацию Шахов, - у меня раненый в машине умирает. И уже не оборачиваясь сам побежал вниз к своему автомобилю. И предусмотрительно распахнул дверцу, готовясь вдвоем с санитаром тащить тяжелое до ужаса тело. И вот он распахнул дверцу, нагнулся и застыл. Застыл не в силах осмыслить увиденное...И стоял бы наверное так долго, если бы его не отодвинул подошедший сзади Серега.

- Ну, и где тело? Шутник ибанный! - выверился в праведном гневе санитар. Ведь на заднем сиденье автомобиля не было не только тела, но и никаких следов, что оно там когда-то было. Чехол на сиденье был девственно сух и чист, так же как и коврик на полу. Ни единой капли синей крови, не говоря уже про целую лужу. Но сказать, что заднее сиденье было совсем пустое, тоже было нельзя. Там, где некогда возлежал незнакомец теперь лежал большой золоченый крест, сантиметров двадцать длиной. Крест был странной формы, далеко не православной.

- Это не крест, это анх - египетский символ вечности, - вслух произнес Михаил, игнорируя вопли продолжающего его оскорблять санитар.

Глава 7. Макар.

День проходил за днем. Парню, который своего имени так и не вспомнил, а бабка Агафья нарекла Алексеем, казался каждый день вечностью. Время текло, как мед из сотов, медленно, тягуче и неторопливо. И каждая капля бытия была наполнена смыслом. Вся жизнь наполнена смыслом. И хмурое утро, и луч солнца в окно, и капля дождя на стекле. И смысла этого было гораздо больше, чем ты успеваешь осознать. Они вставали на рассвете, пили заваренный с вечера ароматный чай на травах с медом вприкуску. Затем шли в лес. В лесу было полно дел. Собирали грибы, ягоды, выкапывали какие-то корешки. Потом из найденного Агафья запаривала кашу в большом казане в печи. И дрова трещали и остро пахло березовым ароматным дымком. От съеденной каши бабка начинала двоиться в глазах Алексея, и он наконец мог задавать вопросы, появляющейся сестре Агафьи. Та отвечала неохотно, а иногда отвечала так, что смысл ответа приходил гораздо

позже слов. Вот и сейчас, поев каши, Леша сидел на лавке и гладил серую, полосатую кошку Муську. Муська мурлыкала и вопросительно заглядывала ему в глаза. И он подумал, что сам как Муська. все ждет ответов на свои вопросы, а вопросов было все больше и больше. Слишком много он не знал, вернее не понимал в этой жизни. Не понимал о каком боге ему говорит Агафья, если иконка в красном углу покрыта пылью и заросла паутиной. Она не молиться, и не то, что не молиться, а ни разу при нем не перекрестилась. Те, знания, которые были заложены в нем не давали на всё это ответа, а при том, Агафья периодически талдычила ему про бога, и что жить нужно по-божески.

- Вот вы говорите, что бог любит меня...А как он может меня любить если не знает? Что я делаю такого, чтобы меня любить?

- А разве ты любишь кошку за то, что она ловит мышей?

Алексей отрицательно тряхнул головой.

- Правильно, ты любишь её просто так, за то, что она есть, что способна любить в ответ, мурлыкать и тереться о ноги. Так и господь любит нас просто так....

- Только нужно мурлыкать в ответ, и молиться ему? - спросил Алексей, продолжая аналогию с кошкой. И пытаюсь понять, что это за вера такая, если не предусматривает молитвы?

Сестра Агафьи странно посмотрела на Алексея и вздохнула.

- Богу другого дела нет, как людские молитвы слушать? Человек молиться для себя...Чтобы лучше стать. И если у него получается самому суть свою изменить, то и жизнь его меняется. Человек, не кошка, он многое понимать должен, и спрос с него другой...

- Какой другой?

- Человек, явление временное....Человек это то, что нужно преодолеть... , - ответила сестра Агафьи и пропала. Бабка почему-то осерчала, и смахивая несуществующие крошки тряпкой со стола, ворчливо бросила:

- Шел бы ты, по деревне погулял...что ли.

Алексей почувствовал себя неуютно, виновато кивнул и поднявшись со скамьи, вышел из дома. Он и так чувствовал себя последнее время неуютно, приживалкой себя чувствовал. И хоть старался быть полезным в хозяйстве. Колот дрова. Носил воды из колодца. Собирал траву какую скажут, копал коренья. Но все равно боялся, что в один прекрасный момент Агафья его выгонит, а идти ему совсем некуда. И хоть на дворе светило солнце, стоял жаркий день, и с жужжаньем проносились тяжелые от меда пчелы. Практически у каждого дома стояли ульи, не много с пяток ульев, но были. Леша поежился от холода прошедшего по спине. Вот сейчас хозяйка ему сказала прогуляться, а где тут гулять? И главное зачем? Все в деревне заняты своими делами. Он не знал наверняка, но практически был уверен, что остальные жители, делают то же, что и Агафья. Живут с леса. Занимаются собирательством. Они встречали с Агафьей некоторых жителей в лесу, здоровались. Перекидывались парой ничего не значащих фраз. Жители в основном все старые женщины. Хотя есть и явно помоложе Агафьи. Из мужиков, насколько понял Алексей, есть пару совсем древних стариков, да дед Макар, который жил на окраине. Тот самый, с которым он встретился в первый день своего пребывания в Сорокино. Но отнесся дед тогда к Алексею не очень, и как-то заводить с ним дружбу не тянуло. Делать нечего, Алексей пожал плечами, и решил пойти именно к деду Макару, почему-то предположив, что тот сейчас дома. Ещё на подходе к дому деда, он понял, что не ошибся. Там доносились глухие звуки ударов топором. Дед рубил дрова. Алексей потоптался

немного у калитки, но зайти не решился. Зачем человека от дел отвлекать? Да и вообще, зачем он тут? Ну, приняла Агафья. Не прогнала. Живет как растение. Весь день уходит на добывание скудного пропитания. И то, что он должен любоваться в это время красотой мира, и чувствовать мир, не всегда получается. И Алексей даже заметил, что это зависит от вкуса каши, которую Агафья запаривает в печке. А вкус каши зависит от наличия в ней тех или иных грибов, корешков и листьев. А может уйти? - мелькнула шальная мысль. "Что или кто меня тут держит? Кому я нужен? Может, где-то там меня кто-то давно ищет. Кто-то родной и близкий? Кто-то, кто сможет вернуть мне себя самому себе? Сейчас ещё полдень. До вечера успею дойти до Сергеевки, а там пойду в милицию. Если что, переночую у них в камере... или как они говорят в обезьяннике. Интересно, там правда обезьян содержат? И каких обезьян?" Так подумал Алексей, и, решившись, потопал по дороге к мосту.

Вот уже и мост. Дойдя почти до конца моста, из выцветших на солнце белесых досок, припорошенных пылью. Алексей поймал себя на том, что он уже идет в обратном направлении, словно кто-то невидимый, аккуратно и незаметно, взял его сверху, как пешку в шахматах, и повернул лицом к деревне Сорокино. Или со мной что-то не так? Встревожено подумал Алеша, когда фокус повторился трижды. Каждый раз он неизменно оказывался лицом к деревне, и следующий шаг был не на том берегу, а на этом. Откуда он пытался уйти.

- Так не пойдет, - сказал сам себе Алексей, и решив, что мост заколдованный, просто переплыть реку. Он вернулся на эту сторону моста, и стал спускаться по крутому берегу к речке. Шагнул ногой в реку, неожиданным образом поскользнулся, словно вода стала твердым льдом, и упал на берег, уткнувшись носом в сырую землю с побегами проклюнувшегося камыша.

- Твою мать! - выругался Леша, когда несколько раз кряду повалился на землю. Выпачкал руки, и старую ветхую куртку, которую ему выдала бабка Агафья. и вернулся на мост, решив его перехитрить. Дойдя до середины моста, он разбежался, подпрыгнул, наступив правой ногой на перила моста, сиганул солдатиком в реку. И когда темная вода сомкнулась над его головой, он с глубоким чувством удовлетворения вынырнул, отфыркался, и поплыл к берегу. Выйдя на берег, первым делом снял с себя куртку и хорошенечко выжал. Так же поступил со всей остальной одеждой. Хоть солнышко и припекало, но не мокрым же идти? Выжать не получалось только кроссовки. Они противно хлюпали. Затем вытряхнул из ушей, затекшую воду, попрыгав то на одной ноге, то на другой попеременно, пока не заметил, как оглушительно стрекочут кузнечики. Поднявшись же по обрывистому склону вверх, он обнаружил, что видит вдалеке дом деда Макара. Это оказался не тот берег. Нырнув таким образом с моста ещё три раза, Леша пытался ориентироваться по солнцу, и проплыть к противоположенному берегу, но неизменно оказывался именно на том, откуда хорошо просматривался участок Макара, обильно заросший крапивой и лопухами. Этого не могло быть, но было. Так и не решив, то ли у него с головой проблемы, то ли ещё чего...Он мокрый и продрогший от холодной воды, потопал к дому ненавистного ему деда Макара.

Когда же Леша подошел к дому, он немного обсох на жарком солнце и дрожать уже перестал. Открыл скрипнувшую с противным скрипом калитку. Пройдя по дорожке и обогнув дом, Алексей увидел деда. Макар сидел на пенке, а перед ним высились неопрятной грудой рубленные поленья. Лицо деда покраснело, на морщинистом лбу выступили капельки пота. Седые волосы на голове слиплись. Дед сидел широко раскинув

ноги. Только что скинутые с ног кирзовые сапоги, были украшены сверху аккуратно развешенными портянками. Портянки, судя по виду, были когда-то то байковым одеялом. Воздух они не озонировали. Пахло, словно собака сдохла. Леша непроизвольно поморщился. Дед Макар ни присутствие Леша, ни запаха портянок кажется не замечал. Он невозмутимо разложил на коленях курительные принадлежности. Коробок спичек и пластмассовая коробка с надписью зубной порошок, и с рубленным табаком самосадам в ней, на правой коленке, а на левой бумажки резанные по размеру страницы какой-то книги.

- День добрый, - поздоровался Алексей, опустив глаза.

- И тебе не хворать, - отозвался ничуть не удивившийся гостю Макар, тем временем лихо свернувший из бумажки "козью ножку" и набивая её табаком из коробки. Алексей же не мог отвезти глаз от голых ступней деда. Это было неприлично...но он был не в силах отвезти глаз. Неприлично рассматривать чужое увечье. Если с левой ногой у деда все было в порядке, кроме слегка грязных и нестриженных корявых ногтей. То вот на правой пальцы отсутствовали напрочь. Словно из вырвали пассатижами, а оставшиеся рваные раны, грубо стянули суровыми нитками, что образовалась страшная культя с натертой мозолистой коркой вместо старых ран. Тут до Алексея дошло, он вдруг вспомнил, странный хлюпающий звук, когда дед хромя шел по своему участку прошлый раз. Это культя хлюпала в сапоге.. Пауза затянулась. Дед Макар чиркнул спичкой, прикуривая "козью ножку", и затянулся.

- Шо молчишь? На красоту мою любишься? - хмыкнул дед, выпуская клуб ядреного дыма.

- Извините, - опомнившись ответил Алексей, смущенно отводя глаза в сторону. Он не смог сразу, напрямую спросить деда, про чудеса с мостом, как собирался до этого.

- Ничего, ничего...я и сам долго к этой красоте привыкал. Пока не понял, как свезло то мне..., - проговорил Макар с улыбкой и вертя изуродованной ступней, словно действительно находил в ней что-то красивое.

- В чем тут везение? - не понял парень.

- Дык, тому, кто на мину наступит, ногу отрывало по самую жопу, а мне вишь только пальцы срезало. Да и потом осколками посечет, что хрен выживешь. А я вишь, выжил. И комиссовали меня подчистую уже в сорок втором. А из нашего призыва, из полка, если десяток бойцов до победы дожил, и то хорошо. Так, что считай свезло мне со всех сторон, как не посмотри...

- Понятно, - кивнул Алексей, пытаясь подсчитать в уме сколько же деду Макару лет, если он воевал. Судя по найденному русско-еврейскому словарю 1989 года выпуска, и если год 1989 был нынешний, то деду лет около семидесяти, или чуть больше.

- А мне нет..., - ответил Макар, пыхнув дымом, - Ты на ногу мою любоваться пришел или хотел чего?

- Да....просто..., - замялся Леша не зная как начать разговор, хотел спросить, почему мост перейти не получается, но сразу сказать боялся. Его одолели сомнения. Вдруг это не на самом деле? Вдруг это только в его воображении?

- Проса у меня нет, и не проси. ...А место тут не простое.... Вот ты сюда пришел, а выйти если попробуешь, то дороги не найдешь. Пробовал уходить? Угу...вижу, что пробовал. Не обсох ещё...Рано или поздно все пробуют.

- А у кого-нибудь получилось уйти?

- ...Куда бы ты не шел, но в деревню вернешься..К этому сложно, но привыкнуть можно. И сообщения никакого с внешним миром нет. Нет здесь ни почты, ни сельпо, ни власти никакой. Случилось это давно....Может деревня бы и вымерла уже, ка бы не попадали сюда случайные потеряшки, как ты, да я.. А может вымерла бы ещё раньше...Ка бы не пришел сюда один человек и не объяснил всё...Отсюда паря два пути...либо ногами вперед, либо в свет, - задумчиво ответил дед затянувшись козьей ножкой и выпустив из себя облако дыма.

- Э-э-э...паря да я вижу тебя ещё не отпустило....., - присмотревшись к Леше, и увидев что-то только ему видимое, произнес дед Макар.

- Что значит не отпустило?

- Да, тех кто перейти пытается, накрывает... память они теряют. Не то, чтобы совсем, но местами забывают, что было только

То ли дед Макар не договорил, то ли говорил ещё что-то, но Леша не помнил. Он вдруг оказался в избе у деда, и держал перед лицом алюминиевый ковшик, от которого приятно пахло лимонадом.

- Ты хлебни, хлебни, не бойсь... Она поможет мозги прочистить, - напутствовал дед. Алексей и не боялся. Он похоже не очень понимал, что такое вообще это слово страх. Поэтому безропотно поднес ковшик до рта и выпил до дна. Жидкость в ковше оказалась не лимонадом. Газа по крайней мере в ней не было, а был несомненно мед. Сладость была приятная, не чрезмерная, как думалось, когда речь шла о меде. В голове действительно было ясно. Это называется медовуха, вспомнил Алексей. Только он не помнил, пробовал ли он когда-нибудь медовуху на вкус, в прошлой жизни. И ещё Леша главное не помнил, спрашивал он уже у деда что-то, или ещё не успел. Глупо выглядеть не хотелось. Поэтому Леша молча поставил пустой ковшик на стол, и говорить ничего не стал. Макар же воспринял этот жест по своему. Подхватил пустой ковш и нырнул им под стол во флягу. И ковш вернулся на стол полным.

- Слышал, слышал, что Агафья тебя приютила, - кивнул дед, пригубив добрую половину из ковша. - И как тебе хозяйка? Не забижает?

- Нет, - замотал головой Леша, - Только говорит непонятно. ... жить надо по-божески, а как это? И если честно, всё непонятно... Почему в деревне вы не пашете, не сеете, не держите хозяйство? Не думаете о завтрашнем дне? Ведь вот сейчас кончится лето, будет осень, а там зима...Какие грибы ягоды, трава зимой? Что есть зимой?

- Жить по-божески, не у каждого выходит, и не всегда получается...но это не значит, что к этому не надо стремиться...Нужно понемногу выдавливать из себя раба...Не убивать никакую тварь божью. Потому и хозяйства мы не держим, что не едим никого.. Что бог дал в пропитание, то и едим. Лесом живем, если ещё не понял. Медом. А зима придет, так и мы вместе с природой в спячку. Чего зимой то делать? Потому и запасы нам никакие не нужны. Достаточно на сей день пропитание иметь. И путь у нас теперь один, к свету, к настоящему Богу творцу, создателю....

- Агафья сказала, что человек это то, что нужно преодолеть. Как это понимать?

- Точно Агафья? Или другой кто? - хитро прищурился Федотович на Алексея.

- Ну, как бы...сестра её, - не зная как пояснить ответил парень.

- Ага.... значит видишь, не совсем слепой, - утвердительно кивнул дед, подтверждая какую-то свою догадку, и продолжил, - В человеке много чего по намешано хорошего и

плохого. Плохое в себе надо преодолеть, чтобы стать наконец тем, кем предназначено стать...

Дед докурил свою самокрутку буквально за три затяжки, задумчиво смял скуренную бумажку, и бросил в кучу дров. Леша отметил про себя, что вот вроде они в доме были, а тут опять на дворе оказались? Или не были в доме? И дальше перед глазами Алексея все закрутилось, и поплыло, словно он смотрит фрагменты киноленты как попало склеенные пьяным киномехаником.

- А можно ещё спросить? - потупил взор Алексей.

- Чего ещё? - буркнул старче. Ему видимо уже не хотелось отвечать.

- Понятно. Ты думаешь хлопче, вот так взяли и пришли... ? И я не сразу пришел. Был я атеистом, комсомольцем, и даже членом партии успел побыть, когда меня председателем колхоза выбрали. Некого было ставить, вот и поставили. А председатель беспартийным быть не мог по определению. Работали мы от темна, до темна, урожай стране давали. Как могли помогали фронту, фашиста бить. Только вот случилась одна история.....

- Значит Агафья тебя Лешкой нарекла, а ты свое имя так и не вспомнил? Ничего не вспомнил? Может то и к лучшему...не помнишь, нет тоски по прежней жизни...А меня Макар Федотыч звать, а то ты всё дед Макар, да дед Макар...

- Да вот так. Объяснил он почему отсюда выйти нельзя., - поморщился дед, - был такой математик Август, ещё во времена Пушкина жил..., он открыл такую штуку, что в нашем мире может существовать односторонняя поверхность....

- А что есть любовь?

- Что любовь? - не понял, Макар Федотович, намотав портянки, и нырнув ногами в старые кирзачи. Он видимо посчитал, разговор оконченным, и больше вопросов не предвидел.

- Любовь... Любовь это и дар Божий, и наказание. Это как посмотреть... Но это лучшее, что у тебя может случиться в жизни. Да, что ты знаешь о любви сынок? Ты, что думаешь любовь твоя это танцы-манцы? Вздохи при луне? Поцелуйчики? - с издевкой спросил Федотович .

- Нет..., - потупился Алексей, и покраснел, подразумевая под любовью половые отношения, но стесняясь сказать.

- Присядь - дед Макар, и указал рукой на завалинку. Мол, там садись. Леша покорно присел. А дед вдруг опять достал из кармана баночку табака, и стал сооружать себе покурить.

- Весной сорок первого на Первомай поженился я со своей...- Макар негромко то ли произнес имя, то ли чертыхнулся, - расписались мы в сельсовете. Любовь у нас была, что чертям в аду жарко было. А в Июле я уже сам добровольцем на фронт рванул. Комиссовали в октябре сорок второго. Прихожу домой, а моя жена на сносях. Соображаешь? Полтора года не виделись. Обидно мне стало, хоть вешайся. В груди жгло как от фашисткой пули. И главное от кого? Мужиков то нормальных в деревне не осталось. Все путевые на фронт ушли. На многих уже похорожки по приходили. Осталось в деревне два старика, да полтора инвалида, да детвора, мал мала меньше. Я поначалу запил с горя. . А потом решил мстить. Что не ночь, так новая бабенка. Вдов в деревне

много стало. И вот раз просыпаюсь. Почувствовал наверное. Словно кто иголкой в бок пырнул. Глаза открываю, а надо мной она склонилась и нож в руке держит. Зарезать меня пришла с полюбовницей. Только в глаза мне глянула, и не смогла ударить. Развернулась и убежала. Пропала она. Дома не появилась. И больше не видел её никто. Я как опомнился, искать её стал. Не нашел. Нашел только ножом на березке вырезано "Макар сволочь". Толи она вырезала с горяча, то ли полюбовник ейный. Поди, разбери... И сама сгинула. А я ведь любил её... больше жизни любил. Искал по болотам. Бродил. Только видать утопла она. Я и сам чуть было не утоп. Да выбрел на эту деревню.... Тут и доживаю свой век. Знаешь, вот когда она пропала. Пока бродил по лотам, понял насколько она мне дорога, что простил её. Видать в том мне и наказание. Была любовь, да не сохранил я её, не сберег.... Мужества мне не хватило, любить её какая есть без оглядки. Струсил я. Пересудов чужих испугался. Вот такая любовь штука... не цветочки тебе нюхать...

Макар вздохнул, и внезапно продолжил.

А другой любви в моей жизни не случилось. Врать не буду... бобылем не остался. Сошелся тут с одной бабенкой. Сорок лет прожили. Не скажу, что душа в душу. Всякое было, но прожили. Детей только бог не дал. Дети тут не родятся почему-то. Да и какие дети? Без любви жили. А в том году она плоха стала, и по весне отошла. Только перед смертью мне шепнула, чтоб поцеловал её... поцеловал напоследок, так.... как будто её люблю. Она ведь знала, что не любил я её. Я поцеловал, как мог. Она улыбнулась и светом ушла....

И так мне стало горько и одиноко. Тогда я понял, что она меня любила все эти сорок лет, а я как чурбан бесчувственный был. Всё Светку свою забыть не мог. Любил ту, которая может любви и не стоила. Ту, что была лишь миг в моей молодости. Жила лишь в моей памяти. А ту, что мне готовила, стирала, кормила, в баньке парила, ту, что любила меня всю жизнь, так полюбить в ответ и не сподобился. Вот кто я после этого? Кто? И где здесь правда и правильность? Кто знает? Кто ответит? Не знаю, кто молиться богу, или не молиться. А я как вспомню Машу мою горемычную, ей и молюсь, прошу простить, что не любил её, не берег. ... Да вот не знаю, слышит ли она меня там. Простила ли?...

Дед Макар все говорил, и говорил, и потихоньку речь его превращалась в невнятное бормотание. Цigarка во рту давно потухла, а мятая бумажка, как прилипла к нижней губе, так и висела. Дед её не замечал, как кажется не видел и сидящего перед ним на завалинке парня. Смотрел перед собой незрячими глазами. А по изборожденным морщинами щекам беззвучно текли и текли слезы.

Алексей встал с завалинки и стараясь не шуметь, проскользнул мимо деда, и, обогнув дом, вышел на улицу. Голова была удивительно ясная. Только ноги почему-то отказывались идти. Были как чужие, ватные. Калитку прикрывать не стал. Сначала рукой промахнулся, не мог попасть. А потом решил не прикрывать за собой, чтобы не скрипнула. Ему стало так неуютно на душе, так стыдно, словно он в чем-то виноват. Хотя по сути и виноват, что разбередил старику старые раны. Пришел с какими-то глупостями, а оно вон как получилось. Нет. Лучше у Агафьи буду спрашивать по мере возможности. А может и не спрашивать? Всё со временем сам узнает, поймет. Только вот когда это узнает? И как это в спячку впадать? Человек же не медведь, и не барсук, чтобы спать всю зиму? Да и насколько он знает, животные впадающие в спячку жир накапливают. А тут так питаются, что хорошо хоть дрова колоть сил хватает. Странно это всё. Странно... И непонятно кто такой этот Мёбиус? И самое главное дед так и не сказал, что это за человек, который всё объяснил? Или сказал?

Глава 8. Винегрет.

- Вот, представляешь, всегда мечтал юнцом, что буду знаменит и молодые красивые девушки будут просить у меня автограф, - улыбнувшись произнес Василий Петрович, подписывая очередной документ, принесенный заботливой секретаршей, - И вот теперь целыми днями только этим и занимаюсь, только увы, на всё на старости лет... У бога видимо есть чувство юмора.

Притворно вздохнул Толкалин и, отодвинув от себя стопку подписанных документов, подмигнул гостю, сидевшему за стулом напротив.

- Э-э-э! Василий Петрович! - с нарочитым кавказским акцентом произнес гость, - Ты в себе не сомневайся! Ты и сейчас мужчина видный! Огонь!

Проводив взглядом, процокавшую каблучками, секретаршу Верочку, Рауль причмокнул языком и одобряюще подмигнул хозяину.

- Вах! Какая красота!

Красота мило улыбнулась гостю, потом хозяину, и с толстой папкой документов покинула кабинет, прикрыв за собой дверь.

- Красота, - согласно кивнул, внезапно погрузневший, Василий Петрович, смотря в сторону двери, и автоматическим движением поправил верхнюю пуговицу на пиджаке. Верхняя пуговица была единственная, которая была на месте, поскольку нижние никогда не застегивались, не сходилась пиджак на тугом объемистом животе.

- А хотелось бы любви.., - то ли в шутку, то ли всерьез произнес Толкалин прищурившись.

- Э! Любовь? Василий Петрович. Мужчину по-настоящему в жизни любят только две женщины: Та, которая его вырастила - его мать, и та, которую он вырастил - его дочь. Остальное п-ф-ф... Шпили-Вилли... Мужчина все покупает. Сам знаешь... , - продолжил говорить Татевосян, - Анекдот слышал? Приходят в аптеку два депутата, один говорит: "Два гандона." Аптекарьша отвечает: " Я вижу. Покупать то, что будете?"

Досказав анекдот Татевосян натужно рассмеялся. Обычно он рассказывал смешные анекдоты, но то ли компания была не та, то ли обстановка. Толкалин ответил скупым смешком.

- Чего хотел Рауль? - сменив лиричное настроение на деловой тон, спросил Василий Петрович. Рассудив, раз конверт с деньгами от Рауля уже покоится в верхнем ящике его стола, а гость не собирается уходить, значит ему что-то нужно.

- Помочь хотел хорошему человеку, - искренне и серьезно ответил Татевосян, и заерзал на стуле. От чего стул жалобно скрипнул. - Есть информация, что смену тебе готовят... Толкалин почувствовал, как холодным ветерком из приоткрытого окна потянуло по затылку, и он напрягся

- Кто говорит? - вырвалось у Василия Петровича.

- Сам понимаешь, назвать не могу, - пожал плечами Татевосян, - но на самом верху. Источник у Рауля был надежный, небольшого ранга и невзрачной внешности, но имеющего хорошие уши, и знающий кому продать то, что он слышит.

- Это точно?

- Точно, - кивнул Рауль, и добавил, - Самое неприятное, что на твое место претендует хорошо известный тебе человек, который у тебя с руки ест... А он же поганец...

Татевосян фыркнул искренне изображая негодование. Он тянул время, чтобы дать понять Толстяку (как за глаза называли мэра), что информация, во-первых дорогого стоит, а во вторых, что Толстяк имеет в лице Татевосяна верного союзника.

Толкалин от нетерпения завертел авторучку в руках, и уже было собрался ей постучать по столу, призывая гостя не тянуть кота за все подробности, а просто назвать претендента. Но сдержался. Не стоило показывать слабость перед армяшкой.

- Ну-ну....., - спокойно произнес он, и постарался расслаблено откинуться в кожаном кресле. Перебирая в голове кандидатуры, и пытаясь сообразить на кого намекает Рауль.

- Он много дал, чтобы его поставили...Понимаешь, много... И его кандидатуру утвердили на ближайшие выборы, а под тебя будут рыть... Так, что на следующей неделе приедут проверяющие. Надо как-то ответку дать Шаману..., - почти задумчиво произнес Татевосян.

- Токарев! С его уголовной рожей мэром? - обрадовался Толкалин, наконец прозвучавшему имени.

- Сам в шоке, - со скорбным видом, подтвердил Рауль.

Когда Татевосян покинул кабинет, Василий Петрович сделал несколько звонков. В налоговую. В прокуратуру. И в РОВД. Начальник РОВД полковник Гуменyak Владимир Степанович, целиком и полностью соответствовал своей фамилии. По команде сверху мог кого угодно с гумном сровнять и перемешать. Но когда он услышал кого ему приказал мэр, полковник затроил, как мотор дежурного УАЗика. Перед ним встала дилемма: "То ли наживать неприятности с Шаманом, то ли наоборот предупредить. Но потом придется расследовать "глухарь" с убийством мэра?"

Винегрет Толик Токарев ненавидел с далекого бедного детства. Когда на новый год из праздничных кушаний зачастую был только холодец из старых коровьих конечностей, да винегрет. На оливье денег хватало если отец не успевал их пропить. А он часто успевал. Успевал пропить свою зарплату и отобрать зарплату у матери, предварительно отлупив их с матерью так, что ей приходилось брать больничный. Стыдно было на работу с синяками показаться. А однажды, когда Толик подрос, он так избил отца, что тот пропал безвозвратно, даже вещи свои забирать не стал. А Толик пообещал матери, что теперь у них все будет как у людей. И оливье на новый год, и гусь в духовке, и платье ей праздничное, и апельсины у них будут ящиками, именно ящиками, никак не меньше, на меньшее он не согласен. А винегрета, на столе не будет никогда. Прошли годы и он свое слово сдержал.

Но каждую неприятную, и непонятную ситуацию, и неразбериху почему-то называл "винегретом", а когда его поправляли и говорили - не винегрет, а ералаш... То он объяснял поясняльщику свою точку зрения своим методом... Ну, вы поняли - бил в бубен.

- Такой значит винегрет, - молвил Шаман и поморщился, выслушав историю кладоискателей с потерей колдуна и разбитым джипом. Каким-то боком в историю влез известный всему городу Миша-фотограф, который привез раненого колдуна в больницу, а вместо колдуна на заднем сиденье жигулей оказался церковный крест килограмма на три чистого золота. Так по крайней мере уверял санитар. Стало быть колдун умудрился этот крест под носом горе-копателей унести, поэтому и ноги сделал с ценной находкой. Почему крест бросил непонятно, но объяснимо. Скорее всего сбежал, понимая, что в

больничке его наверняка найдут, крест случайно забыл. Где искать Мишу-фотографа было известно и понятно. По Мира он жил, это все знали. Колдун пропал, и фиг с ним. Не велика потеря. В целом же день этот у Токарева был полон неприятных событий. Настроение портила и вносила неразбериху внезапная проверка из налоговой, которая ретиво рыла документацию, что твой бульдозер. Но Шаман уже сделал предложение, от которого они не смогли отказаться. Так, что работали для видимости. По крайней мере, так они Токарева уверили. Потом ему позвонили из прокуратуры с просьбой прийти и дать показания по давно закрытому делу, внезапно ставшему опять открытым. Что-то невнятно жевали, и результат был непредсказуем, что нервировало. И к тому же, его охрана срисовала ментов со скучающим видом трущихся у дома, и ментовскую же машину неподалеку от центральных ворот леспромхоза, ныне ТОО "Лесное". Это навевало мысли о запланированной травле. И кто бы это мог быть? гадать тут не имело смысла, поскольку было очевидно. Дать указания мог только один человек. И этого человека, Токарев за человека то не считал, зато он очень хорошо умел считать деньги. И как-то прикинул, что чем постоянно подкармливать властную чинушу, выгоднее самому стать у власти. Взятка наверх при любом раскладе окупиться за два года. Значит, либо его хотят кинуть сверху, и поэтому слили Толстяку, либо произошла случайная утечка информации. И теперь Толстяк дрожит за своё кресло. Он же другого то в жизни не умеет ничего, кроме как штаны просиживать и бюджет пилить.

Текущие же вопросы Анатолий Алексеевич решил просто. Шестерки должны вернуть ему крест, чтобы компенсировать убытки с джипом. Фотографа тромбануть, чтобы вернул, но без усердия. Известный в городе человек все таки. Колдуна найти если жив, а нет, так и ладно. Нет тела, нет дела. А вот начальнику РОВД Токарев позвонил лично, и через три минуты разговора тот сдал заказчика, попросив Шамана его не выдавать это раз, и в отношении мэра крутых мер не принимать - это два. А нарушку пообещал отозвать сейчас же. "И на этом спасибо, дорогой Владимир Степанович", - произнес Токарев, и разговор окончил.

Крест анх оказался занятный, чем больше его Михаил Дмитриевич разглядывал, тем больше интересного он на нем находил. На кресте были полустертые то ли от времени, то ли при нечеткой отливки звериные образы, и непонятные символы. На левой части перекладки явно фигурка гуся, на правой нечеткий зверек - то ли сурок какой-то, то ли сова. На нижнем фрагменте фигурка сокола, и ещё невнятный образ какой-то птицы. По петлеобразному навершию целая куча неразборчивых символов и образов. Черты и резы какие-то.... А то, что крест был когда-то именно отлит в форму, сомнений не вызывало. Они же мальчишками в детстве разбивали старые аккумуляторы и выливали из свинца потом всякие pistolетки, делая форму прямо в утрамбованной земле. При этом верхний край отливки всегда был оплывший. И ещё сомнений у Миши-фотографа не вызывал металл. Золото. Уж слишком тяжелый был крест, домашний безмен показал - два килограмма семьсот двадцать два грамма. Латунь бы столько не весила никак. Тусклый желтый анх, весь в мелких царапинах, и вмятинах, при взгляде не него верилось, что ему не одна тысяча лет. От одних догадок о его происхождении, мурашки бегали по спине.

А вот как анх оказался в машине, было непонятно. Миша мог поклясться, что у незнакомца его не было. Ведь он раненого поворачивал на сиденье, и такого размера предмет спрятанные на груди или на спине точно бы заметил, или ощутил руками. Значит, он оставил ему крест специально, и ушел туда откуда пришел. И он, Михаил должен с

этим египетским крестом что-то сделать, и раненый ему даже пояснял, что именно. Только вот фотограф этого не запомнил. Египетская сила! - внутренне восклицал Шахов. Слишком большой объем информации свалился на его голову, и вспомнить не получалось. Михаил Дмитриевич так разнервничался, от этой своей невозможности вспомнить, что даже два раза ходил пить валерьянку и пустырник на кухню, пузырьки настоек он всегда вместе с лекарствами держал в холодильнике. Настойки не помогали. Волнение не проходило. И единственное, что ему удалось вспомнить, что пришелец специально пришел на встречу с ним. Знал, как все будет. Знал, что его подстрелят и всё равно пришел. Впрочем волноваться по поводу креста и пришельца Шахову пришлось не долго, часа два, когда в железную дверь его квартиры за тарабанили два других "пришельца". Они пришли пешком и были полны энтузиазма и сил, после клизмы от Шамана.

- Миша! Открывай! Разговор есть! - раздался бодрый голос Тереха.

- Открывай падла! - вторил ему Комар.

Железные двери у фотографа были надежны, он их поставил ещё на заре трудовой деятельности, когда купил страшно дорогую камеру Canon T90 прослужившую ему верой и правдой с десятков лет. Но ещё более надежным у Шахова была соседка Кудряшова Надежда Кондратьевна, школьная учительница русского языка и литературы на пенсии. Она строго следила за порядком в подъезде, и всяческие безобразия пресекала на корню. Даже алкаши, ходившие к Вовке Орлову, жившему на третьем этаже, её боялись, и тихо скреблись в дверь шепотом говоря: "Володя, открой...Володенька."

Поэтому не успели подельники войти в раж и постучать в дверь со всей молодецкой дури, как в квартире напротив скрипнула, внутренняя дверь, и через железную внешнюю раздался командный голос Надежды Кондратьевны:

- Это, что за безобразие! Я сейчас участкового вызову! Перестаньте стучать!

- Да Мишка не открывает? ! - пояснил Комар.

- Не открывает, значит нет человека дома!

- Да как же нет? Если машина его во дворе стоит? - встрял Терех.

- Может вышел куда по делам. Зачем шум то устраивать?

- И то верно..., - удивился этой здравой мысли Комар, и посмотрел на Тереха, тот кивнул.

- Ладно, на лавочке у подъезда подождем, - согласился Терех. И они поспешили по лестнице на выход, и в спину услышали напутствие от Надежды Кондратьевны:

- Не вздумайте окурки у подъезда бросать! Участкового вызову!

Фотограф, отдернув занавеску на окне на кухне, с тоской посмотрел на двоих субъектов, обосновавшихся на лавочке, предвидя неизбежную встречу и неприятные вопросы, на которые он не мог честно ответить. Вернее мог, но эти типы без признаков интеллекта на лицах, ему вряд ли поверят.

Только парень Леша в деревне Сорокино, в этот день вернувшись от Макара Федотовича как-то быстро успокоился. Не иначе как медовуха способствовала. И просто отключился на кровати в доме бабки Агафьи. Спал крепко и долго. Ему приснился странный сон. Что он держит в руках большой крест с петлей. И от креста исходит музыка, словно в нем встроены динамики. А когда он подошел к дому, смутно знакомому откуда-то дому. К салатного цвета панельной четырехэтажке, с кустами шиповника и большим тополем за деревянной лавочкой, выросшем гораздо выше дома, то у подъездных дверей ему дорогу преградила цыганка, которая хотела отнять золотой крест. Цыганка была большой,

толстой, сильной, на голову выше Леша. Не цыганка прям, а самка снежного человека. А на помощь ей возникла вторая, за спиной Леша, чтобы преградить ему путь к бегству. И тогда Леша вдруг услышал, что крест не просто поёт, он тихо шепчет: "Один, ноль, один, один, ноль, ноль, ноль, один..." Леша сначала не понял, но от испуга стал повторять, подсказанные ему крестом цифры. И тут случилось это.... Он откуда-то уверовал в свои силы, и, положив руку на плечо цыганки, увидел, как она стала уменьшаться в размерах. А вернее почувствовал, как она уходит в землю. Асфальт под её ногами размягчился и стал как вода. И он надавливал сверху и бормотал цифры, пока безропотное тело цыганки полностью не погрузилось в землю, и скрылось вместе с головой. Потом Леша вытащил руку из земли, ставшей снова твердой. И понял, что это не единицы и нули, а код...двоичный код изменения реальности. Оглянувшись, он увидел, что и вторая цыганка исчезла. То ли испугалась и убежала, то ли он Леша изменил реальность, и теперь её просто нет. Он очень обрадовался, что теперь, обладая таким чудесным крестом он может изменять ход событий, изменять жизнь, если ему что-то не понравится. Только он стоял перед знакомыми до боли дверями подъезда и никак не знал, как изменить себя? Как сделать так, чтобы вспомнить где этот подъезд, где этот тополь, и дом, показавшийся ему родным и близким? Как вспомнить своё прошлое? А крест в левой руке молчал, не шептал, и даже не пел. Всемогущий крест ничем не мог ему помочь.

Вечерело, когда два ждунa на лавке, поняли бесперспективность дальнейших ожиданий. Оптимизм улетучился. А злость накопилась. Комар уже два раза бегал в магазин за семечками, и энергетиком. Вокруг скамейки распространилось облако недовольства в виде шелухи. Простое поручение по факту таким простым не являлось. Похоже фотограф заперся в своей норе и выходить не собирался. Надо было его из норы выкуривать. А как? Поэтому наплевав на вопли пенсионерки, Сергей по кличке Комар и Роман с погонялом Терех, принялись дубасить железную дверь. Напившийся валерьянки Шахов стоял за железными дверями, и признаков жизни не подавал. А вот на вызов пенсионерки участковый нарисовался очень быстро. Надо сказать, что Клименко Николай был бывшим учеником Надежды Кондратьевны, и её вызов игнорировать не мог. И даже не потому, что был примерным и исполнительным учеником, а как раз наоборот. Он сначала службы на вверенном участке учительницу игнорировал, и даже номер её телефона забанил. Но после её жалобы в РОВД на имя полковника Гуменяка В.С., не только номер телефона разблокировал, но являлся теперь по первому зову, как джин из бутылки.

- Так граждане! - громогласно заявил участковый, - Зачем шумим?! Почему нарушаем общественный порядок?! Оскорбляем жильцов?!

- Коля! Прошу зафиксировать - нецензурной бранью оскорбляли! - крикнула из-за дверей Надежда Кондратьевна, - Я заявление на них напишу!

- Понял Надежда Кондратьевна, зафиксируем, - кивнул Клименко двери слева, и обратился к хулиганам, - Прошу следовать за мной в участок для выяснения ваших личностей и составления протокола.

Произнес участковый для проформы, скорее для ушей вьедливой пенсионерки, чем для гопников. На самом деле на выходе из подъезда он собирался их отпустить на все четыре стороны, взяв с них обещание больше тут не светиться. Несподручно ему одному было двоих в участок конвоировать.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Положа руку на сердце Комар сам от себя этого не ожидал, но как понял, что его в участке шманать будут, или даже раньше. А у

него ствол при себе. И учитывая недавнее прошлое, примут его снова, и лет на пять как минимум. Тут у него в голове и щелкнуло. Нанес удар он участковому правой рукой, снизу в челюсть, чтобы тот сразу опрокинулся. Так и произошло. Фуражка отлетела к стене, за ней потянулась голова, а следом за головой и всё туловище полицейского.

- Терех! Валим! - крикнул Комар и запрыгал по лестнице через две ступеньки вниз.

Вечер в пивбаре "Градус" проходил штатно. Собственно громким названием пивбар магазин "Градус" был только по документам, хозяин точки Женька Осташков оформил магазин как пивбар с целью продажи спиртного в неурочное время. Завсегдатаев за четыре сиротливых столиков в углу, почти не бывало. Нет, конечно, заходили порой личности, которым требовалось догнаться, а дома не давали. Но сегодня за столиком на четыре персоны сидели двое. Негромко и невнятно бухтела модная музыка. То ли Ольга Пузова пела очередной шедевр, то ли не к ночи помянутый Моргенсперм. Клиенты бара были уже хороши, и Евгений на них периодически сверкал глазами, из под густой рыжей бороды, которую носил для поднятия авторитета, поскольку по возрасту на хозяина заведения не очень тянул.

- Нет, ты представляешь? - говорил тот, что постарше, отрывая кусочек мумифицированного от соли леща и макая его в кружку с пивом - Вот на пачке масле пишут сейчас 70% . Это что значит? Это значит, что там масла только 70%, а остальные 30% что? Я тебя спрашиваю? А на людях чего такого не пишут? Выдали бы табличку человек 3%. Чтобы все знали, что он на 97% ГОВНО! А то смотришь как на человека, общаешься как с человеком и не подозреваешь, что он на самом деле...

- Иваныч, да успокойся ты... , - успокаивающе говорил, тот, что помоложе, - Ну, забрали у тебя права. Может оно и к лучшему...Другую работу найдешь. Спокойную.

- Коля, ты чего мелешь? Мне два года до пенсии осталось...Где я себе нормальную работу найду в нашем городе? - стукнул по столу кулаком тот, которого называли Иваныч. Затем он обернулся к хозяину:

- Женька, чего у тебя там музыка шепчет? Поставь нормальную!

Евгений сверкнул глазами и кивнув, стал накручивать ручку музыкального центра, ища в списке mp3 что-то подходящее. И в это время в бар зашли двое. Злой как черт Терех и его подельник Комар, решившие снять стресс алкоголем.

- Оба-на! Кого я вижу! - обрадовался Терех, - Видишь Комар, деньги сами плывут к нам в руки? Должничок тут как тут! Даже бегать за ним не пришлось!

Терех не мог простить себе своего позора, и был уверен, что подельник его в разборке хоть сейчас, но прикроет.

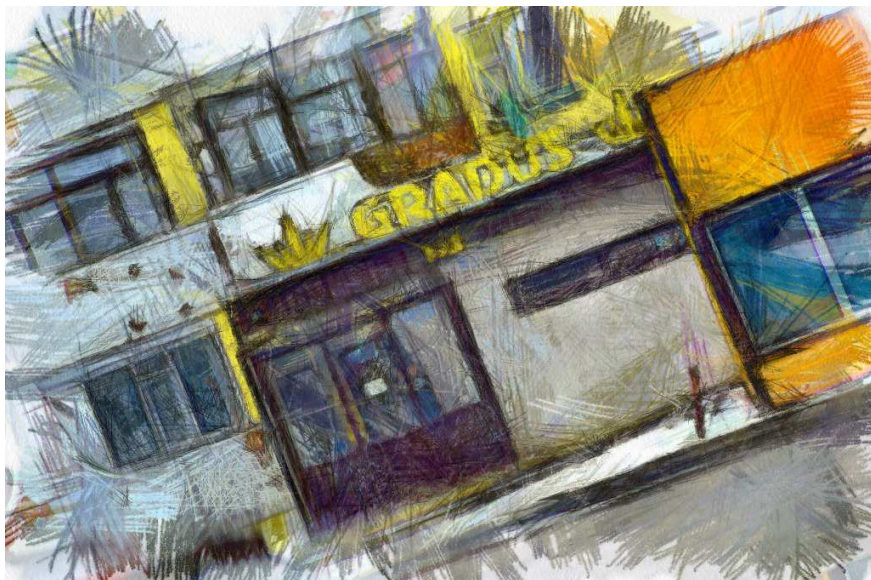
Комар в противовес напарнику денег не видел, а видел старого знакомого Иваныча, которого после сегодняшнего инцидента возили на освидетельствование и лишили прав. Но хуже того, Иваныч был не один, он сидел со своим другом Афганцем Колей, сухим и жилистым, выглядевшим несколько моложе своих лет, который славился тихим и спокойным нравом, только пока не выпьет. А Коля уже наверняка выпил. И поэтому Комар попытался дернуть Тереха за рукав, чтобы тот хайло прикрыл. Но Терех не понял. Зато встрече очень обрадовался Иваныч, с медвежьим рыком поднявшийся из-за стола. Коля Афганец поднялся следом. Комар дернул Тереха за рукав ещё раз.

- Ты чего? - обернулся Терех, - Пальни ! Пусть обесрутся!

- Терех,я это, я ствол сбросил..когда от мента бежали...

И тут наконец Женя нашел подходящую музыку и в баре гроыхнуло прямо посередине песни :

- И снова седая ночь!

Глава 9. Ночь.

- Мяу! Мяу! Мя-я-я-у-у-у! - пронзительно донеслось от входных дверей.

Леша проснулся и первой мыслью было запустить кошку в дом. Но так показалось спросонья, а было не так. Муська находилась в доме, и нетерпеливо просилась на двор. Приспичило ей значит. В хате было темно. Агафьи почему-то до сих пор не было. Алексей поднялся и поспешил к дверям, чтобы выпустить кошку. Толкнув тяжелую, деревянную дверь оббитую изнутри старым матрасом, и облагороженную сверху шкурой молодого дермантина, Леша вместе с кошкой, стремительно бросившейся наружу, вышел во двор. На улице стояли густые сумерки, плавно переходящие в ночь. Муська, вырвавшись на свободу, большими прыжками устремилась, куда-то в конец огорода. Леша поднял глаза и увидел там за огородом, в лесу голубоватое свечение. Оно появлялось странными всполохами, то ярко загоралось, отражаясь в небе, то гасло. Если присмотреться, то можно было заметить закономерность. Словно кто-то большим прожектором подает в небо сигнал азбукой Морзе. Точка-тире-тире-точка. И самое интересное, что на это световое шоу с фанатичным рвением рванула кошка. Леша хмыкнул, и поплелся прямо на свет. Поплелся, потому, что в темном лесу идти быстро не вариант, напороться на корягу, или оступиться в незаметную яму, и сломать ногу, как два пальца об асфальт.

Подойдя ближе, он услышал нарастающий звук пения. Слов в песне было не разобрать, да и разбирать было нечего. Меняя интонацию незримый хор тянул одну букву: - А-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а....

Выходила не песня, а музыка. Как будто это такой инструмент типа органа играет, а не люди поют. А может быть так поют ангелы? - мелькнула мысль в голове. Неземная была музыка, не здешняя, какая то волшебная. Но почему-то от этой музыки мурашки бежали по спине. Когда Леша наконец вышел на большую поляну, то увидел хор. Люди стояли кругом, взявшись за руки и пели. Их оказалось много. Человек двести. Что было удивительно. Ведь на вскидку в деревне всего было три десятка жилых домов. Откуда все эти люди? Среди знакомых лиц Агафья, дед Макар, соседка Полина, живущая через дом

от Полины - тетя Света с дочкой Машей, и ещё с десятков безымянных, видимых лишь мельком жителей. Большая же часть людей в кругу были не знакомы совсем. Но было нечто общее в лицах замкнувших круг, отрешенность от всего, словно от скинутых оков повседневности, суеты и бренности этого мира, и в лицах проявилась нежность, которая разгладила морщины, и все присутствующие казались моложе и счастливее. А может ещё от того, что они светились именно этим не ярким голубоватым светом. То вспыхивая, то темнея. Светились, лица, тела, руки, держащие руки соседей. И самое главное посреди поляны, на сложенном из тонких бревен, помосте светилось ярким светом тело. Там кто-то лежал, то ли живой, то ли уже мертвый. И свечение этого тела было синхронизировано с окружающими. Языки света синими всполохами ходили над телом в унисон с мерцанием людей.

Жертвенник, выплывшие из подсознания слово, словно гвоздем прибило его к земле. Ему стало страшно, хотелось бежать, но он не мог, оцепенев всем телом. Он увидел, что ноги людей превратились в корни, а корни вошли в землю. Крупные, толстые корни глубоко впились в землю, а мелкие, боковые отростки, словно змеи шевелились, и подергивались в такт пению, среди травы. А руки! Руки! Если присмотреться, не было кистей рук. Это голые ветви переплетались, срастались, образуя одно целое. Целый, единый организм состоящий из людей. А может и "не совсем людей, или не людей вовсе" в одночасье вспомнил Леша слова, которые говорил дед Агдамыч, когда они пили вино в Сергеевке. А вторым кругом после людей, сидели кошки. Их глаза светящимися точками, то там, то сям, как светлячками, поблескивали в темноте среди травы. Они с любопытством смотрели на происходящее. Словно за рыбками в аквариуме. Но рыбок тут не было, и интерес кошачьих был непонятен. Впрочем, одной непоняткой больше, одной меньше, какая разница? Скоро должно было что-то произойти, чем то закончится, и тогда все станет ясно, решил про себя Леша, оставшись наблюдателем. И оказался прав. Вскоре хоровое пение стало громче. На верхнем "А", языки холодного пламени ходившие над телом на жертвеннике высоко поднялись, оторвались, сформировавшись в светящийся голубой шар, размером с футбольный мяч. Шар, секунду повисев над телом, стремительно взмыл в темное ночное небо и, превратившись в точку, пропал.

- Свершилось! - вздохнула толпа. Свечение на людях пропало. А корни из ног втянулись назад, опять превратившись в человеческие ступни. В наступившей почти полной темноте силуэты людей стали подходить к жертвеннику. И Леша отметил, что людей стало намного меньше, человек тридцать от силы. Оцепенение прошло, и он вместе с односельчанами подошел к телу. На жертвеннике лежал старый дед. Один из тех, кто давно уже хворал и не выходил из дома, и жители по очереди ходили его подкармливать.

- Вот и отмучился, наш Алексей Гаврилович...

- Светом отошел.

- Жалко, что не весь.

- На весь не сподобился.

Тут внезапно вспыхнул факел, и яркое пламя осветило лицо деда Макара. Федотович подойдя с факелом к жертвеннику, обошел его со всех сторон, поднося к нижнему краю, с мелким хворостом. Хворост от пламени плотно затрещал. Языки пламени поднялись выше, облизывая тонкие бревнышки, стремясь добраться до сморщенного сухого тела. Народ отпрянул от жертвенника. Сухие бревна запылали, и вскорости к запаху горящего дерева добавился удушливый запах горящего мяса. А люди стояли вокруг и смотрели не отрываясь, на разгоревшийся яркий костер.

- Почему меня не позвали, - спросил Леша, подойдя к Агафье.

- В тебе не проросло зерно, поэтому ты не с нами... и я не знаю, прорастет ли? А объяснять то, что надо понять сердцем - не имеет смысла.

- Это душа деда светом отлетела?

- Да.

- А что, он разве мог весь улететь?

- Мог, но не сподобился. Грехи не пустили, - тихим голосом ответила Агафья.

- Какие грехи? - тоже шепотом спросил Леша.

- Старые грехи. Он по молодости пил много и бил смертным боем свою жену проститутку, и сына, который бандитом рос. Пока однажды сынок не избил его до полусмерти. Вот он к нам и приполз с переломанными ребрами. Выжил. Понял со временем, что не прав был. Что не кулаками, а любовью нужно было свою правоту доказывать. Любовью к близким и примером своим.

- Так если понял, значит грехов то и нет больше? Вы же сами говорили, что понять, значит измениться внутренне, исправиться?

- Понять и принять, разные вещи. Сына он простил, молился за него, а жену не смог... Простить смог, а полюбить душой не смог.

Леша поморщился. Ему эти слова про любовь были уже поперек горла.

- Молод ты ещё не понимаешь..., - вздохнула Агафья, - что когда человек думает, что любит другого человека, он на самом деле любит тот образ, что сам себе выдумал, придумал, а не того, кто тот есть на самом деле. И нежелание понять этого, губит и того кто любит, и того, кто любим. Эх...

- А что сельчане? Может решим как с парнем быть? - произнесла неожиданно соседка Полина, стоящая рядом - Раз все мы здесь?

- А что с парнем?

- Зерно в нем не прорастает...Видение есть, понимания нет.

- Так может не место ему среди нас?

- Не место...

- Не место...

Согласно донеслось со всех сторон.

- Что будем делать? Отпустим?

- Отпустим.

- Отпустим.

- Отпустим.

Раздались нестройные голоса. У Леши внезапно выступил пот на лице. То ли от полыхающего костра, то ли от волнения.

- Отпустите меня! Я сам уйду! Только дорогу покажите как отсюда уйти? Прямо сейчас уйду!

В темноте промолчали. Раздался шум, словно на деревьях листва шелестит от ветра. Это они советуются, догадался парень. Бешено забилося сердце. Леша, не знал, что такое "отпустим" в понимании сельчан. И эта неизвестность его пугала до одури. Ему совершенно не хотелось здесь оставаться и обрести корни вместо ног и ветки вместо рук. Прошли мгновения тишины, показавшиеся Леше вечностью. И вдруг вперед к костру вышел все тот же Макар Федотович с горящим факелом в руке.

- Вспомните указавшего путь? Вспомните каким он был, когда пришел? Вспомните какими сами вы были, когда пришли? Не гоже лишать парня надежды. Он наш. Он давно наш. Просто ещё не принял этого....

Было уже темно, но Шахов боялся включать свет. Вдруг к нему опять начнут ломиться в дверь бандиты? Именно поэтому, он не сразу заметил силуэт человека в кресле. Этого не могло быть, но было. Он коротал вечер за просмотром снимков на компьютере, и комната освещалась лишь тусклым светом монитора, когда почувствовал некий дискомфорт, словно в спину холодком дыхнуло. Михаил обернулся и не поверил своим глазам. Чужой никак не мог попасть в квартиру четвертого этажа. В замешательстве Михаил с трудом выдавил воздух изо рта.

- Ты кто?

- Я часть той силы, что вечно жаждет зла, и вечно совершает благо..., - хмыкнул силуэт, качнувшись в кресле. Шахов физически ощутил, что незнакомец улыбается, радуется произведенному эффекту. Но мысленно поправил... "хочет зла".

- Ах, да, извиняюсь. Хочет зла. Воля ваша, но "хочет" и "жаждет" в данном контексте синонимы. Если жаждет не имеет другого, физиологического смысла.

- Вы?

- Да, я читаю мысли. Тоже мне бином Ньютона..., - фыркнул незнакомец, - Человеческие мысли как и желания, всегда на поверхности. Вот сейчас вы желаете, чтобы я оказался вашим сном и растворился так же, как и возник. Легко могу выполнить ваше желание, только отдайте мне ту вещь, которая вам не принадлежит.

Бархатистый раскатистый голос незнакомца был копией того голоса, который принадлежал сегодня раненому. Шахов даже на секунду засомневался, а не морочат ли ему голову.

- В этой квартире нет чужих вещей, они все принадлежат мне

-Ой! Ой! Позвольте усомниться в вашем рано начавшемся склерозе... Не далее как сегодня днем вам случайно оставили этот предмет. Можно сказать на хранение. Отдайте его мне и мы расстанемся друзьями. Ну, или почти друзьями..

Последняя фраза прозвучала намеренно зловеще. Михаил это почувствовал.

- Вы это о чем?

- О кресте разумеется., - кивнул темный, - Не делайте вид, что не поняли. Вам это не к лицу. - сухим надтреснутым голосом произнес незнакомец. Бархатистость пропала. Было ощущение, что у говорящего внезапно пересохло в горле. - Вы его получили по недоразумению от моего ...к-хм...коллеги.

На Михаила вдруг снизошло озарение. Чего этот всемогущий тип, который просочился сквозь стены, выпрашивает? Мог бы забрать и так же исчезнуть. Крест находился рядом с креслом на журнальном столике.

- Сами крест взять вы по понятным причинам не можете? Руки жечь будет?

- Если вы намекаете, на церковные суеверия, то напрасно, - усмехнулся темный, - Крест гораздо древнее христианства. Он известен с незапамятных времен, как солярный символ у ариев, как шанырак у тюрков, аджи в тенгрианстве, бога солнца Ашура в Сирии. Знак не был бы так живуч, если бы не являлся графическим символом устройства мира. А взять я его не могу, не потому, что мне этот символ противен, а скажем по этическим принципам. Вы должны мне отдать его сами... Хотите или нет, а вам придется это

сделать. Если не мне, так другим людям, не сегодня так завтра. И эти люди не будут с вами столь любезны... Мне остается немного подождать и забрать вещь у трупа.

В воздухе опять повисла угроза, и Михаил вдруг совершенно неожиданно для самого себя решил - НЕ ОТДАМ! НИ ЗА ЧТО! Он терпеть не мог когда ему угрожают, или пытаются напугать. Фотограф, даже удивился безапелляционности своего решения. Вместе с тем появилась внутренняя уверенность, что он поступает правильно. Пусть раненый пришелец был неприятен, мягко говоря, но он пожертвовал своей жизнью, чтобы отдать крест ему. И передача креста кому бы то ни было, было предательством по отношению к покойному. На счет "покойного" Михаил был не совсем не уверен, но это нюансы. Факт, остается фактом. Но сказал Шахов другое.

- Мне он был дан с определенной целью, и я собираюсь эту задачу выполнить..

- Я вижу, вы намерены мне отказать? - почти прошипел гость, - Напрасно. Крест обладает некой ценностью и силой. Но мой оппонент явно переоценил ваши скромные таланты. И даже то, что ваша бабка была ведьмой, не поможет. Вы жалкая тень её способностей. А уж изменить предрешенное свыше вам не удастся, - незнакомец указал пальцем на потолок, - Это...

-Глупые потуги, - договорил Михаил за незнакомца, и тень улыбки легла на его лицо. - Не только вы умеете читать мысли...

Внутренне фотограф поёжился. Он знал свою бабушку, знал и любил. И она любила внука и баловала как могла, всегда давала на мороженное со своей нищенской пенсии. Баловала вкусными пирожками и коврижками. Только вот снилась она Михаилу исключительно ведьмой. Он видел как она читает книги в тайной библиотеке под полом в доме. Книги, написанные кровью на человеческой коже. Видел во сне, как она превращается то в черную кошку, то в ворону. Как убивает людей, и варит в котле младенцев. Но все эти сны мальчик Миша приписывал своей необузданной фантазии, и чтением сказок перед сном. В реальности, бабушка была милейший человек, и самой любимой бабушкой на свете.

- Глупые и жалкие..., - фыркнул темный. - Ты же даже не представляешь, как им пользоваться? На что надеешься? Что память подскажет ? Ты же не смог своим жалким умишком запомнить сотую часть того, что было сказано?! Ты даже не знаешь, не понял про бабушку, хоть и видел? Человек существует одновременно в нескольких мирах. И в каждом мире, он немного отличается от другого, как отличаются и сами миры. А есть миры, где человек уже совсем другой...Сходство только внешне.

Шахов проглотил информацию и в запале ответил:

- Да, надеюсь, разберусь как крестом пользоваться, чай не лаптем щи хлебаю! Сделаю, что должен! Если бы не мог, не обратился бы ко мне нифелим!

- О! Какая самонадеянность! Только приматы могут считать себя венцом творения!

- Люди творения божии, созданные по образу и подобию...

- Полноте! - отмахнулся гость. - Вы люди считаете себя высшими хищниками на планете, поскольку всё и всех перерабатываете, чтобы получить крохи энергии для выживания. Но на самом деле высшие хищники, не перерабатывают грубую материю, они питаются чистой энергией. Вам же было сказано - "Жатва". Никаких ассоциаций слово не вызывает? Люди как зерновое поле созданы для производства духовной энергии, для пропитания этой энергии высших существ. А вы о себе возомнили....по образу и подобию...

- А вам милейший наверное очень унижительно рассказывать еде, что она еда? - молвил Михаил, задетый фразой про "жалкое умишко". По воцарившейся тишине, он понял, что

попал. И вдруг темный в кресле наклонился вперед и в тусклом свете монитора обрисовался крючковатый нос с хищно поднятыми ноздрями, звериный оскал ровных белых зубов и сверкающие желтые, как у кошки зрачки.

- Ты угадал..., - просипел гость, высунув раздвоенный змеиный язык.

Глава 10. Сказка.

- Ты слон! Не шаришь. Не интересно с тобой. У нас всего три банки, а у них уже девять! Убивать надо. Увидел - убил. Чего думать? Стреляй! Стреляй! Да, блин...!!!! Ты зачем в меня стреляешь? Ты меня от бота не отличаешь?

Миша-фотограф ехал на автобусе на работу, а перед собой видел голову мальчишки с белым наушником в ухе. Тот оживленно разговаривал сам с собой уставившись в экран смартфона.

- Потерянное поколение, - тихо произнес мужчина, сидящий рядом с Мишей и кивая в сторону подростка. Лицо мужчины в годах было смутно знакомо Михаилу. На его фотографиях тот точно отметился, и причем неоднократно. И фотограф даже успел заметить, что лицо у него какое-то вечно грустное, как у побитой собаки.

- Увидел - убил. Чего тут думать? - передразнил мальчишку сосед,- Убивать дело не хитрое... Вырастить, человека хорошим человеком куда сложнее.

- А уж счастливым сделать, ещё труднее..., - согласно кивнул Михаил, продолжая размышлять о ночном разговоре, и не особенно вникая в слова случайного попутчика.

- Это как сказать, - задумчиво произнес тот, - Счастье оно ведь не зависит от материального благополучия.

- Ну, да. Дело не в деньгах, а в их количестве..., - сказал фотограф просто чтобы поддержать беседу. Он избегал философских бесед с незнакомыми людьми с некоторых пор.
- Миша, и ты туда же, - скривился попутчик.- Это заблуждение! Вот послушай сказку. Жил когда-то на Востоке гончар Мустафа. И он лепил из глины волшебные чаши, пиалы по ихнему. И те, кто пили из чаш Мустафы были счастливы, и последний нищий, и убогий калека. Но узнал про это падишах, и велел найти все чаши и разбить. Ведь падишах имеет полный гарем наложниц, купается в золоте, пьет лучшее вино, а счастья нет. И это не справедливо. Только богатый имеет право быть счастливым. Поэтому падишах приказал отрубить гончару руки, чтобы не смел он делать такие пиалы. А через месяц спросил: "Счастлив ли он?" И Мустафа был счастлив. У него не было рук, не было денег, ничего не было. Но он был счастлив. Ведь счастье зависит только от внутреннего состояния человека.
- Суровая сказка, - кивнул Шахов, - Вы я вижу всё понимаете, только сами не очень похожи на счастливого...?
- Я счастлив. Просто тот, кто отдает пиалу счастья другим, лишается радости..., - ответил рассказчик, и стал подниматься с сиденья.
- Коля, наша остановка! - крикнула женщина, проталкиваясь к автобусным дверям.
- Иду.
- Вот бедолага, - вздохнула пассажирка сзади, - вроде нормальный человек. А слушаешь - контуженный..
- А чего он контуженный? - спросил фотограф, поворачивая голову назад, к говорящей.
- Это ж! Колька Афганец! Не знаешь что ли?
- А..а.

Как писал классик - в лесу "гремели соловьи". Правда, без пояснений писал, чем они там гремели кастрюлями или сковородками? Далее у него в повествовании, вроде были лягушки, а дед Щукарь их отлавливал и выдавал за устриц. Впрочем, кто я такой, чтобы спорить с классиком? Возможно классик присутствовал в леспромхозе ТОО "Лесное", а там не только соловьи гремели, там гремели трелёвочники лязгая гусеницами, гремели сгружаемые бревна, гремел зычный голос хозяина с непременными матами. Его речь без матерного слова была так же невозможна, как упоминание Игил, без сопутствующей фразы, что она запрещена в России. Помимо криков начальства, на лесопилке всё хрюкало, звякало, бряколо, гудело, визжали дисковые пилы, выли циркулярки, а бревна превращались в брус, доски и опилки. Пахло соляркой, выхлопными газами, но больше всего - ароматно пахло свежей древесиной.

Шаман с утра был не в духе. А всё потому, что настроение ему испортили ещё с вечера. Позвонили из дежурной части его заму, и поинтересовались работают ли у них Роман Давлетияров (Терех) и Сергей Ковалев(Комар)? И не хочет ли ТОО "Лесное" случайно возместить означенными особами материальный ущерб нанесенный ИП Осташкову Е..Г в баре "Градус"? А то пришли в бар, подрались, и с множественными синяками и ушибами покинули заведение вместе с входными дверями и оконной рамой, нанеся ущерб владельцу на энную сумму. Денег при них не оказалось. И теперь сладкая парочка отдыхает на нарах. и будет видимо отдыхать ещё суток пятнадцать. Заместитель директора тут же оповестил шефа и спросил, что делать? И тут же был проинструктирован. А в заключении Шаман сказал по телефону:

- Убыточные пацаны. Дело доделают, и ну их к лешему....

Послание к лешему означало безымянное захоронение в лесу. Конечно по большому счету происшествие с его подопечными было мелочью, обычной текучкой. На самом деле неприятности были куда глубже. Ромашка сделал ему предьяву за общак. Мол, мало сдает. И вору в законе Ромашке, проживающему в областном центре, было глубоко наплевать на планы Шамана по развитию производства, и финансовые затраты. Отказать Шаман не мог, это значило объявить войну. Заведомо проигрышную войну. Это не Толстяк мэр с его интригами. Пошлет киллера, и никто и ничто Шамана не спасет. Может он того и добивается? Чтобы Шаман отказал, грохнуть его, да прибрать к рукам лакомый кусочек, несущий постоянную законную прибыль. Токарев совершенно не знал, как решить эту ситуацию, и поэтому персонально прибыл на производство, чтобы сорвать зло на работниках, поднять таким образом производительность труда. Меж тем прогулка по производственному объекту продолжалась.

- Этот К-700 какого хрена простаивает?

- Так Анатолий Алексеевич, вчера тракториста прав лишили..

- С какого перепугу?

- Вы же сами сказали...

- А? Этот тот самый что ли? - припоминал события Токарев.

- Он самый.

- Посадить в трактор некого?

- Нет, пока не нашли..

- Вернуть.

- Кого? Тракториста?

- Обоих!

- Как? Тракториста то вернем, а вот права...

- Да мне по...х...Твои проблемы! - сказал Шаман и так посмотрел на зама, что тот сглотнул, внезапно появившийся, комок в горле. И будь он сотрудником дорожной полиции, права не только бы вернул, а новые нарисовал со всеми категориями, вплоть до управления вертолетом и яхтой международного класса.

Вот скажи, бога ради, зачем ты поперся на работу? - спросил бы кто-нибудь Мишу-фотографа, и ему нечего было ответить. Просто его дом перестал быть его крепостью. Он прекрасно понимал, что отсидеться не получится, или нечистый его достанет, или другие. И от этого осознания так тоскливо было на душе, как от неизбежного факта, который ещё не случился, но обязательно произойдет. Это как зубная боль, которая тебя мучит долгое время, но сколько бы ты не терпел и не оттягивал, к стоматологу идти придется. Это было словно предчувствие смерти. Можно сколько угодно охать и ахать, плакать и жалеть себя, и прожить последние отведенные тебе судьбой дни, умирающим лебедем из балета. Но лучше понять и принять сей факт, и встретить то, что суждено по-мужски, не пряча глаза, и не отворачиваясь. Так для себя внутренне решил Шахов, так и поступил. Чисто бессознательно поступил, не осознавая истинную причину своего решения. Смерть как бы то ни было - тяжело принять. Любой бедный, убогий, страдающий от болезней, понимает, что бытие, какое бы ни было, лучше неизвестного небытия. Может поэтому любой пьющий из пиалы чай, так и отвечал падишаху, что счастлив? Сознывая, что иметь малое, уже счастье, чем не иметь ничего? А может притча рассказанная Колей Афганцем, имеет и другой смысл? Ведь говорили, что он не смотря на свои не большие заработки часто

ездит в дом инвалидов. Помогает ущербным, чем может. И говорят, они радуются ему как дети деду Морозу. Поневоле закрадывалась мысль: Может сказка про чашу не совсем сказка? И Николай нашел её во время службы, и отдал в дом инвалидов? Кто ещё более обделенный, чем они? А Коля теперь не может, не умеет радоваться, что отдал чашу счастья? Расспросить бы, но теперь когда случай представится... Может быть и никогда. И от этой неопределенности - тоска душевная продолжала терзать Михаила Дмитриевича, не отпуская ни на минуту. Нельзя сказать, что Миша-фотограф боялся смерти. Он не только праздники и застолья снимал....

Помогал по молодости лет тогдашней милиции. ... Насмотрелся на изнанку жизни и на людей, которые совсем не люди. Снимал "подснежника", пропавшего в Ноябре месяце, а оттаявшего к первому Мая. Тот лежал в ручье, вмерзнув спиной в лед, и смотрел в небо пустыми глазницами. Без губ, без ушей, склеванных птицами, или съеденных лисами. Снимал утопленника, болтавшегося в реке неделю и хорошо поеденного раками. Снимал на фото бабу, которая пошла по грибы в лес, но была изнасилована и убита тремя несовершеннолетними наркоманами. Сначала по их признаниям, они хотели оставить её живой, и только глаза выкололи. А потом побоялись, что рассказать о них сможет, и тогда уже кирпичом по голове, чтобы надежно.... Снимал на камеру признания одного отмороженного, который задушил веревкой таксиста. А когда того спросили: "Зачем?" Тот ответил: "Корешу хотел приятное сделать. Ему тачку подарить." Снимал обугленный труп мужика залезшего в трансформаторную подстанцию за цветметом. Любил выпить, а дочка денег не давала. Всю пенсию у него отбирала, чтобы не пил. Вот он и полез шины алюминиевые снимать. Только не подумал, что там найдет - Смерть.

Смерть. Смерть. Разноликая, в разных обличьях и по разным причинам, но одинаково отвратительная. А теперь мерещилась ему своя смерть. С разможенным черепом в луже крови в квартире... В сверхъестественное он не верил, но сверхъестественное верило в него... Была мысль позвонить в полицию. И что? Рассказать им про раненого, труп которого пропал? Про крест? Про то, что к нему ломились какие-то, лица которых он даже толком не разглядел? И потом... Те милиционеры, которым он помогал, уже давно на пенсии, а нынешние полиция его знать не знают. И все это как-то разом навалилось, и не отпускало. Рабочая суeta помогала забыться. Выполнять четкие указания Шамана: впускать всех, а без накладной на товар не выпускать никого. Количество вывозимого фиксировать в журнале с копией накладной, так же как время выезда с территории, и время въезда, с непременно номером транспорта и фамилией водителя. Хоть Шаман в детстве звезд с неба и не хватал, но математику уважал, и учет и контроль за своим добром наладил четкий. И не дай бог, если арифметика где-то не сходилась, бедные были все.

Дело близилось к обеду, когда Токарев раздал наконец всем ценные указания и проверил производство, заметив между прочим, что зам его подворовывает, но закрыл на это глаза. Философски рассудив, что любой приставленный управляющим на таком производстве будет тащить себе в карман, главное чтобы не сверх меры. И уже на выезде увидев охранника у шлагбаума, встрепенулся.

- Это кто? Миша?

- Да, Мишка-фотограф, у нас нынче, - беззаботно отозвался водитель.

- Почему у нас?

- С фотками завязал, не зовут...

- Ну, ка... с этого места поподробнее.

Выслушав городские сплетни от своего водителя Токарев пришел к определенному решению. В голове словно щелкнуло. Крест. Его и отдать на общак, относительно не жалко, и вклад конкретный, комар носа не подточит. От принятого решения проблемы, Шаману полегчало, и он чуть было не решился развернуть машину и самому пресануть фотографа на счет креста. Но рассудок возобладал. Зря он что ли шестерок выкупал? Пусть отрабатывают. А если крест окажется фуфлом, что не исключено. Миша-фотограф сам отработает. И Шаман уже придумал, как ...

Видя, что хозяйский автомобиль подъехал к шлагбауму, Михаил вышел из сторожки и положил палец на кнопку. И встретил глазами тяжелый взгляд Токарева. Тот пристально и долго смотрел на него. И Миша вспомнил его. Вспомнил.

Было это наверное в классе пятом, когда учитель музыки в школе по прозвищу Пианин Иваныч, с непременно баяном на плече, организовывал общешкольный хор. Отбирал учеников среди разных классов, расставлял их на ступеньках в актовом зале, по одному ему известному принципу и они пели. Пели про то, что снится крейсеру Авроре, и про Малую землю, и ещё много чего... Петь ходили в хор с удовольствием, ведь учитель пения учеников для репетиции хора снимал прямо с уроков. А это значило, что к доске никто не вызовет, и двойка в дневнике не появится. И вот один простуженный, сопливый, рыжий пацан, с лицом усеянным веснушками, стоящий на ступеньку выше Миши, взял и сморкнулся. И большая зеленая сопля повисла на Мишиной спине. Рыжему это показалось забавно и смешно, и он рассмеялся. А Миша обернувшись кинулся на обидчика. Но их разнял Пианин Иваныч. И они пели какую-то песню. А Миша стоял, пел, стиснув побелевшие от злости и унижения кулаки, чувствуя, как сопля сползает по его спине все ниже и ниже, а из глаз позорно пытались пробиться слезы. И он старался изо всех сил, чтобы не заплакать. А потом, когда они закончили петь и хор разошелся. Этот пацан, сбив Мишу с ног, просто вытер о него грязные ботинки. И у Шахова мелькнула мысль: "Может Токарев меня узнал и вспомнил? "

Токарев вспомнил. Только не какой-то школьный эпизод, которых в его жизни было множество. А вспомнил, что у него дома где-то валяются фото со свадьбы, которые этот фотограф делал. Там он молодой, веселый. Там много его парней, которые на зоне сгинули, и там эта сука. Красивая сука. Которая бросила его с двухлетней дочкой и сбежала с Митькой, его первым водителем. Фотки эти он куда-то засунул, чтобы не видеть и глаза не мозолили. Хотя сначала хотел выбросить. Но подумал, что надо, пригодятся. Спросит дочка за мать, хоть показать как выглядела покойная.... Он разумеется дочери сказал, что умерла её мамка молодой.

Было дело. И дело было у Тереха с Комаром, и тело было потное у Комара, и тухлое у Тереха. . К тому же их тела были дюже побитые, и после бессонной ночи на жестких нарах просили пощады. Окаянная железная дверь Мишки-фотографа никак не поддавалась на новые отмычки. Или отмычки были не те, или замок неправильный. Глазок в соседской двери был заблаговременно замазан пластилином, и подельники усиленно старались не шуметь, дабы не услаждать слух соседей, и даже не разговаривать. И может быть потому, что материться было нельзя, они устали ещё сильнее, чем могли. И вот когда они уже хотели сдаться, замок сжалился над ними и щелкнул. Друзья проникли в берлогу фотографа и были несколько обескуражены. Старый сервант советских времен,

забитый под завязку альбомами с фото, старый диван, помнивший фотографа ребенком, старый компьютер с большим цветным принтером марки Ёпсон (так по крайней мере прочитал название Терех). Стены тоже сплошь увешаны всякими фотками неизвестных людей, всяких букашек и кошечек, да пейзажами. Из под иконостаса фотографий в рамках проглядывали старые, линялые на солнце обои. В углу пылился проигрыватель для грампластинок, а над ним полка с оными. Одним словом не пещера Али-бабы, никаких ништяков и побрякушек, ничего достойного, что можно было бы легко реализовать по хорошей цене. Было правда два кожаных кофра с кучей фотографических прикамбасов, но что это и сколько стоит, они имели весьма смутное представление. Но самое главное нигде не видно было большого церковного креста, как им санитар насвистел. А они сдуру рассказали про него Шаману. Ну, скажем, не совсем сдуру, надо было как-то оправдаться за разбитую машину, и потерю колдуна. ... И что теперь было делать? Нет креста. Тогда они методично стали выворачивать все альбомы из серванта и перетряхивая бросать на пол. Так же на пол вытряхнули все шмотки из шифоньера, перевернули стопки с постельным бельем, следом вывернули ящики письменного и кухонного стола. Обследовали содержимое холодильника, кладовки, содержимое стиральной машинки, и пространства под ванной. Неугомонный Комар заглядывал даже в унитазный бачок, и в обе отдушины, в туалете и на кухне. Ничего. Не так, чтобы совсем ничего. Один живой жирный черный паук, и куча мумифицированных трупов тараканов, на которых сложно было найти покупателя. Когда вся квартира была перевернута дважды. На пол полетели пластинки, вывернут проигрыватель "Кантата-204", вскрыт на всякий случай системный блок компьютера, и вытряхнуты на пол замороженные грибы в пакетах из морозилки. Тут то добры молодцы и приуныли. Стало понятно, что либо креста не было, либо его нет дома.

Ну, да, разумеется! Он скорее всего в "шохе", что во дворе стоит, там и остался! Покинув захламленную и грязную квартиру, друзья занялись машиной во дворе. Собственно, чего там заниматься? Терех первый срок по малолетке получал, когда такую ногтем всковырнул, но получил не за это. А за то, что покатавшись по пьяне, не смог назад припарковать и въехал в забор соседский. Штакетник брызнул в стороны, как шелуха от семечек, а вот железные трубы, вбитые в землю он преодолеть не смог. Вот за то, что не смог, и за бампер, радиатор и капот, на три года и присел.

Автомобиль Мишы-фотографа ожиданий не оправдал. И дело уже близилось к вечеру, когда оба молодца, решили не испытывать судьбу, а попытать счастья, или самого Мишу на месте его нынешнего пребывания. Отправились к нему, так сказать, с рабочим визитом.

- Ну, привет, пассажир, - произнес Комар, заходя в вахтенный домик, многообещающе и крайне недружелюбно скаля ровные белые зубы.

- Чего надо?! - на автомате спросил Шахов, чувствуя как бешено забилося сердце. Сердце знало, что вопрос риторический, знало чего им надо. И как внутренне себя не готовил Миша-фотограф к встрече, но чертовы эмоции перечеркивали усилие разума, соблюдать спокойствие.

- Шоколада, - рявкнуло смуглое лицо азиатской наружности. - Чего двери не открываешь? Когда к тебе по доброму стучаться? Интересуются твоим здоровьем? Может облегчишь душу? Отдашь крест?

- Не отдам, - честно ответил Миша. Он был готов к избиениям, пыткам, смерти. Но он точно знал, что крест отдавать никому нельзя. Он ощутил его силу. Взял его с собой на смену. Положил под матрас на жестком топчане, и периодически прикасался рукой. Читая в интернете на телефоне урывками, все крохи информации, что было известно про кресты. Известно было до обидного мало. Но он чувствовал, что крест, как меч-кладенец, сила огромная. Только надо уметь её разбудить. Понять, как её разбудить. Миша на самом деле знал как разбудить, и что делать. Краешком сознания помнил, что нифелим ему вроде как объяснял, но что именно - не помнил. Это было так мучительно, как на экзамене в школе, вроде и ответ знаешь, а правильные слова выразить свои знания не помнишь. Обидно. Обидно было умирать, так и не использовав то, что тебе дали. Обмануть ожидания другого, и самому на доброе дело не сподобится. И Миша совсем не ожидал, что его отрицательный ответ, очень обрадует этих двоих, нагло вломившихся в сторожку.

- А ты хорошо подумал? - спросил рыхлый и большой.

Вместо ответа Миша сделал так, как планировал. Удар ребром ладони по горлу. Потом по глазам пальцами, затем контрольный - ногой в пах. Но с самого начала пошло не так. Удар по горлу почему-то не достиг цели. И вся дальнейшая цепочка событий рухнула как Римская империя под натиском варваров. Комар увернулся, и вернулся назад ударив пудовым кулаком фотографа под дых. Сразу стало нечем дышать. Это отвратительное чувство, когда организм тебе не подчиняется. Ты не можешь, ни вдохнуть воздух, ни выдохнуть. Словно рыба, выброшенная на берег, открываешь рот, тщетно пытаешься жить в чуждой тебе среде. "А ведь я всю жизнь эта рыба. Всю жизнь пытается жить в чуждой среде, притворяться своим" - всплыли в мозгу не своевременные мысли. А его ватное тело тем временем заботливо усадили на стул, и стали приматывать к нему, неведь откуда взявшимся, скотчем. Беседа обещала быть долгой и душевной. Его облапали в поисках креста, потом вытряхнули сумку с продуктами, что он брал с собой на смену, заглянули в тумбочку с документами, и лишь потом, малый смуглый, взяли старый, кухонный нож, с треснувшей рукояткой, обмотанной синей изолентой...

- Ну, чо фотограф? Два глаз роскошь? Как там на счет креста?

А вот к этому фотограф был не готов. Любые повреждения тела, но глаза... Это как пианисту предложить лишиться руки.

За окном раздался рев двигателя, и нетерпеливый гудок.

- Кто там ещё? - нетерпеливо бросил Терех.

- Трактор на волю проситься- отозвался Комар, глянув в окошко.

- Открой ему ...

- Ага..

Комар нажал кнопку, и шлагбаум медленно пополз вверх, а достигнув вершины, дернулся и застыл. Но трактор вопреки ожиданиям, не рванул на волю, а нетерпеливо газанув на месте, опять просигналил. Накладную хочет отдать, догадался Шахов, начавший только-только дышать нормально.

- И чего не едет?

- А х..з..., - не успел ответить Комар, когда дверь в сторожке распахнулась, и на пороге, распахнув дверь, возник тракторист Власенко Павел Иванович.

- Г.., - глухой, хотел сказать он, но слово не успело сорваться с губ. Он увидел своих добрых знакомых: Комара, Тереха с ножом в руке, фигуру сторожа, перемотанного скотчем, как куколку.

- Сало маленько кажу хлопцы я....Ножиками балуемся? - произнес вошедший, и осканился.

Как говорила Елена Малышева: "Яички у мужчин висят не правильно...." Когда Терех увидел в дверном проёме фигуру тракториста, он постарался эту досадную ошибку природы исправить - втянуть семенники в себя, как при внутриутробном развитии. Чутье подсказывало ему, что третью встречу с Иванычем, он не переживет.

Глава 11. Осознание.

Всё выглядело почти так, как виделось ему умозрительно. Разбросанные по полу вещи и фотографии, пластинки, перевернутый зачем то проигрыватель, системный блок компьютера на боку, и без крышки. И даже лужа была....только не его крови, а воды из растаявшего холодильника, и из пакетов с отварными маслятами. Отчаянно защемило сердце. Шахов присел на корточки, чтобы подобрать с пола пластинку. Антонио Вивальди "Времена года, лучшая скрипичная музыка, какую только он мог себе представить. Душа вместе с ней пела и грустила. Привез он её лет тридцать назад из областного центра. Как радовался, что удалось купить. Пластинку не только бросили....На неё безжалостно наступили. И она не выдержав издевательств, треснула и развалилась на куски ... Как и его сердце." Боже мой," - тихо шептал, Шахов, понимая, что всё потеряно. Чуть дальше валялся альбом И.С. Баха, девять пластинок в одной картонной коробке. Дрожащие руки потянулись к альбому, но Михаил сам себя остановил. Зачем лишний раз огорчаться? Зачем? Безвозвратно потеряны те ценности, которые были ценностью лишь для него, и тех немногих людей, которые уже состарились, но ещё не умерли. Зачем скажет молодое поколение эта рухлядь и хлам? Можно же скачать в интернете гигабайты музыки на любой вкус? И отчасти будут правы, он сам Шахов уже рухлядь и хлам. Ведь ему дорого было именно тихое уютное потрескивание звукоснимателя, запах лампового проигрывателя, и бархатный звук прошлого. Воспоминание молодости, надежд на будущее, такое светлое и счастливое, которое у его поколения взяли и украли. Такие вот перевертыши Ельцины, Толкалины, и прочая шушера. А теперь, ему в этом мире просто нет места. Он отработанный материал, которому место на кладбище. Так зачем цепляться за эту жизнь? Зачем? Нет. Накладывать на себя руки он не собирался. Не серьезно это, не по мужски, пасовать, сдаваться. Но и оставаться в этой квартире, он уже не мог.... Это как утереться от плевка и делать вид, что ничего не произошло...

С кряхтеньем поднявшись с корточек, Михаил Дмитриевич прошел на кухню, достал пузырьки с валерианой и пустырником, вылил содержимое обоих в один стакан, добавил воды из под крана и выпил. Автоматически сполоснув стакан, поставил его в шкафчик, и стараясь не смотреть на окружающий беспорядок вышел из квартиры. Если честно, он боялся оставаться. Не возвращения бандитов боялся, боялся, что сердце не выдержит, если он обнаружит, что ещё что-то безвозвратно утеряно - будь то любимая пластинка, или фотография, негатива которой уже давно нет. Но ещё больше он боялся разрыдаться как старуха у разбитого корыта.

В далекие семидесятые годы прошлого века, когда мальчишки играли в казаков-разбойников, они исследовали таким образом все окрестности, заброшенные и пустующие цеха, и недостроенные здания. Никто уже и не помнил, кто и когда именно нашел эту загадочную цистерну в лесу. Она поражала воображение. Во-первых потому,

что огромная железнодорожная цистерна лежала в совершенно заросшей кустарником и мелкими деревцами местности. Никаких дорог и путей до нее не вело, и сами колеса, на которых её можно было транспортировать отсутствовали. Поэтому у пацанов сразу возникла здравая мысль, что она из космоса. И это наверное не банальная цистерна, а загадочная ступень космического корабля, которые при полете отсоединяются и падают, где придется. Так она и лежала,...как придется. Один край выше, другой ниже, на склоне холма. Бочка была темно зеленого защитного цвета и летом практически сливалась с местностью. В передней части, той, что была на возвышенности, имелась бронированная дверь, скорее люк, из тех что бывают на подводных лодках и закручиваются круглой баранкой штурвала, полностью герметизируя отсек. По обе стороны от люка сверху жаберными щелями топорщились металлические жалюзи. И вокруг двери находился мощный каркас конструкции, судя по которому можно было догадаться, что бочка могла стыковаться с каким-то другим, неведомым сооружением. Но самое главное слева от дверей был кодовый замок с набором цифр. А дверь-люк как понимаете была закрыта. И это была загадка на всё лето.

Во-первых, замок не работал. Какие только комбинации цифр не были испробованы, тщетно. Во-вторых, взломать толстенную дверь или открыть другим каким либо способом не представлялось возможным. Лом её понятное дело не брал, а притащить туда автоген занятие для детей непосильное и невыполнимое. Способы же выкурить инопланетян, если таковые там обосновались методом засовывания горящих кусков резины и расчесок в вентиляционные щели эффекта не возымели. Сами щели удалось расширить, часть пластин жалюзи выломать, но там дальше буквально через пять сантиметров была сплошная стальная стена, и вентиляционная шахта уходила куда-то вниз.

В конечном итоге, всё, что удалось за лето с этой загадкой сделать, это разбить в отчаянии кувалдой кодовый замок. И потерять навсегда интерес к этой железной бочке. Ещё пару лет про неё вспоминали, и заходили поглазеть, в надежде вдруг, что изменилось. А потом и навещать перестали. Она так и ржавела себе тихо в лесу. Никому не нужная, заброшенная цистерна. И никто, ни единая живая душа не знала, и даже не догадывалась, что один из мальчишек там всё-таки внутри побывал. Произошло это незадолго до того, как Жорик разбил замок. Мальчишка открывший цистерну подошел к делу основательно. Он записал все возможные комбинации цифр, и каждый день понемногу их проверял. И потом, когда комбинация оказалась верной, он не то, чтобы услышал щелчок, а почувствовал, что вот сейчас штурвал надо крутить. И дверь открылась. ... То, что он увидел внутри, вызывало ещё больше вопросов, чем ответов.

Во-первых, щели снаружи таки да, были элементами вентиляции, и она как оказалось имела двух уровней. Естественная, и принудительная с электромоторами и вентиляторами улиточного типа. Причем принудительная помимо сухого блока фильтров имела жидкостный. То ли вода была в жидком фильтре, то ли какой-то реагент. С содержимым фильтров он так и не разобрался. Здесь же, в тамбуре с вентиляцией находился бензиновый электрогенератор, который запускал эту систему, и так же давал энергию для работы остального электрооборудования. Которое видимо могло быть, но не было...А вот розетки и штекеры для подключения чего-то были. Как были громоздкие батареи щелочных аккумуляторов дающие аварийное освещение, и управление кодовым замком входной двери.

Во-вторых, прихожая (скорее санитарный блок с душевыми распылителями) изолировалась от остального помещения таким же металлическим герметичным люком.

За прихожей располагались своего рода гардеробная и туалет, как именовал эти помещения мальчишка. В шкафу слева висели четыре комплекта общевойсковой химической защиты, и стояли на полке противогазы с большими как школьный ранец баллонами. Шкаф напротив представлял из себя маленькую душевую, а рядом с ней раковину и отхожее место, возвышающееся на баке для отходов литров на триста. А судя по нависающему сверху потолку, с которого шли шланги, все пространство там было заполнено водой. Гардеробная от жилого помещения отделялась очередной дверью.

В собственно же жилом помещении были двухуровневые кровати, на четырех членов экипажа, по типу вагонного купе, с откидным обеденным столом посередине. Полки, по мнению пацана, с какого-то вагона и были сняты. Мягкие, оббитые бардовым дерматином. Вот и всё убранство. Не считая ещё двух рабочих письменных столов с кучей розеток и кабелей со штекерами перед ними. Ящики в столах оказались пусты, если не считать толстого чехла с переносным дозиметром. Но дозиметр валялся без аккумуляторной батареи, и признаков жизни не подавал. Но самое обидное, что оружейный ящик на стене с местами крепления под четыре автомата тоже оказался девственно пуст. Зато ящики под нижними лежаками, были заставлены железными банками, обильно смазанными солидолом. Консервы были без каких либо этикеток и поясняющих надписей. Опытным путем со временем мальчишка установил, что это тушенка, перловка с бараниной, гречка с мясом, а так же сгущенное молоко.

Собственно жизненного пространства в цистерне было минимум, зато находился большой запас воды, бензина, и продовольствия, для автономного существования отряда из четырех бойцов сроком примерно на тридцать дней. ММЗ - назвал его мальчишка, догадавшись о назначении цистерны. Модуль максимальной защиты.

Вот в этом модуле юноша, притащив туда чемоданчик УПА-2, и организовал свою тайную фотолабораторию.

-Понимаешь, он же как ты или я...., - говорил Макар Федотович задумчиво затянувшись самокруткой. - Он когда пришел, то ноги его были в грязи. И вид такой, словно только с петли вынули...хлебнул видать жизни по самое небалуй. В годах был мужик. Но первое,

что всем понравилось. Он понимал всех, и кажется знал про нас всё ...Насквозь видел. Но никого никогда ни чем не упрекнул. Думаешь он святой был? Был...но не сразу. Сам светлел ликом, и мы за ним следом. Сначала перестали животину на убой держать. Последними куры были. А куры они что? Они дуры. Яичко на завтрак привычно было. Это да... - дед причмокнул видимо вспоминая вкус яйца.

- Никаких речей не говорил, и проповеди не читал, что твой поп в церкви. Придет вечером, с одним посидит, покалякает. Другой вечер к другому придет поболтать. Вроде ни о чем, а на душе легче становилось, словно тяжесть уходила, и чище себя чувствуешь, как праздник какой. Доброе слово, оно и кошке приятно. А он говорил, что нужно полюбить мир вокруг, и мир полюбит тебя. Чудно было...Хотя он не так говорил, это я тебе вру. Пересказать точно не могу, но суть такая была... Точно такая суть! Чего лыбишься? Смотри! Осерчаю! К Агафье жить выгоню! А тебе не хочется? Ясен пень! Тебе Маришка приглянулась... Видная девка, чего там...Чего глаза прячешь? Думаешь одни старики да старухе у нас? Не ожидал молодуху узреть? Да, ладно...дело молодое. Сойдетесь вы с ней, по любому сойдетесь... О чем это я?

Ах, да... Одну странность за ним заметили. Он по ночам разговаривал с кем-то. Горячо разговаривал, спорил. Думали поначалу спятил мужик. А потом Марфа через щель подсмотрела. А там нечистый... Да, что я врать буду? Сказал бы - тебе вот те крест, только не поверишь...Нечистый креста не боится. Был у светлого крест. Большущий! В пору на церквушку ставить. Вот он значит перед бесом крест держит, а тот скалиться и хвостом по бокам себя хлещет, что та корова. Он каждую ночь приходил светлого смущать, да с пути праведного свести пытался. А нет...не на того напал. Не поддался светлый. Почему говорю Светлый? Так все так говорят. Как его имя? Блин...дай Бог памяти. - Федотович почесал в затылке, - Не могу вспомнить...Завтра спроси у кого из наших, а я чего-то запамятовал... Помню только как светло с ним было. Сказано было, не заботьтесь о завтрашнем дне, будьте как птицы небесные. Вот и мы жили так, что каждый вечер ждали как праздник - наступление нового дня. В новинку было такое... Смешно, но каждый день приносил радость. Почему говоришь сейчас её нет? Почему нет? Есть . Ты же сначала её почувствовал, когда зерно в тебе прорости пыталось? Что значит зерно... Как тебе пояснить....

Дед Макар призадумался.

- Видишь ли, человек рожден в этом мире для счастья. Но чтобы это понять, надо многое, наносное, обычное, отринуть навсегда. Счастья не в богатстве, которое сводится только к тому, чтобы слаще есть, да крепче спать, да как можно меньше что-то делать руками. Жить, видеть этот мир, деревца эти, травку, небо голубое, да тучку кудрявую, - уже счастье. Как можно видеть эту красоту и не радоваться? . Вот скажем желание сделать лучше. Один видит нечто и хочет сделать такое же, или лучше, чтобы доказать себе и другим, что он может, что способен, и радость получает от своего труда. А другой смотрит, и тоже хочет лучше, жить лучше, иметь лучшее и больше.. Но делать не спешит, ленив. А отсюда и завистлив. Зависть, это желание получить то, что есть у другого не затрачивая усилий, на халяву. Так вот...Светлый, он что твой знахарь, он состав такой трав и грибов придумал, мы им питаемся и думаем уже по другому. Потому и зависти у нас нет, как и злобы нет...

- А я думал, что вы меня убить хотите, по доброте душевной... там...в лесу - честно сказал Леша слушая долгий и сбивчивый рассказ Макара Федотовича.

- Нет. - покачал головой дед. - Изгнать, не значит убить.

- А почему тогда ты не дал меня изгнать?

- Видишь ли... Тот, кого изгоняют, он начинает видеть путь отсюда...И уходит, уходит навсегда. А мне тебя жалко...Что тебе тот мир? Тебе бы наш понять? Понять, что счастливым быть просто...Тем более, что и пара тебе есть. Маришка вон как на тебя смотрела...

Леша смутился. До него дошло, что оставляя его в общине, дед Макар может не столько о нем беспокоился, сколько о счастье местной Маришки.

Предчувствия Тереха не обманули. Он маялся в отделении хирургии в местной больнице, ожидая, когда придет проктолог и вытащит наконец злополучную рукоятку ножа из места, которое произносить то стыдно... Не дай бог, кто на зоне узнает. Комару то было легче, ему то всего-навсего Иваныч челюсть сломал. И он счастливый отдыхал на соседней койке, и говорить не мог. А Тереху пришлось отдуваться за двоих, давать показания. И это в то время, когда ему было совсем не до разговоров. И он совсем не знал, чему так радовался следователь. А то, что Комар делал ему страшные глаза, было наплевать. Идти паровозом было запаadlo, а наступать, что Шаман их на дело подрядил считал нормально.

И вскоре следователь доложил по инстанции. Полковник Гуменyak В.С. предался долгим размышлениям. Очередная темная история, из которой торчит хвост Шамана. И что мы имеем в итоге? Золотой крест, который якобы принадлежал Шаману, и который некий сторож якобы у него умыкнул. Шахов, Шахов...знакомая фамилия, но кто это такой Гуменyak вспомнить не смог...Странная история, для человека профессией сторож. Обычно сторожа попадались на том, что по ночам продавали неликвид будь то горбыль или бракованная доска за пару бутылок левому покупателю. А тут золотой крест... Мутная какая-то тема. Ладно, допустим был крест, и пропал. В краже заподозрили сторожа. Сначала пытались пресануть его дома. Не вышло. Вскрыли хату, ограбление со взломом. Похитили там что-нибудь или нет, неизвестно, но крест не нашли. Поэтому отправились к нему на работу. Но далее по факту. Приказания на действия подследственных отдавал не сам Шаман, а его заместитель, некто Волхов Андрей Петрович. Подследственные оба числились сотрудниками ТОО Лесное. Давлетияров Р. Ф.- водителем, Ковалев С.И. - охранником. Во время инцидента в баре Волхов заявил, что оба уволены с предприятия за нарушения трудовой дисциплины. Но вопреки голословному заявлению, он либо заплатил владельцу бара, либо припугнул, и тот написал, что претензий не имеет. Обоих сидельцев пришлось отпустить. А тут они попались с поличным при насильственных действиях в отношении сторожа Шахова, находящегося при исполнении на своем рабочем месте. Не будь дураком этот сторож, то заявил бы, что они пытались ограбить склад ЛПХ со всеми вытекающими. Но он промолчал. Вернее его в спешке забыли допросить. Хотя это было уму не постижимо! Не опросить потерпевшего? Как!? Совсем работать не умеют, горестно подумал Гуменyak, и устроил выволочку подчиненному, который клятвенно обещал утром эту оплошность исправить. Запутанная история...

Из плюсов в ней только показания участкового и соседки, которые подтвердят, что это именно Давлетияров и Ковалев ломились к потерпевшему. Нападение на сотрудника полиции, факт бесспорный. А далее начнется канитель.... Заместитель Волхов даст заднюю, и заявит, что никаких указаний бывшим сотрудникам не давал. Его слова, против их слов. У него запись в отделе кадров об их увольнении, у этих двух справки об освобождении. Слабые аргументы. Но если припереть к стенке, то может выясниться, что

господин Волхов А.П., имеет рыльце в пушку. И сядет он если не за организацию ОПГ, что малодоказуемо, то за воровство в крупных размерах, как выяснит та же налоговая проверка, которую сейчас проводят. А господин Токарев, придет на суд весь в белом, и будет выглядеть даже не свидетелем, а потерпевшим, за спиной которого делались темные дела. Самое смешное, что такое уже было, и было неоднократно. Проверенная схема. Заместитель у Шамана уже четвертый или пятый по счету. При разных нечистых делах, садятся они, а он остается в стороне. Не везет человеку с подчиненными, что тут поделывать? За эту сальную самодовольную улыбку Гуменяк убил бы Шамана, ещё лет двадцать назад, когда был простым опером. Но с возрастом как-то смирился с ним, как с неизбежным злом. Особенно, когда это зло платит, чтобы его не видели. Одним словом, дело тухлое. И Гуменяк похвалил себя за сообразительность и то, что вовремя принял правильную сторону.

Жила была девочка Аня, она очень стеснялась своей фамилии Пузырникова, потому что в школе за ней закрепилась кличка "Пузырь". И вот она наконец-то выросла, вышла за муж, и уже в загсе узнала, что теперь она Дуракова. Причем во всех смыслах. Вот так живешь-живешь, и не знаешь, где найдешь, где потеряешь. .

Вот и Шахов вспомнил про свой бункер (ММЗ). Лучше места, чтоб отсидеться, не придумать. Ему нужно было спокойное и надежное место побыть одному и подумать. Он часто сбегал туда в детстве. Хорошо, что разобрался с замком раньше, чем его приговорили кувалдой. Догадался просто вывести два тайных проводка наружу, соединив которые электромагнит замка щелкал, и давал возможность попасть внутрь. И фотолaborаторией модуль пробыл недолго, до его поступления в училище. Он тогда тайно печатал там порнографию. Не потому, что был изрядно озабочен. Не больше, чем все в его возрасте. Просто ему были нужны деньги. На одном листе фото бумаги подходящего размера умещалось десять голых теток потасканного вида, сомнительного содержания и отвратительной резкости. Не суть важно. Важно было, что тратилось всего четыре листа из пачки в пятьдесят листов, и у тебя готовая колода карт, которая легко продавалась в проходящем пассажирском поезде за 3 рубля.. За вычетом стоимости пачки 4 рубля 65 копеек, и реактивов, чистая прибыль составляла 60 рублей. Правда с реализацией был геморрой. Поезд больше десяти минут у вокзала не стоял. Мелкий у них город. За эти десять минут нужно было пробежаться по поезду, максимум три вагона. Больше не успеть. Найти компанию пьющих мужиков и предложить им карты. В разговоры не вступать. Прикидываться глухонемым. Выслушать неизбежные издевки, что мол не рано ли тебе молокосос такие картинки смотреть? Но если повезет, то можно было продать две-три колоды за раз.

Нет, он не мечтал стать тайным миллионером, на вырученные деньги он покупал пластинки. А хорошие популярные пластинки были редки и стоили у спекулянтов дорого. И потом... Потом, это же такое наслаждение слушать хорошую музыку, все равно, что найти красивый вид, запечатлеть на камеру удачный пейзаж. А эти девушки из группы АВВА просто сводили его с ума. Вот вроде не идеальные фигуры, не ровные зубы, минимум макияжа, но голоса! Чистые, ангельские голоса! Они пели душой. Легко и просто. И никаких накачанных губ, никаких тебе голых грудей, никакого кривляния, никакой безумной толпы подтанцовки на сцене. Но они были сверх популярны. Им верилось, потому, что они были настоящие. Люди были настоящие, музыка настоящая.

Они вспомнились ему, когда он пришел в модуль, зажег свет, уселся на полку. И опять вспомнил лежащий в углу комнаты смятый вдвое конверт от пластинки АВВА. Где сама пластинка, страшно было представить. И Миша-фотограф наконец не выдержал и заплакал. Слезы катились по искаженному морщинами лицу молча, почти беззвучно. Он плакал не столько от потери дорогих сердцу вещей. Плакал от осознания своей ненужности. Ненужности этому миру всего того, что было ценно для него и его поколения. Вот так, раз... и всё. Если ты не богат, значит нищерброд. И кто это говорит? Воинствующая серость, которая нынче большинство. Для которых деньги главный бог, идол. И у этой воинствующей серости, свои серые безголосые, бездушные и безмозглые кумиры. Как поет какая-нибудь Инстасука: " не дам, но за деньги - да".

Плакал он не долго, потихоньку успокаиваясь, и приходя к определенному решению. Он не знал тварь он дрожащая, или право имеет? Бог создал человека, таким как есть. Он не собирался соперничать с Богом, и сотворить другого человека. Нет. Он решил попытаться лишь сделать людей лучше. И у него был этот крест. Крест, который он спрятал за спину, под ремень брюк, когда Иваныч повязал бандитов и вызвал милицию. Миша сидел, молчал, и мысленно просил, чтобы его ни о чем не спрашивали. Он патологически не умел врать. Если бы спросили, он рассказал бы всю правду. И про раненого с синей кровью, и про крест, и про явление сатаны. Последствия такой правды были ему очевидны... И сотрудники полиции тоже сделали бы соответствующие выводы. И случилось так, как он хотел. Его не только никто ни о чем не спросил, а всё происходило так словно его там вообще не было.

Сначала было слово. И слово было непечатно, когда каменщик уронил себе на ногу кирпич. И много было слов. Непечатные канули в лету, а печатные собрали вместе и назвали Книга. И собрались как-то рабы фараона, и вышли из Египта. И решили, что они не рабы, а народ избранный. И пришли в землю обетованную. А тех, кто обитал до них, истребили. И построили храм. И решили, что теперь будут давать деньги в рост тем, которые не избранные. Это избранного нельзя обманывать, возжелать жену его, и убивать нельзя. А не избранных называть гоями, и делать с ними можно, что угодно, поскольку они гои. Эту традицию подхватили другие народы, называющие прочих, не соплеменников - гаджи, гайдзинами, расово неполноценными, и т.д. Но вот пришли гои, которые считали себя гражданами, а прочих варварами, разнесли храм, оставив одну стену, чтобы было, где плакать. А от страны не оставили и следа. И рассеялся народ избранный по всему свету, поскольку не было у них уже ни земли своей, ни страны. А вот принципы были. Поэтому рассеялись они по банкам, институтам, театрам и шоу-бизнесу. И хоть со временем купили таки свою землю, но не всем в ней было место под солнцем, да и не все туда хотели. А были и такие среди них, которым места не досталось.

Никто уже не помнил точно, в каком году появилась в средней школе номер пять имени пятидесятилетия Октября, города Алексеевки, новая секретарша. Она, скажем, была не очень новая. На момент устройства её на работу, ей уже было давно за шестьдесят на внешний вид. И хоть появление особы не первой свежести на такой должности, явлением было крайне не обычном, но слухов особых и волнений это не вызвало. Говорили, что она из белоэмигрантов, проживших большую часть жизни в Харбине. Некоторые просто приняли её за китаянку. Уж очень была женщина миниатюрной, ростом метр пятьдесят, и весом - килограмм сорок. Сухонькая, стройная женщина, с дулей седых волос на затылке. Ходила всегда в юбке темного цвета, черной стеганной безрукавке, и белой блузке, и с совершенно европейской внешностью. А вот походка у неё была примечательной. Он мелко семенила ножками, цокая черными ботиночками. Ведь на ногах весь школьный сезон: зимой, весной и осенью были неизменные войлочные ботиночки тридцать четвертого размера, с металлической желтой молнией впереди. Причем создавалось впечатление, хоть это никто точно не мог сказать, ни из преподавательского состава, ни из учеников, что и лето она однозначно проводила, в черных войлочных ботиночках с молнией. На машинке секретарша печатала очень быстро, а когда удивленная завуч, прочитав свежий документ, сказала: "Замечательно! Ни одной ошибки!" Маленькая секретарша, странно посмотрела на неё и скромно заметила, что выпускницы Казанского университета ошибок не допускают. Впрочем, особый фурор её заявление не вызвало. Была она очень скромной, избегающей сплетен, незаметной, седой мышкой, просто выполняющей свою работу. Ни в какие интриги и фракции дружного школьного коллектива не входила, и в порочащих связях замечена не была. А когда однажды она не вышла на работу никто на её отсутствие внимание не обратил. Никто, кроме трудовика, которому квартира умершей и досталась.. И тут стало известно, что оказывается у Маляр Вассы Борисовны, был муж Самуил Аркадьевич, который долгое время болел, и поскольку пенсии на его лечение было недостаточно, Василиса Борисовна и работала до самой его смерти, и потом ещё немного после. Не потому, что очень хотела денег. Ей страшно было оказаться одной в пустой квартире. Детей у них не было. Или по крайней мере об их существовании ничего не было известно. Поэтому похороны секретарши школа взяла на себя.

Трудовик проявил особое рвение в организации похорон, и используя свое служебное положение, привлек учеников для выноса вещей покойной. Среди учеников был мальчик Миша, который нес картонную коробку с фотоальбомами умерших, какие-то письма, и тетради. И когда донес до мусорного контейнера, тяжеленный ящик весь поднять не смог. Поднатужился, коробка накренилась, и несколько бумаг и тетрадей выпали на асфальт. Раздосадованный Миша наклонился чтобы подобрать упавшее и отправить в контейнер, и тут общая тетрадь в клеточку раскрылась, а там на листке были написаны чернильной ручкой, какие-то математические формулы. Мальчику стало любопытно. Он чисто автоматически сунул никому не нужную тетрадь за пазуху, чтобы потом спокойно прочитать. Но привлекли его внимание на тот момент не непонятные формулы, а текст заглавия на китайском языке:

וועלט דער אין שלום.

Уже позже, роясь в районной библиотеке, нашел похожие символы. Похожими были идиш и санскрит. Очень было сомнительно, что человек с именем Самуил писал на санскрите. Разумеется, он мог писать и на иврите, но иврит как-то не пользовался популярностью. Значит нужен был словарь идиш, какого в библиотеке не нашлось. Конечно был ещё вариант, понять написанное другим путем - из математических формул. Но интегралы и матрицы чисел для Миши были той же китайской грамотой. Поэтому, тетрадка с записями была заброшена пылиться на шифоньер до определенного времени забыта.

Это время наступило, когда он уехал в область учиться и, случайно обнаружив тетрадь, прихватил её с собой. А потом улучив время, зашел в один из вузов, на кафедру высшей математики, где его встретила дородная женщина с шестым номером бюста, а мельком взглянув в тетрадь послала его...Нет, не домой. А к преподавателю Майзелю Савелию Яковлевичу. Высокий видный и важный старик, открыв тетрадь, в лице переменялся. Вскинулся, как лошадь перед внезапно вставшем на пути забором, хмыкнул, и попросил оставить ему тетрадь для изучения. Михаил не стал возражать светилу науки, да и, честно говоря, уже большую часть своего детского азарта и любопытства с возрастом подрастерял.

В следующий раз он пришел в институт уже осенью, когда летние каникулы закончились и начался новый учебный год. Преподавателя математика он нашел не сразу, а когда нашел, тот явно не помнил ни молодого человека, ни какой-то тетради. И смотрел на Мишу, как на сумасшедшего. Вспомнить помогла всё та же женщина, сотрудница с кафедры, которая волей случая проходила мимо по коридору и пришла на помощь парню, напомнив, про тетрадку, которую Савелий Яковлевич буквально зачитал до дыр перед своим отпуском, проверяя расчеты на калькуляторе. Майзель сначала сильно возмущался возводимой на него напраслине, а затем, припертый свидетельскими показаниями, с нескрываемым раздражением, вернул тетрадь владельцу, вытащив из верхнего ящика своего стола, и почти бросив её как перчатку перед дуэлью. А на прямой вопросы: "Что это?" Ничего толком не ответил. Да, это расчеты. Расчеты верные, но фантастические, поскольку лишены практического смысла. "Хотите знать больше, учитесь!" - напутствовал он Михаила. Дав понять, что юноше наука вряд ли по зубам, да и вообще, зачем ему эта тетрадь? Юноша и сам себе не смог бы ответить на этот вопрос, потому что не знал.. Поэтому забрал тетрадь и молча ушел. Просто на тот момент он формировался как личность, и взял себе за правило - всякое дело доводить до конца. Даже через не хочу, и вопреки всем препятствиям и препонам.

Такая позиция уже приносила свои плоды. Он был не самый удачливый, не самый талантливый, но пожалуй самый терпеливый и усидчивый на курсе. И буквально через год обучения уже числился одним из лучших учеников.

От матери Михаил унаследовал одну главную черту - он так же, как и она любил, всё красивое. Выделял это красивое в своих снимках, выкадровывал. Только категории красивого у них не всегда совпадали. Вот она например, любила всё красивое, хотя себя красивой не считала, но именно поэтому вышла замуж за красивого парня, которого по сути не знала и не любила. И родилась у них дочь, которая умерла от пневмонии в младенчестве. А Миша был вторым ребенком, рожденным по необходимости. Красоты отца он не унаследовал, рос хилым и хворым ребенком. И неоднократно пытался не выжить. Когда он заболел пневмонией в возрасте двух лет, мать была в истерике. Связывала, чтобы не сопротивлялся, пичкала горькими таблетками. Потом, когда он стал постарше, с больницы не вылезал, и толком не учился. Его и с больницы как-то выписали, после трех месяцев лечения, под расписку. Летние каникулы прошли, вылечить его воспаление легких медики так и не смогли, а колоть дальше пенициллином не имело смысла. Отпустили. Вышел на школьные занятия с температурой и головокружением. Но все было лучше, чем постылая больничка и неизменная манка с перловкой на завтрак, обед и ужин. Да, мама его пыталась выкормить, но вместо этого откормила.. Выжил. Поправился. Местами чрезмерно. Короче, в категорию красивого своей матери он уже не попадал. Потом не попадал в категорию умного, потом успешного, потом удачливого. И мать с утешением говорила, что они все в роду неудачливые. Её мать, его бабушка, была неудачливой, выжила одна из всех родственников. Родители и сестра родная погибли в первые дни войны при бомбежке, а она с тремя осколками в голове выжила. Родной брат прошел всю войну и погиб в апреле сорок пятого под Берлином. Отец матери тоже был неудачником, участвовал в обороне Севастополя, попал в плен, бежал, партизанил до конца войны, и сделал помимо матери Михаила ещё пятерых детей. Трех от жены, после войны (один рожденный в войну, погиб), и одну дочь в Праге во время войны. Герой одним словом. Только этот герой бил смертным боем жену и детей, будучи в плохом настроении, и просто так бил, чтобы уважали. Поэтому мать Михаила ушла из дома в шестнадцать лет, работала нянечкой в садике, и училась в техникуме. Отец её нашел в общежитии, избил, и забрал стипендию. Поэтому зимой она ходила в резиновых сапогах, а ноги оборачивала газетой, чтобы было не так холодно. И слегла в юности с плевритом, стояла потом на учете в тубдиспансере.

Свою маму Михаилу было очень жалко, и он старался её не расстраивать. Мыл посуду после обеда, пылесосил, убирался дома. Но это не всегда получалось. Иногда он зачитывался очередной книгой, и вспоминал, что ничего не сделал ровно в тот момент, когда мать открывала вечером дверь, возвращаясь с работы. Своего отца Михаил не то чтобы не знал, он его толком не помнил. Тот появлялся изредка, и редко трезвый. Отец дома очухивался, оперялся, отмывался, приобретал опять красивый интеллигентный вид, и снова пускался во все тяжкие. Тяжкие преступления, он собственно и расследовал. Работа у него была такая, по тяжким и особо тяжким, должность замначальника угро обязывала. Однажды, когда ограбили местный ювелирный магазин, он на все лето уехал в командировку. И таки вернулся к осени, найдя воров в Ташкенте. За что получил грамоту, а его начальник очередное звание, и премию в размере оклада. Потом руководство опомнилось, и подарило таки отцу именнные противоударные часы фирмы Заря. Отец

наградные часы с сотрудниками соответственно обмыл, а потом, когда пытался доказать матери, что они реально противоударные и метнул в стену. Испытания часы не выдержали и скоропостижно скончались. Отец с удивлением посмотрел на часы, почти так же, как удивленно смотрел, обнаружив, что у него есть сын мямля, страдающий хронической пневмонией и избыточным весом. Вот как-то так. Каждый существовал отдельно от другого. Мать тащила семейный бюджет как могла. И когда родители наконец развелись, и денег совсем стало не хватать, Миша в шестнадцать лет пошел работать, помогать матери мыть полы. Ведь она устроилась техничкой, чтобы после первой работы, выполнять вторую. Вот и Миша со шваброй провел два года, и с удивлением, уже в двадцать первом веке слушал в соцсетях своего одноклассника Муху, который искренне считал, что в Советское время все жили при коммунизме. Ну, у него, у Мухи, были на то веские доводы. Мать работала судьёй, а отец преподавателем истории, и что такое покупать мясо раз в месяц, и занимать деньги до получки его родители понятия не имели. Так же как не сам Муха имел понятия, сколько стоит его модный мохеровый шарф, а Миша, у которого был точно такой же шарф, точно знал, что это половина оклада технички за месяц. Миша покупке шарфа сопротивлялся, но мама настаивала. Её сын должен выглядеть не хуже других.

Поэтому, какой должна быть её сноха, и жена у сына Миши, мать имела очень четкие понятия. Во-первых, она должна была быть умной, но без заносчивости. Во-вторых, красивой, но без выпендрежа. В третьих, умеющей красиво и модно одеваться, но без пошлости, и чтобы денег из Миши не тянула. В четвертых, чтобы вкусно готовила, но была не толстой. Чтобы любила животных. Цветы. Природу. Литературу, классическую музыку и искусство. Чтобы была высокообразованной, умела поддержать разговор на любую тему, но ей, матери, не перечила. Чтобы во всем слушалась старших. Была опрятной. Чистоплотной. Хорошо ухаживала и смотрела за Мишей, кормила по расписанию, и обязательно жидкое в обед, чтобы желудок не портил. И каждый день готовила новое, чтобы не приедалось. Смотрела, чтобы Миша тепло одевался и не простывал. Сушила его ботинки каждый вечер у батареи, чтобы одевал утром тепленькие. Во время стирала, убирала, гладила, мыла, покупала мужу обновки чаще чем себе.... и т.д и т.п. И это только первая страница десяти томника требований. Который вкратце сводился к следующему, чтобы взгляды на жизнь и всё-всё-всё сноха должна иметь именно такие как у матери, и ни грамма меньше. Шаг влево, шаг вправо, попытка к бегству - стреляет без предупреждения. Как понимаете, желающих прочитать этот десяти томник требований, в природе не нашлось.

Поэтому Михаил не мог и даже не пытался объяснить матери, что не всякий человек, будь даже семь пядей во лбу, достигает в этой жизни вершины в её понимании. Если он хороший фотограф, то явно неудачник, раз до сих пор не лауреат международных премий. Что ей было ответить на это её извечное : "Почему?"

ДА ПОТОМУ, ЧТО!

Иваныч вынес с поля боя пятнадцать раненых товарищей и получил за это медаль "За отвагу", а вот если бы он с распущенными волосами полетал в невесомости, то может и получил бы тогда звезду героя. Как объяснить то, что невнятно жующий в микрофон министр весь обвешан наградами как новогодняя ёлка, хотя ни в одной боевой операции не участвовал? Как объяснить то, что глава соседнего района украл 75 миллионов выделенных на реконструкцию водоснабжения. И получил за это пять лет условно? Да за такие деньги - любой согласился бы, чтобы его условно расстреляли! Как объяснить, что

певец с шикарным голосом и редким диапазоном никому не нужен, а безголосая шваль собирает стадионы? Как объяснить эту жизнь?

Мать по этому поводу всегда говорила одно: "Несправедливость царит в этом мире. Потому, что Бога нет!"

И Михаил не мог с ней спорить, хотя умом понимал, несправедливость - результат человеческой деятельности. Человек рожден свободным, общество делает из него раба. А мир слишком сложен, чтобы существовать и возникнуть спонтанно. Мир устроен по своим законам, часть известных людям, а часть ещё не понятым. А человек в этой жизни должен делать то, на что способен. А уж как оценят его труды, дело десятое, не суть важно. Важно что он творит, развивается, получает от этого духовное и физическое удовольствие. Но матери это говорить было бесполезно, она не понимала. Она не понимала, как можно любить не красивых людей, животных, и т.д. Вот, что хорошего в певце Магомаеве? Ну, хороший голос, кто же спорит, но когда он поёт у него ноздри раздуваются. Это не красиво. Значит, всё, на нем крест. Ну, красивая сиамская кошка, но у неё ужасный скрипучий голос. Значит, из списочка красивых вычеркиваем. Так, же как змей, пауков, тараканов, и комаров. Напрасные создания. Зачем только бог сотворил этих ужасных тварей? Зачем красивые львы едят красивых антилоп? Почему нельзя сделать так, чтобы никто никому не делал больно, никто никого не обижал, а уж тем более не ел?

И тут Миша на пальцах пытался объяснить матери, что всё в этом мире взаимосвязано. Если бы не было хищников, травоядные бы расплодились и сожрали всю растительность на земле, а под занавесь сдохли от голода. Если бы не было насекомых, нечем было бы питаться птицам. Если бы не было змей - мыши поели бы все семена растений, и они перестали расти... Если бы не было... . Если бы не было... Но это всё есть, и чтобы система была вечной и саморегулируемой, ничто и никто в этом мире не создан просто так... И сам этот мир не мог появиться случайно из хаоса, без генерального плана, тщательной проработки деталей, и учета нюансов. За всем разнообразием флоры и фауны - стоит разум, могучий разум. Называйте его Яхве, Демиургом, Аллахом, Брахмой, суть не меняется - это Бог творец.

- Здесь тебе не тут! Рот твой под носом! - кричал полковник Гуменyak, на следователя. Может и не то, кричал, но секретарше, через двойную дверь слышались именно такие слова. Это надо было умудриться не снять показания с потерпевшего?! А теперь этот потерпевший пропал. И что у них есть на текущий момент? Два подозреваемых в больничке под охраной и показания свидетеля тракториста? Ну, продержат их в больнице ещё суток трое, а дальше? От неприятного предчувствия у Гуменyака засосало под ложечкой. Что-то подсказывало полковнику, что потерпевший теперь вряд ли отыщется. А тракторист может отказаться от своих показаний. И всё.... Этих двоих клоунов придется отпускать. Так уже было... Было не раз. Шаман подчищает за собой следы.

- Неделя прошла! Результаты?

- Разрешите доложить! Мишку-фотографа видели вчера ещё в городе! - оттарабанил перепуганный насмерть следователь. - В результате розыскных мероприятий было установлено, что посещал он гражданку Гиттерман Юлию Абрамовну. При опросе гражданки Гиттерман, было выяснено, что приходил он по поводу некой рукописи на идиш...

- Куда идешь? - насторожился Гуменyak.

- Никуда, господин полковник! - вытянулся по струнке следователь. - Язык это ихний, еврейский, идиш называется.
 - ? - полковник вопросительно посмотрел на следака.
 - Сам не знаю, зачем это фотографу. Знаю только, что у Гиттерман он пробыл не более получаса. Она дала ему словарь русско-еврейский, и так вкратце сказала. Что в тексте что-то от кабаллы. Колдовское что-то одним словом.
 - Он часом умом не тронулся, фотограф этот наш?
 - Не могу знать!
 - И где он сейчас?
- Следователь пожал плечами.
- Дома он так и не появился.
 - А сотовый?
 - Звонили...Или занят, или не берет трубку.

Парадокс, но для полиции Шахов вдруг стал человеком невидимкой. Хотя последние три дня он ни от кого не прятался, и не скрывался.. Он был убит горем....Умерла его мама. Ему позвонили из больницы. Три дня прошли как страшный сон. Организация похорон. Места на кладбище. Поминки. И бесконечные звонки по телефону. Звонил он. Звонили ему. Незнакомые номера, он не брал. Не досуг объяснять, что никому никакие фото он сейчас делать не будет. И уже после...не в силах находиться в её квартире, в окружении вещей, так живо напоминающих о матери, он ушел ночевать в свой бункер. И там сидя на койке, сжимая в руках тяжелый анх, и давясь слезами, он прошептал:

- Прости меня мама...прости... Что редко говорил тебе, что люблю. Прости, что не оправдал твоих надежд... Но я попробую сделать так, чтобы красивые львы не ели красивых антилоп...

А на утро он пошел с рукописью к старой еврейке...

Глава 13.Исход.

Маришка оказалась удивительной молодой девушкой с глазами старухи. Был в ней что-то, что непостижимым образом заинтриговало и притянуло Алексея помимо его воли, как магнитом. Да. Когда она мило улыбалась, то казалась совсем юной, а когда становилась серьезной, то было не по себе. Ощущение опасности, словно видишь перед собой ребенка с гранатой в руке, и он взялся пальцами за щеку. Зато именно от неё Леша узнал много интересного.

Например, что Светлый пришел к ним в деревню, чтобы сделать счастливыми. Нет, он не говорил это во всеуслышание, не проповедовал. Он помогал каждому с его бедой. Осознать, что неправильно в жизни сделано, и понять, что больше так не будешь делать, не потому, что не можешь или не хочешь, а просто ты уже другой, не тот, который был...Одно не давало покоя - прошлое, которое нельзя изменить, исправить. Это мучило всех. А поучение Светлого, что прошлое нужно отпустить, не помогало. И казалось не помогало и ему самому. Страдал он душой, сильно страдал. Иной раз лицо дернется, искривится на секунду, словно кто раскаленной иглой ткнул. Может именно поэтому ему и поверили, что он сам был такой же как все. Со своей бедой. Да и в возрасте был мужик, не пацан зеленый, чтобы жизни учить. Кто он был в прошлой жизни, чем

занимался, никогда не рассказывал, и хоть по виду был городской, но сельскую жизнь знал, огород капал, дрова рубил и в травах лечебных разбирался как знахарь-травник. Сначала привыкли к нему, а потом к тому, что он говорил. И стали жить как он советовал. А потом случилось странное...Внутри каждого человека вроде как друг появился. Другой, но не чужой, который все про тебя знает, все понимает, и самым лучшим другом на поверку оказывается. Он и советчик тебе, и указчик, и мать родная. Тепло внутри стало, вроде как ребенка несмышленого мамка по голове погладила. И сами они изменились, стали не такие как прежде, лучше, чище душой и телом...

- Знаешь, я наверное с вами останусь, - сказал Алексей однажды, выслушав очередную историю Маришки. И кто его знает почему, вдруг потянулся поцеловать девушку в щечку. Так, чисто из порыва. Но та отстранилась и, странно на него посмотрела, став на мгновение пожилой женщиной, ответила:

- Ты не сможешь пережить зиму. Тебе надо уходить...Не теряй время!

А после этих слов, поднялась с лавочки, и быстро ушла прочь.

- Ты куда? Почему? - крикнул ей Леша вдогонку.

- Спроси у Макара!

Ответила Маришка, не оборачиваясь.

Огорченный Леша поплелся к Макару Федотовичу. Дед выслушал и вместо ответа, присел на завалинку, скинул сапоги, и размотал портянки. Алексей заранее в предчувствии аромата, поморщился.

- Чего нос воротишь? - недовольно заметил дед, - Вот смотри!

Левая, голая ступня Макара, стоящая на голой земле, вдруг изменилась...Сначала на ней начали удлиняться пальцы. А, удлинившись сантиметров на десять, они разом нырнули в землю, словно это были не пальцы, а дождевые черви, которые решили вернуться на родину. Макар пустил корни, как все это делали в ту достопамятную ночь. У Леши от увиденного побежали мурашки по коже, а волосы на голове стали дыбом. Словно он это видел впервые. Хотя видел же, видел. Только со временем ему ночные события подтерлись в памяти, и стали казаться страшным сном. А вот, правая, обезображенная ступня деда, как была, так и осталась страшной, но человеческой. Зато сам дед уже был не дед, а раздвоился. Рядом с Макаром сидел похожий на него, но более молодой мужчина, лет тридцати.

- Понял да? Понял, почему я табаком да медовухой балуюсь? - сказал мужик.

- Почему?

- Вот ты непонятливый! - осерчал он, - Потому, что все пять месяцев могут зимой в погребе провести! А меня только на три месяца хватает...Корней питаться от матушки земли не хватает! Позже всех в спячку впадаю, и раньше всех просыпаюсь. Такие дела. А Маришка права...Эх! Зря я дурень за тебя вступился, изгнать тебя надо пока зима не пришла...

- Вот, одного не пойму Коля, как можно праздновать победу той страны, которой уже нет? И делать вид, что так и надо? Да мои деды, в гробу переворачиваются! Разве за это светлое будущее они воевали? Как быстро коммунисты в дерьмократов перекрасились, чтобы денег на народе нажить! Вот, только не знаю...Он был коммунистом?

- Конечно был, - кивнул Николай, - В КГБ беспартийных не было... А победа она народная....., какая бы власть не была...

- Неверное ты прав... Но посмотри! Он строит из себя Сталина, а сам сопли жуёт второй год. Одного не маршала, меняет на бухгалтера. Смотри, что есть специальная военная операция по определению? Это группа диверсантов, занимающихся устранением неугодного главы правительства, или там скажем Бен Ладена. Можно конечно без помощи спецназа высокоточным ракетным ударом накрыть их разом. А у нас что получается? Делают вид, что с целью гуманизма не бомбят Киев, а по факту устроили кровавую песочницу. Гибнут те, которые с одной стороны не могут от призыва откупиться, а с другой стороны те, которые кроме как на войне заработать не могут. В любом случае гибнет как всегда самая неимущая часть населения - пушечное мясо. Но хуже того, этот дибил не понимает, что чем больше ребят украинских погибнет, тем больше будет ненависти к русским, и это уже не изменить никогда... Это я тебе как русский украинец говорю Коля! И только скажи, что я не прав?!

- Прав отчасти, Паша....меня другое беспокоит. Ты вот рассказал мне про Мишку, а я ведь видел его в тот день в автобусе...Надо бы проведать, как он сейчас. Эти два отморозка его не достали, так другие могут найтись...Ты Толика знаешь, у него такой швали хватает...

- И что ты предлагаешь?

- Надо бы его навестить, проверить, может помощь нужна. Свой же пацан...

- Так нет его дома? Я ходил. Квартира ментами опечатана. Непонятно куда пропал...

- Я знаю, где он...

-?

- Помнишь, в детстве нашли цистерну в лесу?

- А то! Её же никто не смог открыть! Жора тогда психанул и кувалдой замок всмятку! - оживился Павел Иванович.

- А он открыл.

- Не может быть!

- Может, - кивнул Николай., - Видел, как-то он оттуда выходил..Завтра воскресенье, давай прям с утра сходим?

-У! Угу!

- Ты чего сука пугаешь как филин? - спросил спросонья Терех.

- Вау...у..ли...т наго, - как с кашей во рту прожевал Комар, с загипсованной шеей и подвязкой под челюстью.

- Надо бы, но как? Мент на входе, а на окнах решетки?

- За...ва..ю.

- Ты сдурел что ли? Чика поехала мента валить?

- И..ли .нас... п...ец!

Комар с трудом пытался довести до товарища свою здравую мысль, что тот натрепался ментам настолько, что если они не свалят из больнички, то их Шаман сам приговорит. Рассказать, о печальной судьбе родственника, работавшего на Шамана, Комар даже не пытался, не было возможности разговаривать. Впрочем, Терех и сам все время думал, как организовать побег, когда первое время испуга прошло, а их ещё в СИЗО не определили.

-Он по...ать уй..ет, тв....рь.. ло...ану, - сообщил Комар свой план товарищу.

- Чего?

Видя, что Терех не понимает, Комар жестами показал, как вертухай справляет малую нужду, а он в это время богатырским усилием взламывает дверь.

- Давай.

Согласился Терех. Ждать когда охранника настигнет физиологическая потребность пришлось почти до утра. Зато всю ночь Комар с Терехом наслаждались храпом охранника за дверью. И даже твердый стул, не предназначенный для комфортного отдыха, не мешал тому выводить такие трели, что соловьи в парке дохли от зависти. А когда к пяти часам утра, тот наконец тот перестал храпеть, сон мертвой хваткой вцепился в подельников. Глаза слипались, хоть спички вставляй. И когда охранник наконец отлучился по нужде, богатырских сил у Комара не хватило. То ли он переоценил свои возможности, то ли сказывалось ночное бдение, но максимум, чего он достиг, это оторвал дверную ручку.

- Эй! Вы чего там творите суки! - раздался голос, вернувшегося в самый разгар борьбы с дверью, мента.

- Пошел на х...! - заявил Терех. И далее разразился в отчаянии такими словосочетаниями, в которых упомянул свои сексуальные контакты в извращенной форме со всеми близкими родственниками вертухая и им самим.

- Ах ты! ...

Отозвался обиженный охранник ковыряясь в замке и открывая дверь с целью вбить в задержанного все его слова обратно с помощью волшебной резиновой палочкой. И ему это удалось. Вернее частично удалось. Дверь то он открыл. И даже палочкой, демократизатором замахнулся, но был сражен наповал богатырским ударом уткой по голове от рук подследственного Комара. Надо заметить, что утка была не та, в которой яйцо, а в яйце игла, а там смерть Кощеева. Утка была жестяной, эмалированной, и в неё полагалось справлять нужду в стационаре не ходячим пациентам.

- Ша..., - начал говорить заместитель Токарева и осекся. - Анатолий Алексеевич, тут наши гаврики объявились. Звонили сейчас мне..С больнички в бега подались.

- И что?

- Вот и я интересуюсь...что делать то с ними?

- А ты не догадываешься?

- Что прям сейчас?

- Назначь место, время и пошли на встречу Хмурого.

- Ок...

- Хорошо.

- И это...тут ещё одна новость есть. Засекли убежище фотографа...

- Вот и славно. Сделай тогда так...пошли этих.. к фотографу, чтоб косяк свой искупили, а потом пусть Хмурый с ними разбирается.

- Понял! Гениальный план шеф!

Подхалимски воскликнул заместитель, но в телефоне уже были короткие гудки.

- Я же тебе говорил, - сказал негромко Николай, - видишь...вон двое за кустами сидят?

- Точно, - так же шёпотом отозвался Павел, глыбой выглядывая из за спины товарища.

- Давай подойдем что ли, познакомимся.

Иваныч жестами показал обходной маневр. Коля кивнул, и они разошлись в разные стороны.

Комар курил, и потягивал через соломинку пиво из банки. Он бы с удовольствием выпил пару банок залпом, но из-за травмы челюсть полностью не открывалась. Он таким

макаром и кашку манную жидкую ел уже неделю, и бульончик пустой хлебал. А снилось ему мясо. Сочный такой шашлык, большими кусками лежащий перед ним. И это было до одурения мучительно.

- У он то...шно там?

- Точно, - хмуро ответил Терех. - Если и ушел куда, то придет. Куда он нахрен денется? После нашего шмона в хате, он туда носа показать биться... Сегодня воскресенье, может за хавчиком отлучился? До ближайшегомагаз тут три километра как минимум...

- А шо потом?

- Отчитаемся и разбежимся. Не в обиду Комар, но не фартовый ты никак...Только скажи, Шаман точно ксивы сделает, не трындит?

- А хы ..го..зн...ет..

- Ладно.

- Так, так... , - раздался неожиданный голос позади подельников, - И что мы тут загораем? По УДО из больнички вышли? Не порядок...Я вам больничный не подписывал...

Пodelьники ,сидящие до этого на травке и греющиеся на солнышке, подскочили как ужаленные. Чтобы увидеть в лицо опять давешних своих врагов и обидчиков.

- Как ты думаешь Коля, продлить надо больничный?

- Сейчас продлим, - кивнул Николай.

- А вот это вряд ли, - нехорошо оскалился Терех.- Придется Комар нам сегодня не одну могилку копать, а три...

После этих слов он достал из внутреннего кармана куртки пистолет, и передернул затвор.

Шахов для себя уже всё решил. Он понял, что изменение социально строя не поможет, если не изменить самого человека. Если сделать так, чтобы люди просто не могли воровать, убивать, просто творить зло, то зла и не будет. Если сделать так, чтобы труд был слаще отдыха, и желание помочь ближнему будет всеобщим, то каких высот сможет достичь человечество? Но размышления его прервала какая-то возня у бункера. Что-то там происходило...Что-то нехорошее. И чтобы не случилось плохого нужно было выйти и помочь тем, кто в его помощи нуждался. И он открыл дверь..

И пришла ночь. И собрались все. И сказали в голос : " Изгоняем!" И пошел Леша куда глаза глядят. Глаза глядели в сторону моста, туда откуда он пришел. И миновал он мост. И не пошел вдоль берега, поскольку там были кусты ивы, и камыш, а по старой разбитой, и заросшей дороге пошел. И не радовалось его сердце свободе, а ныло от непонятной тоски. Вроде чужие люди остались за спиной. Но они не чужие. Он привык к ним, и сроднился. Словно часть себя осталась позади. Позади осталась старая бабушка, которая глядит ему во след и утирает слезу, зная, что больше его никогда не увидит. И по мере того как всё дальше он уходил, приходило понимание, что это не деревня такая, это собрал Светлый несчастных людей, и попытался сделать счастливыми. Но то, что у него получилось нельзя назвать удачей. Человек не смог сам стать счастливым, пока не выросла внутри отдельная сущность. И именно эта сущность светиться и уходит в небо, когда тело умирает....

Леша задумался и пропустил тот момент, когда вдруг оказался не на дороге, а на лесной поляне, где за кустами и молодыми деревцами темной тучей виднелся какой-то предмет. В темноте ночи, но при свете луны казалось, что это мамонт там в засаде притаился. Но когда подошел ближе, увидел округлые бока железнодорожной цистерны.

С торца которой была распахнута дверь. Чисто на автомате Леша, как сомнамбула зашел внутрь и щелкнул выключателем с левой стороны. И в помещении загорелся свет. Откуда он знал, что выключатель именно слева? Откуда он знал, что именно сюда ему надо? И как вообще он уклонился с грейдера и оказался здесь? Вопросов, этих у него не возникало. Вся окружающая обстановка за много дней впервые показалась знакомой. Красный фонарь горящий над фотоувеличителем УПА-2, стоящим на письменном столе, и ванночки с проявителем и фиксажем. И старый алюминиевый тазик с чистой водой для промывки, стоящий рядом на табуретке. Он вспомнил, что подобрал тазик у заброшенного дома на Делегатской, там ещё табличка была старая с названием улицы, а вот номер дома на табличке было не разобрать - краска облупилась.

И тут он всё вспомнил...ВСЁ! Что видел часто людей в детстве, которых не видели другие люди. Что иногда Они говорили ему. А он сильно зажмуривался, и если была возможность прятался под одеяло. Рассказал маме, а она думала, что это страшный сон и водила его к врачу. А врач убеждал его, что это всё его фантазии, надо просто перестать фантазировать, и постараться не видеть и не слышать. И он поверил врачу, и старался изо всех сил не видеть этих людей, и не слышать. И ему это почти удалось. Он перестал их слышать, и видеть. Но иногда они приходили чтобы испортить кадр, и напомнить, что они о нем не забыли.... И перед глазами промелькнула, пролетела как на ускоренной перемотке вся его прошлая и будущая жизнь. Но он не хотел такого будущего... И поэтому подумал и сказал сам себе:

- Хватит выискивать в жизни красивое! Надо его делать...

Он щелкнул выключателем, и загорелся яркий свет, ослепительный, после темного красного фонаря. А листы фотобумаги, плавающие в тазике, почернели. Но он уже не смотрел на них. Он подошел к койке на нижнем ярусе, достал из под подушки тяжелый крест и прижал груди. И крест вошел в него...растворился в ярком золотом свечении. Перекрестье вытянулось и разошлось по всему телу, в руки, в ноги, а сомкнутая верхняя петля, разошлась на двое, и стала за спиной двумя большими белоснежными крыльями.

- Я не Мишка, я Михаил... - произнес он, и воздухе сверкнуло, молнией сверкнул меч выросший из руки. А тот черный, стоящий за его спиной в темноте, опасно отскочил назад.

- Павел Иванович, ну сам понимаешь, Роман Давлетияров у нас по всем показателям первый на заводе, кого мне еще к поощрению выдвигать?

- Понимаю, - кивнул директор Комсомольского Ремонтного механического завода, - И даже поддерживаю. Но чем мне его награждать прикажешь? Автомобиль мы ему в том году подарили? Подарили. В Турции по путевке был? Был. На Мальдивах был? Был. В Японию опыт передавать японским товарищам ездил? Ездил.

- А может в санаторий в Сочи?

- Ты это.... говори да не заговаривайся! Туда очередь как в мавзолей! Могу на следующий год записать. Записать?

- Можно конечно, но и сейчас надо чем-то наградить..., - вздохнул начальник литейного цеха.

- А знаешь, что... Он вроде рыбак?

- Есть немного, на выходных с удочкой дружит.

- Вот и славно!, - хлопнул директор по столу ладонью, - Оформим ему рыбалку на недельку на тунца в Таиланд!

Разговор на этом закончился, и директор застучал пальцами по клавиатуре оформляя заявку передовику. Когда набор заявки прервал групповой видео вызов. И сразу на экране монитора появилось несколько мужских стареющих лиц.

- Привет Паша!
- Привет пацаны!
- В субботу не забыл?
- Конечно нет! Как можно? Юбилей нашей первой учительницы Надежды Даниловны!
- Девяносто лет!
- Как такое можно пропустить?!
- Рауль, на сколько человек ресторан заказал?
- Обижаешь дорогой! Какой заказал? Я же директор, всех кто придет не обижу, и места всем хватит.
- Это да!
- Он всегда любил повеселиться, особенно поесть, - хохотнули в чате.
- Васька Толкалин обещал приехать, он сейчас на гастролях в опере в Риме. Говорит сюрприз будет. Гулька Коляева стихи написала, Виталик Барчан мелодию сочинил, так он их песню споет Надежде Даниловне.
- Кто ещё из наших будет?
- Толик Токарев не сможет, у него чемпионат по боксу на Кубе, не успеет долететь..
- Жаль...Мировой пацан!
- Остальные все будут?
- Да вроде все...
- Все живы, все здоровы?
- Никто не отказался? Весь выпуск десятого "А" будет!
- Не все...
- Как не все?
- А помните Мишку?
- Мишку?
- Он фото замечательные делал всего класса!
- У меня до сих пор его фотки школьные в альбоме..
- Молодым ушел...
- Да.....печальная история....
- Вовка, ты же вроде расследовал? Как там получилось?
- Расследовал. Несчастный случай...
- Это надо же было так на мотоцикле разогнаться, что на дереве повис, словно распял кто..
- Ага... Два сучка в руки, и одно в сердце...
- Сам мотоцикл так и не нашли...

17.05.2024г.

Дай бог слепцам глаза вернуть
и спины выпрямить горбатым.
Дай бог быть богом хоть чуть-чуть,
но быть нельзя чуть-чуть распятым.
Дай бог не вляпаться во власть
и не геройствовать подложно,
и быть богатым — но не красть,
конечно, если так возможно.
Дай бог быть тертым калачом,
не сожранным ничьею шайкой,
ни жертвой быть, ни палачом,
ни барином, ни попрошайкой.
Дай бог поменьше рваных ран,
когда идет большая драка.
Дай бог побольше разных стран,
не потеряв своей, однако.
Дай бог, чтобы твоя страна
тебя не пнула сапожищем.
Дай бог, чтобы твоя жена
тебя любила даже нищим.
Дай бог лжецам замкнуть уста,
глас божий слыша в детском крике.
Дай бог живым узреть Христа,
пусть не в мужском,
так в женском лице.
Не крест — бескрестье мы несем,
а как сгибаемся убого.
Чтоб не извериться во всем,
Дай бог ну хоть немного Бога!
Дай бог всего, всего, всего
и сразу всем — чтоб не обидно...
Дай бог всего, но лишь того,
за что потом не станет стыдно.
Е.Евтушенко 1990г.